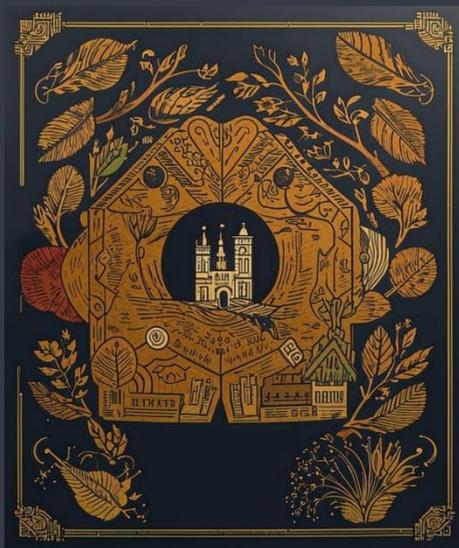

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Л. П. Бессонова

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методическое пособие

Майкоп
ЭЛИТ
2024

УДК 373.167.1:821.161.1'01

ББК 83.3(2=411.2)4я73Б 53

Д 73

Рекомендовано к публикации Учебно-методическим советом
Адыгейского государственного университета

Рецензенты:

*кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы
и массовых коммуникаций АГУ*

И.Н. Хаткова

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
отдела литературы АРИГИ им. Керашева*

Т. А. Шовгенова

Научный редактор:

*доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
и массовых коммуникаций АГУ*

Ф. Б. Бешукова

Бессонова, Л. П.

Д73

Древнерусская литература : учебно-методическое пособие

[Электронный ресурс] / Л. П. Бессонова – электрон.дан. (1 файл pdf – 1.45 Мб) – Майкоп : ЭлИТ, 2024. – Режим доступа: <https://cadcd384-dd0e-4725-81dc-a4b3bb8a2efa.selstorage.ru/978-5-6052250-8-9.pdf>

ISBN 978-5-6052250-8-9

EDN: FBEMAY <https://elibrary.ru/fbemay>

Учебно-методическое пособие представляет собой руководство по освоению курса «Древнерусская литература» для студентов очного и заочного отделения филологического факультета с целью получения необходимых базовых знаний о процессе становления древнерусской литературы с XI по XVII век, особенностях жанровой системы её, художественной специфики и стилистики. В пособии содержатся программа курса, планы лекционных и практических занятий, темы контрольных работ, вопросы для самостоятельной работы и к зачету, итоговый тест, глоссарий. Учебно-методический комплекс соответствует требованиям ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.01 «Филология» (бакалавриат).

ISBN 978-5-6052250-8-9

9 785605 225089 >

© ФГБОУ ВО «АГУ», 2024

© Бессонова Л.П., 2024

© Оформление электронного издания ООО «ЭЛИТ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пояснительная записка.....	6
I. Содержание курса «Древнерусская литература».....	9
II. Планы лекционных занятий (18ч.)	17
Лекция №1	
Введение. Истоки, художественное своеобразие и проблемы изучения литературы Древней Руси	17
Лекция №2	
Памятники литературы XI-XII веков. Возникновение русского летописания	18
Лекция №3	
Становление ораторской и публицистической прозы в литературе Древней Руси	19
Лекция №4	
Литература периода феодальной раздробленности. «Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник Древней Руси. Особенности жанра и историческая ценность .	21
Лекция №5	
Житийная литература	22
Лекция №6	
Литература периода монголо- татарского нашествия и объединения Северо-Восточной Руси (вторая треть XIII – 80- годы XVв.).....	24
Лекция № 7	
Литература периода объединения Северо-Восточной Руси и образования Русского централизованного государства (с конца XIV до начала XVI в.).....	26
Лекция № 8	
Литература эпохи русского централизованного государства (XVI в.).....	28

Лекция №9	
Литература «переходного» XVII века	30
III. Планы практических занятий (18 ч.).....	33
Практическое занятие № 1	
Особенности древнерусской литературы.	
Историческое и художественное значение	
«Повести временных лет».....	33
Практическое занятие № 2	
Торжественное и учительное красноречие	
в литературе XI–XIII вв.	36
Практическое занятие № 3	
«Слово о полку Игореве» как литературный памятник	39
Практическое занятие № 4	
Формирование житийного жанра в Древней Руси.....	41
Практическое занятие № 5	
Литература периода монголо- татарского нашествия.	
Развитие жанра воинской повести	
в древнерусской литературе.....	44
Практическое занятие №6	
Развитие жанра хождения в древнерусской литературе.....	46
Практическое занятие №7	
Эволюция житийного жанра в литературе XVI–XVII вв.	48
Практическое занятие № 8	
Идейно–художественные особенности беллетристических	
и бытовых повестей XV – XVII вв.	50
IV. Вопросы для самостоятельной работы студентов.....	53
V. Темы контрольных работ	55
Контрольная работа № 1	55
Контрольная работа № 2	55
VII. Итоговый тест по древнерусской литературе	57
VII. Вопросы к зачёту	59

VIII. Глоссарий.....	61
IX. Приложения.....	63
Приложение №1	63
Приложение №2	96
Приложение №3	120
Приложение №4	139
Приложение №5	160

Пояснительная записка

Древнерусская литература (XI -XVII в.) является основополагающим звеном в историко-литературном процессе, так как она является своеобразным фундаментом, на котором формировалась и развивалась русская национальная литература XVIII — XX веков. Поэтому древнерусской литературе принадлежит значимое место в общекультурном наследстве нашей страны. Для произведений древней русской литературы, которые условно можно разделить на церковные и светские, характерна патриотичность, идейность, народность, публицистичность. По мнению Д.С. Лихачёва, это «... литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчинённостью одной теме ... и эта тема — смысл человеческой жизни»¹. Поэтому так значительна воспитательная ценность памятников древнерусской литературы, являющихся выразителем жизненной мудрости. Знания о древнерусской литературе необходимы и будущему учителю-словеснику, чтобы в полной мере использовать его богатейший материал в процессе изучения литературных произведений, а также при формировании у школьников эстетических и нравственных идеалов.

Изучение курса древнерусской литературы предполагает:

- овладение теоретическими понятиями, связанными со спецификой изучения древнерусских текстов, жанровой системой литературы Древней Руси;
- изучение наиболее значимых произведений древнерусской литературы с точки зрения их места в историко-литературном процессе, жанровой специфики, художественного своеобразия;
- формирование представлений о закономерностях и особенностях развития древнерусской литературы, ее связях с устным народным творчеством и литературами других стран.

¹ Лихачёв Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М. : Азбука-Аттикус, 2014. 28 с.

В результате изучения курса студенты должны:

- иметь представление об истории развития древнерусской литературы;

- приобрести навык чтения древнерусских текстов с помощью словаря, умения анализировать сюжет и композицию, систему образов, жанровую специфику, особенности словесно-стилистических средств произведений, определять их место в системе и истории развития древнерусских жанров;

- выражать собственное мнение об эстетической ценности произведения, в том числе в жанре рецензии, творческой работы.

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций:

(ОК-1) - Владение культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору ее достижения.

(ОК-2) - Способность анализировать мировоззренческие, социально и лично значимые философские проблемы.

(ОК-3) - Владение основами речевой профессиональной культуры.

Основным средством получения теоретических и историко-литературных знаний по данной дисциплине является лекционный курс, самостоятельная работа студентов с учебниками, монографическими исследованиями и научными статьями по вопросам практикума. Умения и навыки отрабатываются на семинарских занятиях путем комментированного чтения древнерусских памятников, целостного анализа отдельных произведений, сравнительного анализа текстов одного жанра, сравнения по основным признакам произведений разных жанров, сопоставления системы изобразительное-выразительных средств произведений и выявления их стилистических особенностей и художественных приемов.

Самостоятельная работа преимущественно включает в себя изучение основной и дополнительной литературы по данному курсу, конспектирование рекомендуемой литературы, чтение древнерусских текстов со словарем, подготовку к практическим занятиям, контрольной работе и зачёту по предложенным вопросам,

подготовку презентаций по отдельным вопросам тем. Работа с научно-критической литературой по обсуждаемой теме предполагает составление тезисов, отражающих отдельные стороны концепции автора. Некоторые научные статьи помогают лучше понять изучаемую тему и являются своеобразной формулой для выполнения предложенного преподавателем задания.

В приложениях представлены статьи известных исследователей в области древнерусской литературы, необходимые для анализа при подготовке к практическим занятиям.

Практическая значимость пособия предопределена его структурой: в нём содержится семестровый план лекционных и практических занятий, которая может быть полезна как преподавателям (при подготовке к лекциям), так и студентам при подготовке к семинарским занятиям и освоении данного курса в целом.

І. Содержание курса

«Древнерусская литература»

Введение. Время и обстоятельства возникновения древнерусской литературы. Роль русского фольклора, византийской и южнославянской литератур в формировании древнерусской книжности. Основные особенности древнерусской литературы. Принципы историзма и правдивости, публицистичность и дидактизм произведений. Единство нравственного и эстетического в литературе. Преобладание поэтики традиционного, её влияние на проявление индивидуального авторского начала.

Жанровая система древнерусской литературы. Проблема границ и периодизации древнерусской литературы.

Истоки, художественное своеобразие и проблемы изучения литературы Древней Руси. Свообразие бытования древнерусских текстов. Рукописный характер и анонимность. Основные понятия истории средневекового текста. Типы письма, особенности оформления рукописей.

Основные хранилища древнерусских рукописей в России. Научные центры изучения древнерусской литературы. Место и роль древнерусской литературы в истории развития русской литературы.

Литература Киевской Руси (XI – первая треть XII в.)

Своеобразие эпохи формирования древнерусской литературы. Общегосударственная и религиозная проблематика произведений. Темы независимости и единства Русской земли, осуждение княжеских распрей.

Жанровый состав литературы Киевской Руси. Соотношение переводных и оригинальных памятников.

Формирование объединяющего жанра летописи. История ранних русских летописных сводов. Редакции «Повести временных лет». Свообразие и типы изображения исторических лиц в летописи. Композиция «Повести временных лет» и её жанровый состав. Исторические повести и народные предания в тексте

летописи. Формирование жанра воинской повести в составе «Повести временных лет». Язык и поэтические средства в летописи. Значение «Повести временных лет» как памятника истории, литературы и языка Киевской Руси.

Жанр поучения в литературе Киевской Руси и его разновидности. Личность и судьба митрополита Илариона. Время возникновения «Слова о законе и благодати». Религиозно-философское и политическое начала в содержании «Слова». Произведение Илариона как памятник торжественного красноречия: композиция, поэтические и риторические средства, ритмическая организация. Литературное значение «Слова». Жанр торжественного поучения в творчестве Кирилла Туровского. Своеобразие поэтического стиля и изображения природы в «Слове в новую неделю по Пасхе». Размышления Кирилла о творчестве в тексте «О летописцах и песнотворцах».

Рукописная судьба и проблема датировки «Почения детям своим» Владимира Мономаха. Состав текста «Почения» и его замысел. Образ идеального князя в произведении. Автобиографическое начало в памятнике. Композиция и своеобразие стилистики. Идеиная связь «Почения» с «Посланием» Олегу Святославичу. Эмоционально-лирическое начало и средства его выражения в «Послании».

Формирование житийного жанра. Жития Бориса и Глеба: проблема времени их создания и взаимоотношений. «Сказание о Борисе и Глебе» как мученическое житие. Психологические характеристики и приёмы их введения в текст произведения. Элементы литературного портрета.

«Житие Феодосия Печерского» Нестора как первый образец преподобнического жития. Способ идеализации в изображении главного героя и приемы его воплощения. Своеобразие композиции и языка жития. Значение произведения в становлении жанра.

Возникновение жанра хождений. История создания и цель написания «Хождения игумена Даниила». Личность повествователя

в произведении. Композиция, состав путевых очерков, поэтика пейзажных и архитектурных описаний. Язык произведения.

Литература периода феодальной раздробленности (вторая треть XII – первая треть XIII в.)

Развитие культуры русских княжеств. Возникновение областных стилей в литературе и искусстве. Литература Киевского княжества. Продолжение традиции «Повести временных лет» в Киевской летописи XII в. Основные темы и жанры в ней, литературное своеобразие памятника. Повесть о походе Игоря на половцев в 1185 г. как образец жанра воинской повести. Проблема времени создания произведения. «Слово» и летописные повести о походе Игоря. Сюжет, композиция, изображение героев. Язык и поэтические средства произведения. Проблемы ритмического строя и жанра. Гипотезы об авторе «Слова». «Слово» и литература XII–XIII вв. Переводы «Слова» в XIX–XX вв., их типы и особенности. «Слово» и русская культура XIX–XX столетий.

История сложения и редакции «Киево-Печерского патерика». Внутрижанровый состав патерика, своеобразие жанра патерикового жития. Отражение русской жизни в рассказах патерика. Образ иконописца и своеобразие восприятия художественного творчества. Особенности стиля произведения.

Литература Владимирского княжества. Владимирское летописание, отражённое в Лаврентьевском своде: тематика, жанры, своеобразие подхода летописцев к событиям. Повесть о походе Игоря на половцев – образец воинской повести владимирской традиции.

«Моление» Даниила Заточника. Проблема истории текста. Образ автора в двух редакциях памятника. Представление Даниила о сущности княжеской власти и отношениях князя с подданными. Обличительные элементы в произведении. Сочетание книжной и фольклорной традиции в стиле памятника. Проблема происхождения стиля «Моления» и своеобразие жанра.

Литература эпохи начала монголо-татарского ига (вторая треть XIII в. – 1380 г.)

Исторические события эпохи и их влияние на состояние культуры. Единство художественных произведений в оценке исторических событий. Жанровое развитие литературы.

Жанр воинской повести в эпоху монголо-татарского нашествия. Особенности трактовки событий и художественное своеобразие разных редакций «Повести о битве на реке Калке».

Проблема истории формирования и времени создания «Повести о разорении Рязани Батыем». Сюжетно-композиционное своеобразие, способы изображения персонажей, стилистика повести. Новые тенденции в развитии жанра воинской повести, проявившиеся в произведении.

Особенности жанра житий в эпоху монголо-татарского нашествия. Возникновение новой разновидности житий в «Повести о житии Александра Невского». Своеобразие княжеского идеала в произведении. Соединение элементов жития и воинской повести.

Проблема жанровой принадлежности «Слова о погибели Русской земли». Русская земля и русская история в трактовке автора «Слова». Художественные связи «Слова о погибели Русской земли» и «Слова о полку Игореве».

Литература эпохи Куликовской битвы и освобождения от монголо-татарского ига (1380 г. – 80-е гг. XV в.)

Историческое и духовное значение Куликовской битвы. Подъём национального самосознания, расцвет литературы и искусства. Творчество Андрея Рублева как выражение гуманистической направленности культуры эпохи. Развитие жанра воинской повести в произведениях Куликовского цикла. «Сказание о Мамаевом побоище» – новый этап в развитии жанра воинской повести. Проблема датировки памятника. Внимание к человеку как основа создания новых принципов построения сюжета. Композиция, приемы характеристики персонажей, своеобразие и функции пейзажа, стилистические особенности произведения.

Художественное воплощение идейного пафоса эпохи в «Задонщине». Связь «Задонщины» со «Словом о полку Игореве». Общие и различные черты двух памятников.

Своеобразие преломления традиции жития князя-воина в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского». Стилистика памятника.

Литературная деятельность Епифания Премудрого. «Житие Стефана Пермского». Традиционное и новое в композиции жития. Развитие жанра в «Житии Сергия Радонежского». История текста произведения. Отражение исторической жизни Руси в «Житии». Суждение Епифания о литературном стиле и своеобразии использования «плетения словес» в произведении.

Новгородская литература и ее особенности. Жанр историко-легендарной повести в новгородской литературе XV в. Фольклорные и агиографические элементы в «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим» и «Повести о посаднике Щиле». Отражение историко-философской и политической концепции в «Повести о новгородском белом клубуке».

Псковская литература и ее особенности. Сочетание фактичности, документализма, последовательности изложения событий с эмоционально-лирической, публицистической и дидактической их оценкой в повести «Псковское взятие, како взят его князь великий Василий Иванович».

Тверская литература и её особенности. Развитие житийного жанра. «Житие князя Михаила Александровича Тверского». Возникновение жанровой разновидности купеческих хождений. История создания «Хождения за три моря Афанасия Никитина». Изображение Индии в хождении. Историческое и легендарное в произведении. Путешественник, его взгляды и размышления. Своеобразие стиля.

Литература Московского централизованного государства (конец XV–XVI в.)

Время жёсткой централизации культуры и литературы. «Великие Минеи Четии». Значение и литературное своеобразие «Великих Четых Минеи» митрополита Макария. «Домострой» как памятник русской жизни XVI столетия.

Своеобразие отражения политической и церковной истории Руси в памятниках: «Послание на звездочетцев» Филофея, «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы, «Сказание о князьях Владимирских». Значение их для формирования идеологии Московского государства.

Развитие исторического повествования в XVI в. Жанровый синтез в Никоновском летописном своде и «Степенной книге».

Исторические причины расцвета публицистики в конце XV–нач. VI вв. Публицистические послания Ивана Грозного. Своеобразие стиля послания в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме с братией.

Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского. Политическая и литературная полемика в посланиях. Происхождение и особенности стиля посланий Ивана Грозного.

Развитие традиции беллетристической повести в XVI в. Фольклорные и житийные мотивы в «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма. Идеиная связь произведения с публицистикой автора. Своеобразие композиции, системы образов, стиля повести.

Литература «переходной» эпохи (XVII в.)

Историческое своеобразие периода. Постепенное изменение мировоззрения. Рост демократических элементов и начало процесса ослабления церковного влияния в русской культуре.

Особенности литературы о «Смуте». Влияние на произведения жанров фольклора и деловой письменности. Идеиная направленность и жанровое своеобразие памятников начала Смутного времени.

Традиции летописания XVI века: «История о царях и великих князьях земли Русской», «Сказание» Авраамия Палицына, «Летописная книга». Новые принципы организации повествования и изображения персонажей.

Традиции жанра воинских повестей. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков». Историческая основа, авторство, своеобразие характеристики персонажей в произведении.

Эволюция житийного жанра. Агиографические и бытовые элементы, изменение облика главного героя, своеобразие композиции и стилистики «Повести о Юлиании Лазаревской».

Церковная реформа патриарха Никона и возникновение раскола русской церкви. Свообразие литературы старообрядцев. Творчество протопопа Аввакума. Особенности композиции, принципов изображения главного героя, стиля «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». Жанр «Жития». Взгляды Аввакума на художественное творчество в трактате «Об иконном писании», новые представления об искусстве, выраженные Иосифом Владимировым в сочинении «О премудрой мастроте живописующих».

Проблематика бытовых повестей XVII в. Жизненный выбор молодого человека и его судьба в «Повести о Горе-Злочастии». Фольклорное начало в поэтике повести. Образ главного героя и символическое значение образа Горя. Свообразие стилистики и стиха произведения.

Соединение различных жанровых традиций, особенности сюжетного построения, традиционное и новое в системе персонажей, своеобразие жанра «Повести о Савве Грудцыне».

Новое решение проблемы судьбы молодого человека в «Повести о Фроле Скобееве». Новеллистический характер сюжета повести. Свообразие выражения авторской позиции. Стилистика и жанр произведения. Начало процесса сближения русской литературы с западноевропейской.

Возникновение сатирических повестей, их тематика и основные формы.

«Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде», «Повесть о Карпе Сутулове». Использование форм фольклора и деловой письменности в произведениях.

Начало процесса сближения русской литературы с западноевропейской. Значение переводных сборников и любовно-авантюрных повестей для развития оригинальной литературы: «История семи мудрецов», «Великое Зерцало», «Звезда Пресветлая», «Римские Деяния».

Становление силлабического стихосложения. Поэтическое творчество Симеона Полоцкого. Возникновение русского придворного театра. Репертуар и своеобразие пьес. Историческое и вымышленное, героическое и комическое в пьесе «Юдифь».

Восточнославянская традиция школьного театра и пьесы Симеона Полоцкого. Публицистический смысл и своеобразие формы «Комедии-притчи о блудном сыне».

II. Планы лекционных занятий (18ч.)

Лекция №1

Введение. Истоки, художественное своеобразие и проблемы изучения литературы Древней Руси

План

1. Возникновение древнерусской литературы. Ее периодизация.
2. Жанровая система древнерусской литературы.
3. Особенности древнерусской литературы:
 - а) рукописный характер бытования древнерусской литературы;
 - б) анонимность, отсутствие авторских прав.
4. Славянская письменность. Свообразие бытования древнерусских текстов.
5. Место и роль древнерусской литературы в истории развития русской литературы.

Методический комментарий

Данное лекционное занятие даст возможность студентам познакомиться с понятием древнерусская литература, ее периодизацией, определить место и роль древнерусской литературы в истории развития русской литературы, узнать об особенностях написания древнерусских текстов.

Литература:

1. Адрианова-Перетц, В. П. Древнерусская литература и фольклор / В. П. Адрианова-Перетц. – Ленинград : Наука, 1974. – 171 с.
2. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – С. 317-437.

-
3. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 3. – С. 23-66.
 4. Столярова, Л. В. Книга в Древней Руси (XI-XVI вв.) / Л. В. Столярова, С. М. Каштанов. – Москва : Университет имени Пожарского, 2010. – 429 с.

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI-XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI-XVII веков / Д. С. Лихачёв, Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье [и др.] ; под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. – Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Просвещение, 2005. – 478 с.

Лекция №2

Памятники литературы XI-XII веков. Возникновение русского летописания

План

1. Формирование жанра летописи. История создания русских летописных сводов.
2. История создания «Повести временных лет».
3. Исторические повести и народные предания в летописи.
4. Общая характеристика стиля летописи. Язык и поэтические средства. Значение «Повести временных лет» как памятника истории, литературы и языка Киевской Руси.
5. Жанр хождений в древнерусской литературе. «Хождения игумена Даниила».

Методический комментарий

Одним из первых, важнейших жанров возникающей русской литературы явился жанр летописи. Именно летописи было суждено на несколько веков, вплоть до XVII в., стать не простой погодной записью текущих событий, а одним из ведущих литературных жанров, в недрах которого развивалось русское сюжетное повествование. Материал лекции познакомит студентов с историей создания первых летописных сводов, их авторами, жанровым составом и стилевыми особенностями. Также они познакомятся с зарождением древнейшего жанра на Руси-хождением.

Литература:

1. Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII века : в 12 выпусках. – Москва : Художественная литература, 1978. – Вып. 1 : Начало русской литературы. XI - начало XII века. – 463 с.

Исследования:

1. Лихачёв, Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачёв ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). – Москва : АН СССР, 1947. – 500 с.
2. Шайкин, А. А. Повесть временных лет: история и поэтика / А. А. Шайкин. – Москва : Русская панорама, 2011. – 613 с.
3. Шайкин, А. А. Тропы в «Повести временных лет» / А. А. Шайкин // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва : Языки славянской литературы, 2004. – Вып. 11. – С. 505-525.

Лекция №3

Становление ораторской и публицистической прозы в литературе Древней Руси

План

1. Становление жанров торжественного(эпидактического) и «учительного» (дидактического) красноречия в Киевской Руси.

2. Торжественное красноречие. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона -лучший образец тожественной ораторской прозы. Жанр торжественного поучения в творчестве Кирилла Туровского.

3. Дидактическое красноречие. «Поучение Владимира Мономаха» - памятник светской «учительной» литературы.

4. «Моление Даниила Заточника». Своеобразие жанра. Сочетание книжной и фольклорной традиции в стиле памятника.

Методический комментарий

Данное лекционное занятие даст возможность студентам познакомиться с развитием ораторской и публицистической прозы в древнерусской литературе на примерах лучших ее памятников, выделить основные отличия каждого из рассматриваемых жанров.

Литература:

1. Красноречие Древней Руси: XI-XVII вв. : сборник / составитель ; вступительная статья, подготовка древнерусских текстов и комментарии Т. В. Черторицкой. – Москва : Советская Россия, 1987. – 444 с.
2. Иларион, митрооплит Киевский ; XI в. Слово о Законе и Благодати / Иларион ; реконструкция древнерусского текста Л. П. Жуковской ; вступительная статья В. Я. Дерягина ; комментарии В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского. – Москва : Столица : Скрипторий, 1994. – 143, [2] с.
3. Лихачёв, Д. С. «Слово о законе и благодати» Илариона // Лихачёв, Д. С. Избранные работы / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 30-42.
4. Ужанков, А. Н. Из лекций по истории русской литературы XI - первой трети XVIII в. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского / А. Н. Ужанков. – Москва : Инженер, 1999. – 153 с.

Исследования:

1. Карпов, А. Ю. Владимир Мономах / А. Ю. Карпов. – Москва : Молодая гвардия, 2015. – 384 с.
2. Колесов, В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского / В. В. Колесов // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1981. – Т. 36. – С. 223-227.
3. Копреева, Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха / Т. Н. Копреева // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1972. – Т. 27. – С. 94-108.
4. Сазонова, Л. И. Принципы ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры / Л. И. Сазонова // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1974. – Т. 28. – С. 30-46.
5. Сперанский, М. Н. История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 541 с.
6. Ораторское искусство Древней Руси // Красноречие Древней Руси / составитель Т. В. Черторицкая. – Москва : Советская Россия, 1987. – С. 5-30.

Лекция №4

**Литература периода феодальной раздробленности.
«Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник
Древней Руси. Особенности жанра
и историческая ценность**

План

1. История открытия древнерусского памятника «Слово о полку Игореве».
2. Образ автора, его исторический и политический кругозор.
3. Историческая основа «Слова».
4. Обзор мнений о жанровой природе «Слова». Композиция.
5. Образы «Слова» и его историческая ценность.

Методический комментарий

Самым выдающимся литературным памятником Киевской Руси является, бесспорно, «Слово о полку Игореве». В центре внимания автора этого великого произведения не столько последовательный рассказ о самих событиях похода, сколько рассуждения о нём, оценка поступка князя Игоря, раздумья о причинах печали, охватившей всю Русскую землю в настоящем, обращение к событиям прошлого с его победами и несчастьями. Материалы лекции познакомят студентов с историей открытия «Слова», различными точками зрения о жанровой его природе, образах, стилистических особенностях.

Литература:

1. Рыбаков, Б. А. Слово о полку Игореве и его современники / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1971. – 294 с.
2. Рыбаков, Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве» / Б. А. Рыбаков. – Москва : Наука, 1972. – 520 с.
3. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII вв. Развитие исторических жанров / Н. В. Трофимова. – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 207 с.

Исследования:

1. Альтшуллер, М. Кто написал «Слово о полку Игореве»? / М. Альтшуллер // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 2 (132). – С. 385-392.
2. Егоров, А. В. Слово о земле русской в эпической поэме «Слово о полку Игореве» / А. В. Егоров // Культура. Наука. Образование. – 2023. – № 2 (67). – С. 87-92.
3. Исследования «Слова о полку Игореве» / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом) ; ответственный редактор Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Наука, 1986. – 292 с.

Лекция №5 Житийная литература

План

1. Особенности жанра житийной литературы.
2. Житийный цикл произведений о Борисе и Глебе.
3. «Житие Феодосия Печерского» Нестора как классический образец преподобнического жития.
4. Киево -Печерский патерик и его значение для древнерусской литературы.

Методический комментарий

Житийный жанр пришёл на Русь вместе с принятием христианства из Византии, где к VIII-IX в.в. выработался канон агиографического повествования. Данная лекция познакомит студентов с первыми памятниками житийной литературы на Руси, особенностями изображения в них героев, проявлением черт раннего психологизма.

Литература:

1. Адрианова-Перетц, В. П. Задачи изучения «агиографического» стиля Древней Руси / В. П. Адрианова-Перетц // Труды отдела древнерусской литературы. – Москва ; Ленинград : Наука, 1964. – Т. 20. – С. 47-71.
2. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. – Москва : Высшая школа, 2001. – 725 с.
3. Древнерусские княжеские жития / подготовка текстов, перевод и комментарии В. В. Кускова. – Москва : Круть, 2001. – 397 с.

Исследования:

1. Ранчин, А. М. Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики // Ранчин, А. М. Статьи о древнерусской литературе / А. М. Ранчин. – Москва : Диалог МГУ, 1999. – С. 83-104.
2. Самойлова, Т. Е. Сказание о Борисе и Глебе и культ святых русских князей / Т. Е. Самойлова // Вехи русской истории в памятниках культуры : материалы 5-й Российской научной

конференции, посвященной памяти святителя Макария. – Москва, 1998. – С. 365-378.

3. Шайкин, А. А. Духовное и телесное как элементы повествования в «Сказании о Борисе и Глебе» и других Борисоглебских текстах / А. А. Шайкин // Вестник славянских культур. – 2015. – № 3 (37). – С. 129-143.

Лекция №6

Литература периода монголо- татарского нашествия и объединения Северо-Восточной Руси (вторая треть XIII – 80- годы XVв.)

План

1. Идейное единство художественных произведений эпохи монголо-татарского нашествия. Жанр воинской повести.
2. Проблема жанровой принадлежности «Слова о погибели Русской земли».
3. «Житие Александра Невского». Соединение элементов жития и воинской повести.
4. Жанр торжественного поучения в эпоху монголо-татарского нашествия. «Слова» Серапиона Владимирского.

Методический комментарий

Длившееся более двух веков татаро-монгольское иго было тяжелейшим бедствием для русского народа. Нашествие татар на Русскую землю нашло отражение в ряде произведений повествовательного, проповеднического и житийного характера. Материал лекции познакомит студентов с основными произведениями этого периода, его жанровыми и стилистическими особенностями.

Литература:

1. Воинские повести Древней Руси / составитель Н. В. Поньрко ; вступительная статья Л. А. Дмитриева ; художник Д. К. Титов. – Ленинград : Лениздат, 1985. – 495 с.
2. Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. – 2-е изд., доп. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 326 с.
3. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII вв. Развитие исторических жанров / Н. В. Трофимова. – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 207 с.

Исследования:

1. Истрин, В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11-13 вв.) / В. М. Истрин. – Москва : Академия, 2003. – 384 с.
2. Лихачёв, Д. С. Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского» / Д. С. Лихачёв // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, 1947. – Т. 5. – С. 36-56.
3. Лихачёв, Д. С. Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1986. – 405 с.
4. Лютов, С. Н. От дружинной летописи - к воинской повести: отражение начальных этапов развития военного дела в древнерусской литературе XI-XVI веков / С. Н. Лютов // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 33-37.
5. Мелихов, М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV-XVIII вв. : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Мелихов Михаил Васильевич. – Санкт-Петербург, 2003. – 32 с.
6. Трофимова, Н. В. Из истории древнерусской воинской повести / Н. В. Трофимова // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва : Языки славянской литературы, 2004. – Вып. 11. – С. 558-590.

Лекция № 7

Литература периода объединения Северо-Восточной Руси и образования Русского централизованного государства (с конца XIV до начала XVI в.)

План

1. Особенности развития культурной жизни Руси в период объединения.
2. Историческое и нравственное значение Куликовской битвы. Развитие жанра воинской повести в произведениях Куликовского цикла:
 - а) летописная повесть о Мамаевом побоище;
 - б) идейный пафос эпохи и его воплощение в «Задонщине».«Связь «Задонщины» со «Словом о полку Игореве»;
- в) «Сказания о побоище великого князя Дмитрия Ивановича».
3. Развитие житийного жанра:
 - а) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго»;
 - б) «Житие Стефана Пермского»;
 - в) «Житие Сергия Радонежского».
4. Развитие жанра хождений, возникновение купеческого хождения.

Методический комментарий

Вторая половина XIV и первые десятилетия XVI в. — новый период в политической истории Московской Руси, период становления национального и многонационального Московского государства. Москва становится самым могущественным выразителем идеи общерусского единства и важнейшим средоточием культурного и, в частности, литературного развития на Руси. Материалы лекции познакомят студентов с жанром воинской повести периода Куликовской битвы, житий, купеческих хождений, которые имели свою особенность для данного периода.

Литература:

1. Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла / Л. А. Дмитриев // Сказания и повести о Куликовской битве. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 306-359.
2. Дмитриева, Р. П. Об авторе «Задонщины» / Р. П. Дмитриева // Сказания и повести о Куликовской битве. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 360-368.
3. Лихачёв, Д. С. Задонщина / Д. С. Лихачёв // Лихачёв, Д. С. Избранные работы. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 263-273.
4. Прокофьев, Н. И. Предисловие / Н. И. Прокофьев // Хождение за три моря Афанасия Никитина. – Москва : Советская Россия, 1980. – С. 5-41.
5. Трофимова, Н. В. Жанр воинской повести и жизнеописания князей-воинов / Н. В. Трофимова // Литература Древней Руси : коллективная монография / Л. И. Алехина [и др.]. – Москва : Прометей, 2004. – С. 88-94.

Исследования:

1. Каравашкин, А. В. Историческая аналогия в системе универсалий древнерусской литературы: на материале агиографии XIV-XV вв. / А. В. Каравашкин // Литература Древней Руси : коллективная монография / Л. И. Алехина [и др.]. – Москва : Прометей, 2004. – С. 47-68.
2. Коновалова, О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского» / О. Ф. Коновалова // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1977. – Т. 32. – С. 245-252.
3. Малышева, Т. Н. Изображение святых мест в паломнических хождениях / Т. Н. Малышева // Русская речь. – 1997. – № 5. – С. 82-86.
4. Прокофьев, Н. И. Нравственно-эстетические искания в литературе эпохи Куликовской битвы / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – Москва, 1983. – Вып. 4. – С. 3-18.

-
5. Чернов, С. З. Природа и быт в «Житии Сергия Радонежского» / С. З. Чернов // Герменевтика древнерусской литературы : сборник 1: XI-XVI века. – Москва, 1989. – С. 333-348.

Лекция № 8

Литература эпохи русского централизованного государства (XVI в.)

План

1. Отражение политической и церковной истории Руси в памятниках периода централизованного государства.
2. Историческая основа расцвета публицистики в литературе XVI века. Публицистические послания Ивана Грозного. Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского.
3. Развитие традиции беллетристической повести в XVI веке. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. Житийные мотивы в повести.

Методический комментарий

XVI век – время окончательного сложения и укрепления Русского централизованного государства. В этот период появляются произведения, сыгравшие важнейшую роль в развитии официальной идеологии Русского самодержавного государства. Материалы лекции познакомят студентов с важнейшими идеологическими памятниками этого периода, произведениями публицистического жанра, отражающими острые вопросы политической жизни, а также с беллетристическими повестями.

Литература:

1. Бычкова, М. Е. Мотивы «Сказания о князьях Владимирских» в официальных документах середины XVI в. / М. Е. Бычкова // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 2005. – Сб. 12. – С. 660-674.

-
2. Казакова, Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. / Н. А. Казакова. – Ленинград : Наука, 1970. – 297 с.
 3. Каравашкин, А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский : монография / А. В. Каравашкин. – Москва, 2000. – 417 с.
 4. Лихачёв, Д. С. Стиль произведений Грозного и Курбского / Д. С. Лихачёв // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – Ленинград : Наука, 1979. С. 202-213.
 5. Лихачёв, Д. С. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 273-276.
 6. Сеницына, И. В. Сказания о преподобном Максиме Греке / И. В. Сеницына. – Москва : ПСТГУ, 2009. – 109 с.

Исследования:

1. Киселева, Ю. А. Образы Святых Петра и Февронии Муромских в формировании нравственных ценностей у подрастающего поколения / Ю. А. Киселева, Л. В. Старых // Образование и наука в современных условиях. – 2016. – № 1 (6). – С. 92-97.
2. Красовская, К. А. Фольклорные источники о мудрой девице Февронии и "Повесть о Петре и Февронии Муромских" Ермолая-Еразма / К. А. Красовская // Слово. Словесность. Словесник : материалы межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов, Рязань, 18 марта 2016 года / ответственный редактор А. А. Решетова, Т. В. Федосеева. – Рязань : Концепция, 2016. – Вып. 4. – С. 92-96.
3. Сеницына, И. В. Сказания о преподобном Максиме Греке / И. В. Сеницына. – Москва : ПСТГУ, 2009. – 109 с.

-
4. Усачев, А. С. Образ правителя в Степенной книге / А. С. Усачев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3. – С. 116-118.

Лекция №9

Литература «переходного» XVII века

План

1. Историческое своеобразие эпохи. Особенности литературы периода «смуты». Осмысление истории длительного исторического времени в «Летописной книге».
2. Новые явления в жанре воинской повести XVII века.
3. Эволюция житийного жанра:
 - а) «Повесть о Юлиании Лазаревской»;
 - б) «Житие протопопа Аввакума».
4. Проблематика бытовых повестей XVII века.
5. Возникновение сатирической литературы. Тематика сатирических повестей.
6. Возникновение русского придворного театра. Репертуар и своеобразие пьес.
7. Поэтическое творчество Симеона Полоцкого. Силлабическое стихосложение.

Методический комментарий

Конец XVI и начало XVII в. в истории Руси ознаменовались бурными историческими событиями, традиционно именуемыми «Смутой» и характеризующимися напряжённой классово-социальной борьбой. Материалы данной лекции познакомят студентов с произведениями, (написанными в разгар этих событий), в которых отразились, с одной стороны, реакция на социальные и политические потрясения, бывшие на рубеже двух веков, с другой — патриотический подъём, который вызывался напряжённой борьбой с интервентами. Авторами всех этих произведений были почти исключительно представители имущих слоев московского общества — боярства,

дворянства, высшего и среднего духовенства и, реже, служилых людей.

Литература:

1. Бакланова, Н. А. Эволюция русской оригинальной бытовой повести на рубеже XVII-XVIII вв. / Н. А. Бакланова // Русская литература на рубеже двух эпох. – Москва : Наука, 1971. – С. 160-170.
2. Бочкарев, В. А. Русская историческая драматургия XVII-XVIII вв. / В. А. Бочкарев. – Москва : Просвещение, 1988. – С. 5-76.
3. Еремин, И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин. – 2-е изд., доп. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – С. 282-304.
4. Панченко, А. М. Протопоп Аввакум / А. М. Панченко // История русской литературы : в 4 томах. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 1. – С. 391-398.
5. Поньрко, Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание / Н. В. Поньрко // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1985. – Т. 39. – С. 379-387.
6. Трофимова, Н. В. О жанре «Казанской истории» / Н. В. Трофимова // Литература Древней Руси. – Москва, 1986. – С. 65-73.
7. Усачев, А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / А. С. Усачев. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Аркео, 2009. – 753 с.

Исследования:

1. Адрианова-Перетц, В. П. У истоков русской сатиры / В. П. Адрианова-Перетц // Русская демократическая сатира XVII века. – Москва : Наука, 1977. – С. 107-142.
2. Васильева, О. В. «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о несправедном суде / О. В. Васильева // Русский

фольклор. Материалы и исследования. – Ленинград : АН СССР, 1989. – Т. 25. – С. 91-99.

3. Власова, З. И. Ерш Ершович: возможные истоки образа и мотивов / З. И. Власова // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1993. – Т. 47. – С. 250-268.
4. Семячко, С. А. К интерпретации «Повести о бражнике» / С. А. Семячко // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург : ДБ, 1996. – Т. 49. – С. 405-409.

III. Планы практических занятий (18 ч.)

Практическое занятие № 1 Особенности древнерусской литературы. Историческое и художественное значение «Повести временных лет»

План

I. Особенности древнерусской литературы.

1. Хронологические границы древнерусской литературы и её основные периоды развития.
2. Основные темы древнерусской литературы и система жанров.
3. Изучение древнерусской литературы. Русские и советские ученые (сообщение).
4. Особенности древнерусской книжности. Первые книги на Руси (сообщение с презентацией).

Задание:

Прочитайте и законспектируйте основные тезисы работы Д. С. Лихачёва «Человек в литературе Древней Руси», (II глава, прилож. №1). Почему автор назвал стиль изображения персонажей этой эпохи «монументальным историзмом»?

II. Историческое и художественное значение «Повести временных лет».

История возникновения «Повести временных лет». Её жанровый состав.

Вопросы и задания:

1. Расскажите о литературной специфике древнейшей летописи, о способах выражения позиции летописца и особенностях изображения человека как действующего лица русской истории.
2. В чём проявляется связь летописных сказаний с фольклором?

3. Прочитайте отрывки из «Повести временных лет» по хрестоматии Н. И. Прокофьева. (Значение непонятных слов найдите в словаре в конце хрестоматии. В случае отсутствия перевода непонятных слов обратитесь к словарям) и ответьте на следующие вопросы:

Как народная идеология проявляется в авторской оценке поступков князей? За что были наказаны Олег, Игорь, Святослав?

Почему древляне решили убить Игоря?

Зачем они решили выдать вдову Игоря Ольгу за своего князя Мала? Как Ольга трижды обманула древлян?

Почему летописец не осуждает Ольгу, отомстившую за смерть Игоря?

Какие черты её характера он прославляет? Найдите в сказании примеры, подтверждающие мудрость княгини.

Кто является главным героем сказаний о Кожемяке и Белгородском киселе?

Что помогло русичам отстоять свою землю от врагов? В чём проявляется здесь связь с фольклором?

Каково историческое и художественное значение «Повести временных лет»?

Что может привлечь современного читателя в летописном повествовании?

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI–XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Жуковская, Л. П. Наиболее важные особенности звучавшего древнерусского языка / Л. П. Жуковская // Звучащее слово Древней Руси. – Москва : Советская Россия, 1988. – С. 37-54.
2. Жуковская, Л. П. Душа и слово / Л. П. Жуковская. – Москва : Ихтиос, 2006. – 204 с.
3. Девичкин, И. В. Основы русской палеографии / И. В. Девичкин. – Москва : Круть, 2003. – 175 с.
4. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – С. 317-437.
5. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 3. – С. 23-66.
6. Лихачёв, Д. С. Текстология: на материале русской литературы XI-XVII веков / Д. С. Лихачёв. – 2-е изд., доп. – Ленинград : Наука, 1983. – 639 с.
7. Сапунов, Б. В. Книга в России в XI-XIII вв. / Б. В. Сапунов. – Ленинград : Наука, 1978. – 231 с.
8. Столярова, Л. В. Книга в Древней Руси (XI-XVI вв.) / Л. В. Столярова, С. М. Каштанов. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 429 с.
9. Сперанский, М. Н. История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 541 с.
10. Памятники литературы Древней Руси. XI - начало XII века. – Москва : Художественная литература, 1978. – 413 с.
11. Прокофьев, Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI-XVI вв. / Н. И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – Москва : Художественная литература, 1975. – Вып. 1. – С. 5-37.
12. Шайкин, А. А. Эпические герои «Повести временных лет» и способы их изображения // Шайкин А. А. Поэтика и история.

-
- На материале памятников русской литературы XI-XVI веков / А. А. Шайкин. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – С. 92-128.
13. Шахматов, А. А. Повесть временных лет / А. А. Шахматов // Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 134-162.

Словари:

1. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 томах / И. И. Срезневский. – Москва : Книга, 1989.
2. Словарь древнерусского языка XI-XIV веков : в 9 томах. – Москва : Русский язык, 1988.

Практическое занятие № 2
Торжественное и учительное красноречие
в литературе XI–XIII вв.

План

1. Характеристика жанра поучения и его разновидностей.
2. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона как выдающийся памятник ораторского красноречия:

Вопросы:

В чём особенности содержания «Слова», его композиции, стиля произведения?

Как изображен образ святого Владимира в «Слове»?

Какое главное событие отмечает автор в его судьбе?

3. Сочинения Кирилла Туровского: основные темы и жанры, их связь с духовной деятельностью автора (сообщение).

4. «Почтение Владимира Мономаха». Особенности структуры «Почтения», значение «автобиографической» части, объяснение автором причины её появления.

Вопросы:

В чём особенности структуры «Почтения», его «автобиографической» части, объяснение автором причины его появления?

Как соотносится представление Владимира о нем с представлениями, выраженными летописцами?

5. «Моление Даниила Заточника». Своеобразие жанра. Основные темы и композиция произведения. Риторические и поэтические приемы.

Вопросы:

Выявите основные темы и охарактеризуйте композицию произведения.

Выпишите примеры риторических и поэтических приемов. Есть ли различия в их использовании авторами двух редакций?

Найдите в тексте афоризмы, пословицы, небылицы. Установите источники афоризмов.

Как решается проблема жанра «Моления» разными литературоведами? Какая точка зрения представляется вам более обоснованной и почему?

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI–XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Истрин, В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.) / В. М. Истрин. – Москва : Академия, 2003. – 380 с.
2. Карпов, А. Ю. Владимир Мономах / А. Ю. Карпов. – Москва : Молодая гвардия, 2015. – 384 с.

-
3. Колесов, В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского / В. В. Колесов // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1981. – Т. 36. – С. 223-227.
 4. Копреева, Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха / Т. Н. Копреева // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1972. – Т. 27. – С. 94-108.
 5. Лихачёв, Д. С. «Слово о законе и благодати» Илариона // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 30-42.
 6. Лихачёв, Д. С. Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 133-153.
 7. Лихачёв, Д. С. «Моление» Даниила Заточника // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 227-243.
 8. Рыбаков, Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. // Рыбаков, Б. А. Из истории культуры Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – Москва : Московский университет, 1984. – С. 140-187.
 9. Соколова, Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (реконструкция и интерпретация первоначального текста) / Л. В. Соколова // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1993. – Т. 46. – С. 229-255.
 10. Ужанков, А. Н. «Слово о законе и благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского / А. Н. Ужанков. – Москва : Академия, 2014. – 349 с.
 11. Черторицкая, Т. В. Ораторское искусство Древней Руси / Т. В. Черторицкая // Красноречие Древней Руси. – Москва : Советская Россия, 1987. – С. 5-30.

Практическое занятие № 3

«Слово о полку Игореве» как литературный памятник

План

1. Летопись и «Слово» о походе Игоря Святославича на половцев. Специфика изложения событий (с точки зрения хронологии, способа повествования).
2. География и хронология событий, изображенных в «Слове». Русская земля в «Слове».
3. Жанр и композиция «Слова».
4. Герои «Слова», своеобразие их портретов.
5. Роль и специфика образов природы в «Слове». Символика «Слова».
6. Связь «Слова» с устным народным творчеством.
7. Поэтические переводы и переложения «Слова» (сообщение).

Задания:

Прочитайте и законспектируйте статью Адриановой-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия» (прилож. №2), выделив основные аргументы автора о связи «Слова» с фольклором.

Выучить наизусть отрывок из «Слова» (Вступление или Плач Ярославны –на выбор).

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.

-
4. История русской литературы XI-XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
 5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Адрианова-Перетц, В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Адрианова-Перетц, В. П. Древняя русская литература и фольклор / В. П. Адрианова-Перетц. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 99-120.
2. Дёмин, А. С. Мир животных в «Слове о полку Игореве» ; К вопросу о пейзаже в «Слове о полку Игореве» // Дёмин, А. С. Художественные миры древнерусской литературы / А. С. Демин. – Москва : Наследие, 1993. – С. 52-71.
3. Дмитриев, Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» / Л. А. Дмитриев // Русская литература. – 1986. – № 4. – С. 3-24.
4. Дмитриев, Л. А. Слово о полку Игореве / Л. А. Дмитриев // Русская литература и фольклор (XI-XVIII вв.). – Ленинград : Наука, 1970. – С. 36-54.
5. Ерёмин, И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси / И. П. Ерёмин // Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – 2-е изд., доп. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – С. 235-281.
6. Лихачёв, Д. С. Каким был автор «Слова о полку Игореве»? / Д. С. Лихачёв // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург : ДБ, 1993. – Т. 48. – С. 26-30.
7. Трофимова, И. В. Из истории древнерусской воинской повести. Летописные воинские повести и вопрос о жанре «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 2004. – Вып. 11. – С. 558-570.

Практическое занятие № 4

Формирование житийного жанра в Древней Руси

План

1. Канон и типы житий в византийской литературе.

2. «Сказание о Борисе и Глебе» как первый древнейший образец мученического жития в отечественной агиографии.

Вопросы:

Почему автор начинает произведение библейской цитатой и какое значение она имеет для раскрытия его замысла?

Как построено произведение? В чем оно сходно и чем отличается от повествования о гибели Бориса и Глеба, помещенного в «Повести временных лет»?

В чем различие поведения братьев-мучеников? Какими приемами изображает их агиограф? Какую роль выполняют речи героев?

3. «Житие Феодосия Печерского» преп. Нестора Летописца как первое в древнерусской литературе преподобническое житие.

Вопросы:

Какие черты подчеркивает Нестор в личности Феодосия и какими средствами?

Как соединены отдельные эпизоды из жизни героя?

В каких частях повествования ярче всего видны биографические черты жития?

4. Киево–Печерский патерик. Сюжетно—тематические разновидности патериковых рассказов.

Вопросы:

Почему рассказы о монастырской жизни можно отнести к житийной литературе?

В чем особенности композиции патерика? Какова его идейная направленность?

Выделите эпизод из жизни монахов особо вам запомнившийся, охарактеризуйте его с точки жанровой принадлежности.

5. Образ святого, героя–ратборца, государственного деятеля в «Житии князя Александра Невского». Совмещение жанровых

признаков агиографии, княжеской биографии и воинской повести в памятнике.

Вопросы:

К какому времени относят создание первоначальной редакции жития и каковы гипотезы о его авторе?

Какие черты главного героя позволяют автору написать о нем житие?

В чём особенности композиции произведения? Какое место занимают в нем структуры воинской повести?

6. Житийный жанр в конце XIV- первой половине XV в. Особенности житий Епифания Премудрого («Жития Стефана Пермского»; «Жития Сергия Радонежского»).

Вопросы:

Что известно о Стефане как исторической личности и какую цель ставил перед собой Епифаний, создавая его житие?

В чем агиограф следовал жанровому канону и в чем нарушал его? Какие новые композиционные элементы были включены в текст?

Когда написано житие Сергия Радонежского и чем его замысел отличается от замысла жития Стефана Пермского?

Сопоставьте рассказ о детстве и юности героев в житиях Феодосия Печерского и Сергия Радонежского. В чём различие этих повествований и о чем оно свидетельствует?

Какая мысль заключена во фрагменте жития «Чудо о медведе»?

Почему в житие включена глава «О победе над Мамаем». Как понимал автор роль преподобного Сергия в этом событии?

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Корвина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.

-
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
 4. История русской литературы XI-XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
 5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Дёмин, А. С. «Житие Александра Невского» и летописание 12 в. / А. С. Демин // Мир житий : сборник материалов конференции, Москва, 3-5 октября 2001 г. – Москва : Круть, 2002. – С. 83-90.
2. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Москва : Наука, 1988. – 509 с.
3. Крушельницкая, Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе / Е. В. Крушельницкая. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 365 с.
4. Ольшевская, Л. А. Об авторах «Киево-Печерского патерика» / Л. А. Ольшевская // Литература Древней Руси. – Москва, 1978. – Вып. 2. – С. 13-27.
5. Ольшевская, Л. А. Своеобразие жанра житий в «Киево-Печерском патерике» / Л. А. Ольшевская // Литература Древней Руси. – Москва, 1981. – Вып. 3. – С. 18-34.
6. Склярчук, В. Н. К биографии Феодосия Печерского / В. Н. Склярчук // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1988. – Т. 41. – С. 317-323.
7. Топоров, В. П. Святость и святые в русской духовной жизни : в 2 томах / В. П. Топоров. – Москва : Гнозис, 1995 – Т. 1. – 874 с.
8. Трофимова, Н. В. Жанр воинской повести и жизнеописания князей-воинов / Н. В. Трофимова // Литература Древней Руси. – Москва, 2004. – С. 78-94.

-
9. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Москва : Московский рабочий, 1990. – 268 с.
10. Шайкин, А. А. Святополк, Борис и Глеб / А. С. Шайкин // Литература Древней Руси. – Москва, 1986. – С. 41-48.

Практическое занятие № 5

Литература периода монголо- татарского нашествия.

Развитие жанра воинской повести в древнерусской литературе

План

1. Развитие жанра воинской повести в русской литературе XIII века:

а) «Повесть о битве на реке Калке»; особенности трактовки и оценки исторических событий в повести; образы русских «храбров»;

б) жанровая структура «Повести о разорении Рязани Батыем», взаимодействие фольклорного, летописного, агиографического, ораторского начал в поэтике произведения; характер исторических отступлений и эпическая обобщенность, особенности изображения героев и стилистика описаний битв.

4. Развитие жанра воинской повести в памятниках Куликовского цикла:

а) эпическое начало и эмоционально–экспрессивная публицистичность оценок исторических событий в повести «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем», образ московского князя как идеального христианина и доблестного воина;

б) «Сказание о Мамаевом побоище» как новый этап развития жанра воинской повести (внимание к человеку как основа создания новых принципов построения сюжета, особенности композиции, своеобразии характеристики персонажей, функции пейзажа и т.д.);

в) отражение в «Задонщине» новых политических тенденций и характер использования в памятнике поэтических традиций «Слова о полку Игореве», проблема жанра «Задонщины».

Задание:

Найдите черты сходства и отличия (оформив ответ письменно в виде таблицы) произведений древнерусской литературы «Слово о полке Игореве» и «Задонщина» (по работе Д. С. Лихачёва «Поэтика древнерусской литературы». Глава «Нестилизационные подражания» - (прилож. №3).

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI–XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Евсева, И. А. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в составе тематического цикла о татарском нашествии в Русском временнике и Хронографе 1599 года / И. А. Евсева // Вестник ЛГУ. – 1983. – № 20. – С. 50-55.
2. Дмитриев, Л. А. Литературная история памятников Куликовского цикла / Л. А. Дмитриев // Сказания и повести о Куликовской битве. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 306-359.
3. Дмитриева, Р. П. Об авторе «Задонщины» / Р. П. Дмитриева // Сказания и повести о Куликовской битве. – Ленинград : Наука, 1982. – С. 360-368.
4. Кусков, В. В. Ретроспективная историческая аналогия в памятниках Куликовского цикла / В. В. Кусков // Куликовская битва в литературе и искусстве. – Москва : Наука, 1980. – С. 39-51.

-
5. Лихачёв, Д. С. К истории сложения «Повести о разорении Рязани Батыем» // Лихачёв, Д. С. Исследования по древнерусской литературе / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Наука, 1986. – С. 259-263.
 6. Лихачёв, Д. С. Задонщина // Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 2. – С. 263-273.
 7. Орлов, А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая 17 в.) // Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 24-41.
 8. Трофимова, Н. В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI-XVII вв. Развитие исторических жанров / Н. В. Трофимова. – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 207 с.

Практическое занятие №6

Развитие жанра хождения в древнерусской литературе

План

1. Характеристика жанра хождения и его разновидностей.
2. Своеобразие паломнического «Хожения игумена Даниила».
Вопросы и задания:

Какую цель ставил перед собой Даниил, когда описывал своё путешествие на Святую землю?

Почему он приводит во вступлении евангельскую притчу о талантах?

Найдите примеры описаний святых мест, природы; предания о святых местах, рассказы Даниила о его путешествии и размышления автора.

Что вы узнали о путешественнике-повествователе из произведения и какие догадки высказаны учеными о его личности и биографии?

3. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как новая разновидность жанра.

Вопросы и задания:

Какие элементы входят в состав путевых очерков и чем их состав отличается от паломнического хождения?

Сравните описания природы в произведениях Даниила и Афанасия. Чем они различаются и почему?

Как раскрывается личность путешественника в его путевых записках?

Какие особенности отличают язык хождения?

4. Новые явления в жанре хождений в XVI–XVII вв.

Задание:

Выпишите основные положения статьи Н. И. Прокофьева «Литература путешествий XVI–XVII вв.» (прилож. №4.).

5. Своеобразие «Хождения в Царьград» Трифона Коробейникова (сообщение).

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI–XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Гардзанини, М. Открытие Востока: «грешное хождение» Афанасия Никитина / М. Гардзанини // Труды отдела древнерусской литературы. – Санкт-Петербург : ДБ, 2010. – Т. 61. – С. 518–532.
2. Данилов, В. В. О жанровых особенностях древнерусских «хождений» / В. В. Данилов // Труды отдела древнерусской

-
- литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1962. – Т. 18. – С. 21-37.
3. Малышева, Т. Н. Изображение святых мест в паломнических хождениях / Т. Н. Малышева // Русская речь. – 1997. – № 5. – С. 82-86.
 4. Прокофьев, Н. И. Хождение: путешествие и литературный жанр / Н. И. Прокофьев // Книга хождений. Записки русских путешественников XI-XV вв. – Москва : Советская Россия, 1984. – С. 5-20.
 5. Прокофьев, Н. И. Литература путешествий XVI-XVII вв. / Н. И. Прокофьев // Записки русских путешественников XVI-VII вв. – Москва : Советская Россия, 1988. – С. 5-20.
 6. Прокофьев, Н. И. Предисловие / Н. И. Прокофьев // Хождение за три мор» Афанасия Никитина. – Москва : Советская Россия, 1980. – С. 5-41.
 7. Решетова, А. А. Древнерусская паломническая литература XVI-XVII веков (история и поэтика) / А. А. Решетова. – Рязань : РГУ им. С. Есенина, 2006. – 764 с.

Практическое занятие №7

Эволюция житийного жанра в литературе XVI–XVII вв.

План

1. Традиции беллетристической повести и житийные мотивы в «Повести о Петре и Февронии»:

- а) особенности сюжета повести, её антибоярская направленность, демократическая и гуманистическая тенденции;
- б) система образов и способы изображения персонажей;
- в) новое в осмыслении понятия «святости», поэтизация земной любви и служения ближнему;
- г) новеллистические черты и элементы агиографического стиля в повести, связь ее с устным народным творчеством.

Вопросы и задания:

Выпишите из повести примеры использования автором фольклорных мотивов.

Как вы думаете, почему митрополит Макарий не включил «Повесть о Петре и Февронии» в состав «Великих Четых Миней»?

2. «Житие Юлиании Лазаревской» («Повесть об Ульянии Осорьбиной») – соединение агиографического повествования с элементами светской биографии в древнерусской литературе.

Вопросы и задания:

Кто был автор повести?

В чем особенность данного произведения?

Каким представлен образ женщины в повести?

Найдите в произведении примеры сочетания житийного и бытового повествования.

3. «Житие» протопопа Аввакума как первый опыт литературной автобиографии:

Вопросы и задания:

Что защищал и против чего выступал протопоп Аввакум?

Почему он обращается к данному жанру?

Каким представлен в герой в своём произведении?

Найдите в тексте примеры стойкости и мужества героя во имя своей веры и нравственных идеалов?

Кто является в произведении соратником и самым близким человеком для Аввакума на протяжении его нелегкой жизни?

В чём своеобразие композиции и языка жития?

Учебники:

1. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – Москва : Аспект-Пресс, 2003. – 590 с.
2. Древнерусская литература XI–XVII вв. / под редакцией В. И. Коровина. – Москва : Владос, 2003. – 444 с.
3. Древнерусская литература в исследованиях : хрестоматия / составитель В. В. Кусков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 335 с.
4. История русской литературы XI–XVII веков / под редакцией Д. С. Лихачёва. – 2-е изд. Москва : Просвещение, 1985. – 431 с.

-
5. Древнерусская литература : хрестоматия / составитель Н. И. Прокофьев. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 582 с.

Литература:

1. Буслаев, Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи / Ф. И. Буслаев. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 262-294.
2. Гладкова, О. В. Тема ума и разума в «Повести от жития Петра и Февронии» / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – Москва, 1998. – Сб. 9. – С. 223-236.
3. Дмитриева, Р. П. Агиографическая школа митрополита Макария / Р. П. Дмитриева // Труды отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Художественная литература, 1993. – Т. 48. – С. 208-213.

Практическое занятие № 8

Идейно–художественные особенности беллетристических и бытовых повестей XV – XVII вв.

План

1. Причины и условия возникновения новых жанров в литературе XVII в.

2. Проблематика, идейная направленность, образ героя в «Повести о Горе–Злочастии».

3. Жанровое своеобразие «Повести о Савве Грудцыне» (слияние жанровых черт исторического повествования, любовно–авантюрной новеллы, церковно–назидательной легенды, семейной хроники, «романные» черты и мотивы «хождения»).

Вопросы и задания:

Сравните развитие сюжета в повестях о Горе–Злочастии и Савве Грудцыне. Какие общие сюжетные мотивы использованы в них?

Какие общие и различные черты вы находите в облике главных персонажей?

Определите роль Гора-Злочастия и беса – названного брата Саввы. Как эти образы связаны с фольклором?

4. «Повесть о Фроле Скобееве» как «плутовская» новелла; новое в раскрытии образа героя, реалистические тенденции в повести.

Вопросы и задания:

Чем отличается образ Фрола Скобеева от главных героев двух предшествующих повестей?

Какие черты сюжетного развития, разработки образов, выражения позиции повествователя позволяют назвать эту повесть новеллой?

5. Барокко в русской литературе второй половины XVII века. Возникновение силлабического стихотворства (сообщение).

6. Поэтическое творчество Симеона Полоцкого. Восточнославянская традиция школьного театра и пьесы Симеона Полоцкого.

Литература:

1. Лихачёв, Д. С. «Повесть о Горе-Злочастии» // Лихачёв Д.С. Великое наследие / Д. С. Лихачёв. – Москва : Современник, 1975. С. 312-332.
2. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1970. – 234 с.
3. Лихачёв, Д. С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1970. – С. 99-118.
4. Лихачёв, Д. С. Открытие ценности человеческой личности в демократической литературе XVII в. // Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. – Москва : Наука, 1970. – С. 127-141.

-
5. Лихачёв, Д. С. Избранные работы : в 3 томах / Д. С. Лихачёв. – Ленинград : Художественная литература, 1987. – Т. 3. – 520 с.
 6. Панченко, А. М. Литература «переходного века» / А. М. Панченко // История русской литературы : в 4 томах. – Москва : Наука, 1980. – Т. I. – С. 342-348.

IV. Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. Основные этапы формирования летописного свода «Повесть временных лет» (гипотезы академиков Шахматова А. А. и Лихачёва Д. С.).
2. Агиография Киевской Руси. Жития Бориса и Глеба. Особенности агиографической формы и стиля. Понятие о правильном и неправильном житии.
3. Принципы изображения человека в летописи. Русские князья в летописном освещении (на материале «Повести временных лет»).
4. Торжественное и учительное красноречие Киевской Руси. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. Основные идеи и стиль.
5. «Житие Феодосия Печерского» Нестора как образец ранней русской агиографии. Своеобразие композиции, жанра и стиля.
6. «Слово» и «Моление» Даниила Заточника. Две редакции памятника. Личность автора и его отношение к действительности. В.Г. Белинский о Данииле Заточнике.
7. Торжественные «Слова» Кирилла Туровского. Своеобразие риторического стиля «Слов».
8. Политическая теория «Москвы - Третьего Рима» и её отражение в литературных памятниках XV-XVI вв. («Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера, «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о новгородском белом клобуке»).
9. Исторические произведения о «смутном времени». «Сказание» Авраамия Палицына, Летописная книга Катырева-Ростовского, повести о смерти Михаила Скопина-Шуйского.
10. Литературное движение на окраинах русского государства в XVII веке. «Повести об Азове». Их связь с традициями древнерусской воинской повести и устного народного творчества.
11. Своеобразие древнерусского смеха в «Повести о Куре и Лисице», «Калязинской челобитной», «Повести о Карпе Сутулове». Связь повестей с устным народным творчеством.

12. Основные идеологические тенденции в «Житии протопопа Аввакума». Личность автора в «Житии», характеристика его взглядов.

13. Барокко в русской литературе второй половины XVII века. Возникновение силлабического стихотворства. Творчество Симеона Полоцкого.

V. Темы контрольных работ

Контрольная работа № 1

1. На какие группы делились жития по функциональным признакам?
2. В чём сказалась близость патериковой новеллы житийному жанру, и чем она отличалась от жития?
3. Охарактеризуйте в общих чертах основные черты древнерусской литературы и её отличие от литературы нового времени.
4. Что такое традиционность древнерусской литературы, какова её природа?
5. Что такое «литературный этикет»: Что способствовало его утверждению в древнерусской литературе?
6. Охарактеризуйте особенности мирозерцания древнерусского книжника.
7. Что такое «первичные» и «объединяющие» жанры? Что отличает систему жанров древнерусской литературы?

Контрольная работа № 2

1. Оригинальная древнерусская литература XI – начала XIII вв.: «Поучение» Владимира Мономаха, «Киево-Печерский патерик».
2. Публицистическая направленность «Моления Даниила Заточника».
3. Тема борьбы с врагами Русской земли в литературе XIII – XVI вв.: «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского».
4. «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивановича» и др.
5. Легендарные сказания XV – XVI вв.: цикл новгородских повестей, «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера и др.
6. Литературное наследие Ивана Грозного.

7. Своеобразие литературной публицистики Ивана Пересветова.

8. Жанровая традиция жития в литературе XVII века и её обновление: «Повесть о Юлиании Лазаревской».

9. Поэтическое творчество Симеона Полоцкого.
Восточнославянская традиция школьного театра и пьесы Симеона Полоцкого.

VII. Итоговый тест по древнерусской литературе

1. Укажите хронологические границы (века) древнерусской литературы:

- 1) XIV-XIX;
- 2) X-XVIII;
- 3) XI-XVII
- 4) IX-VII.

2. Какое произведение открывает древнерусскую литературу (написано ранее других)?

- 1) «Житие Преподобного Сергия Радонежского»;
- 2) «Сказание о Мамаевом побоище»;
- 3) «Повесть о Горе-злочастии»;
- 4) «Слово о законе и Благодати»;
- 5) «Повесть временных лет».

3. Расположите произведения древнерусской литературы по времени их создания:

- 1) «Домострой»;
- 2) «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»;
- 3) «Слово о полку Игореве»;
- 4) «Задонщина»;
- 5) «Поучение Владимира Мономаха».

4. Соотнесите произведение древнерусской литературы и его автора:

- 1) «Повесть о Петре и Февронии»;
 - 2) «Житие Преподобного Сергия Радонежского»;
 - 3) «Слово о законе и Благодати»;
 - 4) «Повесть временных лет»;
 - 5) «Хождения за три моря».
- а) Преп. Нестор;
б) Афанасий Никитин;
в) Преп. Епифаний Премудрый;

-
- г) Ермолай Еразм;
 - д) Митрополит Иларион, святитель.

5. Из какого произведения приведена цитата: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!»?

- 1) «Сказание о Мамаевом побоище»;
- 2) «Слово о полку Игореве»;
- 3) «История Казанского ханства»;
- 4) «Хождения за три моря»;
- 5) «Повесть о разорении Рязани Батыем».

6. Какая система жанров соответствует древнерусской литературе?

- 1) поэма, трагедия, комедия, ода, эпистола;
- 2) идиллия, гимн, поэма, трагедия;
- 3) роман, повесть, баллада, элегия, поэма;
- 4) роман-эпопея, песня, рассказ, дневник, очерк;
- 5) летописный свод, житие, воинская повесть, торжественное слово, поучение.

7. Какую черту древнерусской литературы академик Д.С. Лихачёв считал определяющей для понимания её стиля и содержания?

- 1) заимствование ряда сюжетов и образов;
- 2) наличие фантастики;
- 3) историзм;
- 4) документализм;
- 5) религиозность.

8. Укажите автора, развивавшего в XVII веке стиль барокко?

- 1) Даниил Заточник;
- 2) Епифаний Премудрый;
- 3) Симеон Полоцкий;
- 4) Иоанн Грозный;
- 5) Серапион Владимирский.

VII. Вопросы к зачёту

1. Периодизация древнерусской литературы. Жанровый состав литературы Киевской Руси.

2. Основная проблематика «Повести временных лет». Принципы изображения человека в летописи.

3. Литературные жанры в составе «Повести временных лет»: житие, поучение, воинская повесть и другие.

4. Жанр ораторского искусства в «Слове о законе и благодати».

5. Поучение” Владимира Мономаха. Автобиографические элементы в «Поучении». В. Мономах как писатель.

6. Сочетание элементов исторической повести и жития в «Сказании о Борисе и Глебе».

7. «Житие Феодосия Печерского» Нестора как образец ранней русской агиографии. Своеобразие композиции, жанра и стиля.

8. Жанрово-стилевое своеобразие «Хождения Игумена Даниила».

9. История открытия и проблема авторства «Слова о полку Игореве». Историческая основа «Слова о полку Игореве», принципы изображения русских князей.

10. Образ Русской Земли в памятнике. Женские образы в «Слове».

11. Проблема жанра и стиль «Слова о полку Игореве».

12. Связь «Слова о полку Игореве» с устным народным творчеством. Символика «Слова».

13. Проблема автора и жанровое своеобразие «Моления Даниила Заточника».

14. «Житие Александра Невского». Принципы изображения героя.

15. Воинская повесть 13 века. «Повести о разорении Рязани Батыем в 1237 году».

16. Особенности композиции «Задонщины». Черты сходства и различия повести и «Слова о полку Игореве».

-
17. Особенности жанра «Жития Стефана Пермского»
Епифания Премудрого.
 18. Проблема жанра и фольклоризм «Повести о Петре и Февронии».
 19. «Хождение за три моря Афанасия Никитина».
Особенности композиции и динамика жанра «хождения».
 20. «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским».
Проблема литературного этикета, особенности поэтики.
 21. Поэтика «Повести о Горе-Злочастии». Образы молодца и Горя. Влияние фольклора на произведение.
 22. Основные идеи обобщающих литературных памятников XVI века («Домострой», «Великие Минеи Четии», «Степенная книга»).
 23. Возникновение сатирической литературы. Тематика сатирических повестей.
 24. Особенности жанра и стиля «Жития протопопа Аввакума».
 25. Возникновение русского придворного театра. Репертуар и своеобразие пьес.
 26. Возникновение силлабического стихотворства. Творчество Симеона Полоцкого.

VIII. Глоссарий

- Аще** - если, хотя, ли
Баять - говорить, сказывать
Бдети - бодрствовать, не спать;
заботиться
Благий - добрый, хороший;
приятный, красивый
Блажити - славить, восхвалять
Веси — знаешь
Вестно - гласно, публично
Вскую- зачем, для чего
Вычение — учение
Выя - шея
Въсуе - напрасно, впустую
Глоба - казнь; наказание
Гость - купец
Дабы- чтобы
Дивый - дикий; жестокий, грубый;
дивный
Длань - ладонь
Долу, Доле - вниз, внизу, в глубине
Живот - жизнь, имущество;
домашний скот
Живота гонезе - жизни лишить
Зело - очень, весьма; точно,
тщательно; совершенно
Зельный - сильный
Знаменье - знак, указание
Знать - знание
Зрак - вид, образ, лицо
Зрети - видеть, смотреть
Иде, Идеже - где, когда, так как
Иже - который
Имати - брать, занимать, захватывать
Ин - другой, грядущий
Калиги - сапоги с низкими
голенищами
Клюка - хитрость, обман
Коло - повозка, телега, колесо
Колобродити - ходить вокруг;
уклоняться
Куна - шкурка куницы, денежный
знак в Древней Руси
Купина - куст, кустарник
Купище- рынок, торжище
Ланита- щека
Лепший - лучший
Ловитва - охота, рыбная ловля
Лыченица - лапти
Медвен - медовый
Мечник - княжеский дружинник в
Древней Руси; страж, оруженосец
Мнити - думать, полагать
Мовь — баня
Могила - холм
Накры - бубны, барабаны
Налести - добыть, найти
Наляцати - напрягать
Насад - судно
Непраздная - беременная
Ноли- может быть; почти, вплоть,
тогда
Нудма — силой
Нужно- тяжело
Обадить - обмануть, расположить к
себе
Обаче - однако, но
Оксамть - шелковая ткань с ворсом
из золотых или серебряных нитей
Оногды- недавно
Ономо — так
Онсица - некто, какой-то
Онуду - с тех пор, оттуда
Опаница - чаша, посуда
Отнуду - откуда, оттуда, почему,
потому, вследствие того
Оче - если
Переключать — перехитрить
Перепасть - испугаться
Персть - горсть земли, земля
Подъхибь - лесь, лукавство
Покляп - согнутый, искривленный

Покосный - попутный
Полошати - пугать
Поминки — подарки
Поне - хотя, по крайней мере
Понт - море
Послух — свидетель
Посолонь - по солнцу
Пострел - чума, эпидемия
Претить - угрожать
Присно — всегда
Присный - родной, близкий
Пряжити - сушить, жарить (с погружением в масло), печь
Пых - гордость, надменность
Пърсть - палец
Пяток - пятница
Раждежение - горение; воспламенение
Рака — гробница
Рало — соха
Рамена - плечи (от шеи до локтя)
Рамено - напряженно, сильно, стремительно
Рамо - плечо
Рех - (я) сказал
Речи - говорить, сказать
Решити — развязать
Ристать - бегать, быстро ходить, скакать
Сварити - бранить, укорять; казнить, поражать
Свене - кроме, сверх, вне, помимо; вопреки

Се бо - ибо вот
Семо и Овамо - сюда и туда
Сильник - силач; всемогущий
Словутие - молва, слух; знатность
Смага- пламя, огонь, жар
Снидать - есть, закусывать
Сугнути - настигнуть, догнать
Съеважити - побуждать к ссоре
Съвечати - условиться
Таче - потом
Тцание - старание, забота
Убо - так, итак; в таком случае
Уведети — узнать
Увер - утешение, успокоение; утеха, радость; наставление
Увоз - спуск, подъем
Угознити - избежать
Фарис (Фарь) - конь
Хупавый - тщеславный, гордый, хвастливый; нарядный; ленивый
Чекан - топор
Чресла - поясница, крестец, бедра, пах
Шерт - напиток; клятва; договорные отношения
Ядь - еда, пища
Яже - которая, которые, которых
Язва - рана; беда, печаль
Язвень- ранен
Ясти- есть
Яти - взять, брать, схватить, достигнуть

IX. Приложения

Приложение №1

Лихачёв Д. С. «Человек в литературе Древней Руси»².

Глава II. Стиль монументального историзма XI-XIII вв.

Первый вполне развитый стиль в изображении человека, стиль, сильнейшим образом сказавшийся в литературе XI-XIII вв., - это стиль монументального средневекового историзма, тесно связанный с феодальным устройством общества, с рыцарскими представлениями о чести, правах и долге феодала, о его патриотических обязанностях и т. д. Стиль этот развивается главным образом в летописях, в воинских повестях, в повестях о княжеских преступлениях, но пронизывает собой и другие жанры. Он более отчетлив в летописях, составлявшихся по указаниям князей, чем в летописях епископских, монастырских и городских, в светских произведениях, чем в церковных. Характеристики людей, характеристики людских отношений и идейно-художественный строй летописи составляют неразрывное целое. Они подчиняются одним и тем же принципам феодального миропонимания, обусловлены классовой сущностью мировоззрения летописца.

В своём отношении к историческим событиям летопись прямолинейно официальна. Ритм истории в летописи - это ритм официальных событий. Связь между событиями также всегда официальна. История для летописца не имеет «второго плана» - скрытой экономической или даже просто психологической подоплеки. Князья поступают так, как они сами об этом объявляют через послов или на съездах. Если они и обманывают, то мотивы их обмана также на первом плане, за ними не кроется причин иного рода, чем те, о которых они сами заявляют или могли бы заявить. Летописец не заносит в свои записи событий частного характера, не интересуется жизнью людей, низко стоящих на лестнице

2 Лихачёв Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачёв Д. С. Избр. работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 23-66.

феодалных отношений. Попасть в летописные записи - само по себе событие значительное. Летописец пишет только о лицах официальных, распоряжающихся судьбой людей; при этом частная жизнь этих официальных людей летописца не интересует. Если он и пишет о рождении детей у князя, об их свадьбах и пирах, то потому только, что всё это - официальные события в жизни княжества, события «династического порядка».

Человек был в центре внимания искусства феодализма, но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодалных отношений. Каждое действующее лицо летописи изображается только как представитель определённой социальной категории. Князь оценивается по его «княжеским» качествам, монах - «монашеским», горожанин как подданный или вассал. Личность князя подчиняет себе события, интерес к князю поглощает интерес к событиям народной жизни. Каждый человек представляет для летописца свою ступень в феодальной иерархии. Всё общество состоит из «лестнично» расположенных над простым, трудовым народом различных групп феодалов. Все людские отношения подчинены этой иерархии вассальных связей. Этот иерархизм даёт себя сильнейшим образом знать и в летописи, и в других литературных произведениях.

Принадлежность к определённой ступени феодальной лестницы ясно ощутима в характеристиках действующих лиц летописи. Для каждой ступени выработались свои нормы поведения, свой идеал и свой трафарет изображения. Индивидуальность человека оказывалась полностью подчинённой его положению в феодальном обществе, и изображение людей в русской летописи XI-XIII вв. в сильнейшей степени следовало тем идеалам, которые выработались в господствующей верхушке феодального общества.

Эти идеалы ясно определимы. Их несколько, и они очень чётко обозначены социально. Идеальный образ князя - один, идеальный образ представителя церкви - другой. Слабо намечены идеалы боярства - «бояр думающих» и «дружины хоробрствующей». В

основном два идеальных образа доминируют в жизни, а вслед за нею и в литературе: светский и церковный.

Это не идеализация человека, это идеализация его общественного положения - той ступени в иерархии феодального общества, на которой он стоит. Человек хорош по преимуществу тогда, когда он соответствует своему социальному положению или когда ему приписывается это соответствие (последнее - чаще).

Эти идеалы, выработавшиеся в жизни и игравшие в ней значительную роль, повлияли и на письменность. Умерших, а иногда и живых литература (в первую очередь летопись и жития святых) стремится изобразить в духе этих идеалов (если автор сочувствует изображаемому) или показать их несоответствие этим идеалам (если автор не сочувствует изображаемому). Этим обуславливается относительная бедность характеристик действующих лиц летописи и житий. Но этим же обуславливается и точное соответствие характеристик нуждам господствующего класса феодального общества.

Идеалы не всех ступеней иерархической лестницы равноправны. В светской области наиболее отчетливо определился княжеский идеал. Герои летописи - по преимуществу князья, ибо их действия, как мы уже сказали, с точки зрения летописца, составляют суть исторического процесса. Вот почему княжеский идеал - наиболее разработанный светский идеал.

Характеристики духовенства в летописи - монахов, епископов, митрополитов, белого духовенства - и людей просто благочестивых целиком подчиняются идеалам церкви.

Особую группу составляют «святые». Внешне они не входят в систему феодальных отношений - светских и духовных - и не принадлежат крестьянству. Они как бы внесловны. Они вышли из жизни, но встали над ней - между земным и божественным. Трафареты в их характеристиках иные, они целиком зависят от общехристианской литературы - своей, местной и переводной. В святых подчеркиваются их странности, отрешенность от мира и его интересов.

* * *

Строгое соответствие изображения людей с иерархией феодального общества имело свои глубокие основания в самом строе феодального общества и в потребностях верхушки этого общества сохранить этот строй, удержать за собой господствующее положение. В связи с этим вырабатывается понятие феодальной чести. Над сложной иерархией политических отношений вырастает не менее сложная иерархия чести.

Уже в Русской Правде размер наказаний изменяется в зависимости от положения пострадавшего, от того, на какой ступени феодальной лестницы он находится, причем защищается прежде всего честь пострадавшего, его достоинство.

Согласно Правде Ярослава различались побои в зависимости от того, чем они нанесены, причем за более опасные удары мечом и ранение пальца взыскивалось 3 гривны, а за удары менее опасными предметами (палкой, жердью, тыловой частью меча, ножами меча) в четыре раза больше - 12 гривен. Это объясняется тем, что последние удары были более оскорбительными, так как выражали крайнее презрение к оскорбляемому.

Если обиженный попытается смыть нанесённое ему оскорбление и обнажит меч, то такого рода действие ненаказуемо. В Пространной Правде говорится: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть», «Аже ли кто вынет мечь, а не утнеть, то гривна кун», «Аще ли ринеть мужь мужа, любо от себе, любо к себе, 3 гривне» и т. д.

Классовое расслоение общества сказалось также и в церковном уставе Ярослава Владимировича. Здесь особо оговаривается оскорбление жен великих и меньших бояр, градских и сельских людей. Оскорбление словом каждой из этих категорий жен строго различается по налагаемой санкции. Характерно, что речь идет именно об оскорблении словом. Следовательно, вырабатываются строгие представления о феодальной чести. В цифрах этих штрафов социальное расстояние между большим боярином и сельским человеком определяется отношением 1 к 14. Строже всего охранялась законом честь князя. За бесчестье князя по Русской Правде полагалось обезглавление: «Князю великому за бесчестье главу снять». Смертная казнь полагалась и за восстание

против князя. Князь Изяслав казнил организаторов восстания 1068 г. Князь Василько Ростиславич казнил в 1097 г. мужей князя Давида Святославича, по наущению которых он был ослеплен. Ипатьевская летопись под 1177 г. приводит следующее обращение князя Святослава Всеволодовича к князю Роману Ростиславичу: «Брате, я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть, оже ся князь извинить, то в волость, а мужь в голову». Таким образом, оскорбление чести феодала, как и измена ему, карались смертной казнью - так же точно и на Западе. При этом надо принять во внимание, что смертная казнь в раннефеодальном древнерусском государстве применялась исключительно редко.

Процесс образования сложной лестницы феодальных отношений закончился в основном к XII в.: великий князь, местные князья, бояре, боярские слуги. Междукняжеские отношения строятся к этому времени на основании развитого сюзеренитета³ - вассалитета.

Вот эта-то сложная иерархия феодальных отношений отчетливо дает себя знать в художественной литературе - в характеристиках действующих лиц летописи, житий, исторических повестей. Она налагает ясно осязаемый отпечаток на систему художественных обобщений. И это прежде всего сказывается в том, что для каждой ступени феодальной лестницы вырабатываются, как мы уже сказали, свой идеал, свои нормы поведения, в зависимости от которых и расценивается тот или иной представитель этой ступени.

Сравнительно с общинно-патриархальной формацией феодализм предоставлял большие возможности для развития личности, но эти возможности открывались по преимуществу для представителей феодального класса. Согласно представлениям феодализма, история, движется отдельными личностями из среды феодалов: князьями, боярами, духовенством, и это наложило свой отпечаток на образы людей в литературе. Вот почему и обобщение

³ Сюзерен (фр. *suzerain* от старофр. *suserain*) — тип крупного феодального правителя, власть которого основана на вассальном подчинении ему более мелких феодалов , получавших от сюзерена право на часть земли (феодал) в его владениях.

в литературе XI-XIII вв. основывается на отдельных конкретных исторических личностях. Литература - летопись или житие, всё равно - в основе своих образов имеет только исторические личности. Вымышленно-обобщенных образов людей литература феодализма не знает. Вместе с тем каждое историческое лицо, как мы уже сказали, вводится в круг идеалов, располагающихся по ступеням феодальной лестницы.

Особое положение в этой «лестнице идеалов» занимал трудовой народ. Сельское население, городские ремесленники не входили в состав феодальной иерархии. Они составляли только ту основу, над которой высилась феодальная лестница. Трудовой народ находился вне этой лестницы, а следовательно, и вне лестницы феодальных идеалов.

Весь феодальный класс, несмотря на свою сложную многоступенчатую структуру, составляющую основу его неоднородности, в отношении трудового населения выступает как сплочённое единое целое. В первую очередь это касается княжеского рода - особенно спаянной, несмотря на все свои внутренние раздоры, части феодального класса. Постоянные раздоры в среде князей не мешали их сплоченности по отношению ко всем некнязьям, в том числе и к другим представителям класса феодалов.

Тесное соприкосновение феодальной литературы и действительности, феодальной литературы и политики нашло свое отражение в строгом подчинении изображения людей идеалам феодальной верхушки.

Литература феодального периода была теснейшим образом связана с жизнью - с нуждами и требованиями феодального общества. Как мы увидим в дальнейшем, именно жизнь, а не литература, не литературная традиция выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов. Литература в основном знала только две краски - чёрную и белую; определение же того, какой краской писать то или иное

действующее лицо, принадлежало реальной политической действительности и месту в ней самого автора. Противников своего лагеря летописец или автор исторической повести писал тёмной краской, сторонников - светлой. Летописец, автор, и себя подчинял этикету феодального общества, вводил себя в иерархию феодализма: своё служение феодалу он переносил в свою писательскую деятельность. Летописец того или иного князя, того или иного монастыря, епископа выражал в своих творениях верность сюзерену. В большей мере, чем какой бы то ни было автор других веков, он подчинял задачи своего труда задачам служения своему сюзерену, оценивал события и людей так, как это ему подсказывали его обязанности подданного - человека, стоящего на одной из низших ступеней феодальной лестницы и связанного ее принципами. Отсюда уже отмеченная нами официальность литературы.

* * *

Как в изображениях на мозаиках и фресках XI-XIII вв., князь в летописи всегда официален, всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Его речи при переговорах и на съездах князей, перед дружиной или на вече всегда лаконичны, значительны и как бы геральдичны. Порой они звучат как призывы, обращают на себя внимание своею образностью, удачно найденными формулами, сжато отражающими всегда одну и всегда основную мысль.

Геральдичность и церемониальность не требуют пространного выражения. Они обращены во вне - к зрителю и читателю. Поступки, дела, действия, слова и жесты - основное в характеристиках князей. В летописи описываются эти действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие.

Князья в летописи не знают душевной борьбы, душевных переживаний, того, что мы могли бы назвать «душевым развитием». Князья могут испытывать телесные муки, но не душевные терзания. На всем протяжении своей жизни, как она фиксируется в летописи, князь остается неизменным. Даже в тех случаях, когда летописец и говорит о душевных колебаниях князя, кажется, что он больше взвешивает все «за» и «против», чем

испытывает нерешительность. В таких случаях сама несмелость предстает как черта политических убеждений, а не характера. Старчески слабый князь Вячеслав Владимирович выглядит в изображении летописца мудрым князем, отрешившимся от политики, хотя и продолжающим находиться на княжеском столе. Для летописца не существует «психологии возраста». Каждый князь увековечен в своем как бы идеальном, вневременном состоянии. О возрасте князя мы узнаем только тогда, когда возраст (как и болезнь) мешает его действиям. Если в летописи говорится о детстве князя, то летописец стремится и здесь изобразить его как бы в его сущности князя. Ребенок-князь начинает битву, бросая копье (Игорь), или защищает мать с мечом в руках (Изяслав), или совершает обряд посажения на коня. С момента «посага» (обычно в восьмилетнем возрасте) летописец по большей части уже не упоминает о возрасте князя, оценивая его поступки как поступки князя вообще. О юности князя летописец вспоминает только тогда, когда юноша-князь умирает и окружающие оплакивают его безвременную кончину.

В характеристиках князей нет никаких оттенков и переходов, создающихся противоречиями внутренней жизни. Все добродетели князя точно определены, все пороки его исчислены, их может быть больше или меньше, но качественно они все одни и те же. Характеристика князя в летописи, если она дается отдельно, состоит обычно из перечисления его достоинств, внешних примет и, реже, недостатков. Все свойства его ясны, отчетливы, просты. Их скорее мало, чем много. Летописцы как бы избегают всего расплывчатого, неясного, создают как бы эмблемы и символы феодального порядка. Они пишут так же, как и иконописцы, - изображения для поклонения или, напротив, для осуждения. Их главное внимание уделено личностям феодалов, но самые эти личности служат как бы только олицетворениями существующих порядков - сложной феодальной лестницы и ее незыблемости.

Во второй половине XIII или в начале XIV в. неизвестный автор, рязанец по происхождению, вспоминая рязанских князей минувших времен могущества и независимости Руси, следующим образом охарактеризовал этот уже уходящий к тому времени в

прошлое идеал князей: «Сии бо государи рода Владимера Святославича - сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Бяше родом христоролюбивый, благолюбивый, лецем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пированье тщивы, до осподарских потех охочи, ратному делу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правде-истине пребываеши, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаеши. Святого корени отрасли, и богом насажденаго сада цветы прекрасныи. Воспитани быша в благочестии со всяцем наказании духовней. От самых пелен бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустотных бесед не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благими всегда беседоваша, божественных писаниих всегда во умилении послушаше. Ратным во бранех страшена ивляшеся, многия враги, востаючи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаеши. А по браце целомудрено живяеши, смотряючи своего спасения. В чистой совести, и крепости, и разума предрержа земное царство и к небесному приближался. Плоти угодие не творяще, соблюдаючи тело свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаша; и кресты на раме своем носяща. И честь, и славу от всего мира приимаеши, а святыя дни святого поста честно храняеши, а по вся святыя посты причащаша святых пречистых бессмертных тайн. И многи труды и победы по правой вере показаша. А с погаными половцы часто бяшася за святыя церкви и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к себе принимаете, и на веру истинную обращаеши». В этой «Похвале» роду рязанских князей всё собрано, всё сосредоточено, до предела сжато и выпукло, как в каменной рези владимиро-суздальских соборов. Каждая черта резко обобщена и продумана, каждая деталь - следствие работы мысли многих поколений, создавших свой идеал князя, его поведения, его внешнего облика. В

этой монументальной характеристике рязанские князья обрисованы такими, какими они должны казаться людям: своей братье, их послам, дружине, боярам и врагам. Куда ни обратится князь, всюду он лучший из лучших, для всех он такой, каким он должен быть, с точки зрения древнерусского автора. Для одних он грозен, для других ласков, к третьим щедр, для четвертых боголюбив, к пятым приветлив. Он весь в деятельности, он представитель своего положения, он как бы обращен во вне - к зрителю, к окружающим. И замечательно, что в «Похвале» роду рязанских князей исчислены почти все те зрители, к которым обращена эффектная внешность князя: это бояре, приезжие, своя братья князья и греческие цари, «супостаты» - враги, «неверные цари», послы, духовенство. Ко всем этим зрителям - князь красен лицом, грозен и светел очами, всюду он первый в выполнении своих обязанностей: на пиру и в церкви, в битве и при приеме послов. Его облик легко обозрим, прост и значителен. В многоликом идеале князя, то грозном, то приветливом и величавом, находят себе место и церковные добродетели. Качества князя соединены в его облике механически: рязанские князья и «на пирование тщивы» и в посте прилежны, грозны и приветливы, до господарских потех «охочи» и «срамных человек²» отвращаются, «пустотных» бесед не творят. Качества князей, их добродетели могут присоединяться к его характеристике бесконечно. Это звенья в цепи. Иногда эти качества лишены настоящей внутренней, психологической связи. Добродетелей в князе может быть столько, сколько колец в его кольчуге. Каждая «добродетель» обращена к зрителю, надета на нем, как доспех, механически соединена с соседней. Он окружается ими, как броней. Они - как бы его парадная одежда. Это хорошо подметил Даниил Заточник: «Паволока бо испестрена многими шолки и красно лице являеть: тако и ты, княже, многими людми честен и славен по всем странам».

Ещё отчетливее сравнение добродетелей князя с его одеянием в пространной посмертной характеристике волынского князя Владимира Васильковича. «Ты правдою бе оболчен, - обращается к нему летописец, - крепостью препоясан и милостынею яко гривною утварью златою украсуся, истиною обит, смыслом венчан». К

каждому из своих зрителей князь обращается как бы в отдельности, полностью растворяясь в окружающей его феодальной среде и становясь до предела абстрактным. «Ты бе, о честная главо,- продолжает летописец, - нагим одеяние, ты бе алчущим корьмля и жажущим во вьртыпе оглашение, вдовицам помощник и страньным покоише, беспокровным покров, обидимым заступник, убогим обогатение, страньн приимник».

То обстоятельство, что добродетели механически присоединяются к другим добродетелям без внутренне объединяющей их связи, привело к легкому совмещению идеалов светского и церковного. В произведениях светской литературы к дружинным добродетелям князя, рисуящим его добрым воином и добрым главой дружины, тщивым на пиры, щедрым и храбрым, присоединяются духовные добродетели аскетического характера: нищелюбие, смирение, постничество и благочестие. С другой стороны, в житийных характеристиках дружинные добродетели легко присоединяются к церковным и осеняются венцом святости. Так было в характеристиках князей, погибших от татар, так было и в Житии Александра Невского.

Христианское мировоззрение при изображении людей было поставлено на службу укреплению феодального строя. Оно вступало в силу по преимуществу там, где речь заходила о правовых преступлениях: об убийстве, ослеплении, вероломстве, нарушении крестного целования и т. д. Убийство Игоря Ольговича побудило летописца обратиться к житийным образцам, то же можно сказать об убийстве Андрея Боголюбского и о многих других преступлениях периода феодальной раздробленности.

Характерно проникновение церковного элемента по преимуществу в изображение отрицательных персонажей светских произведений - врагов внешних и внутренних. Положительный идеал был главным образом светский; церковные добродетели лишь механически присоединялись в характеристике светских героев к основным светским, феодальным добродетелям. Но коль скоро речь заходила о дурных поступках, о врагах,- летописец становился целиком на церковную точку зрения и приписывал отрицательному персонажу по преимуществу церковные грехи и

недостатки. В церковной литературной традиции светский автор находил сильные слова осуждения, яркие краски и твердую почву для морализирования.

В изображении отрицательных персонажей сказывался и христианский психологизм, когда делались попытки проникнуть во внутреннюю жизнь действующего лица. Летописец в гораздо большей степени, чем в изображении положительных героев своего повествования, стремился психологически объяснить поступки врага, описать внутренние побудительные причины его дурных поступков. Правда, этих побудительных причин немного: гордость, зависть, честолюбие, жадность.

Внешний враг устремляется на Русь «в силе тяжце», «пыхая духом ратным», под влиянием зависти, которую вложил ему в сердце дьявол, «устремившись прияти град и землю», «надеяся объяти землю, потребити море». Владимир Мстиславич нарушает крестное целование, так как был к братии своей «верьтлив» и «не управляваше к ним хрестного целования».

Однако и в отношении к отрицательным персонажам писатель XI- XIII вв. не в меньшей степени официален, чем в отношении к положительным героям своего повествования. Отрицательный герой летописи - это внешний враг, всякий противник того князя, которому сочувствует летописец. Отрицательные персонажи летописца найдены им не по их внутренним отрицательным свойствам, а по тому внешнему положению, которое они занимали в феодальной и классовой борьбе своего времени. Характерно, что многие отрицательные психологические свойства противника определены летописцем также с этой официальной, служебной позиции. Один из самых отрицательных персонажей Ипатьевской летописи - князь Владимирко Галицкий. Его главная черта - жадность; он действует не прямо, не войной, а подкупом, деньгами. В этом изображении Владимирки сказалась ненависть представителя беднеющего Киевского княжества к гораздо более богатому в XII в. княжеству Галицкому. Беднеющий Киев презирал молодой и богатый Галич. Это презрение воплотилось в отрицательном образе «многоглаголивого» Владимирки Галицкого,

действовавшего деньгами, а не оружием, жадного к добыче и беспощадного в своей жадности.

Литературные портреты князей XII-XIII вв. так же лаконичны, энергично выписаны и просты, как и их портреты живописные. На иконе XII в. Третьяковской галереи из Новгородского Юрьева монастыря Георгий Победоносец стоит со щитом за спиной, с копьем и мечом в руках, с кесарским венцом на голове. Все атрибуты власти при нем, оружие при нем; вспоминаются слова из «Изборника» Святослава 1076 г.: «красота воину- оружие». Одежды Георгия тщательно выписаны и поражают богатством. Он обращён к зрителю, как бы позирует перед ним и прямо смотрит на него. Всё в нем различимо, ясно. Он изображён не в один из моментов своей жизни, а таким, каким он должен представляться зрителю всегда. Художник стремился изобразить все присущие ему признаки, а не какое-то из его временных состояний. Таков же Дмитрий Солунский на иконе XII в. (в Третьяковской галерее) или Ярослав Всеволодович на фреске новгородской церкви Спаса на Нередице. Художник и писатель стремятся к эмблематическому изображению, к передаче признаков и знаков достоинства.

И в литературе, и в живописи перед нами несомненно искусство монументальное. Это искусство, способное воплотить героизм личности, понятия чести, славы, могущества князя, сословные различия в положении людей. Бесстрашие, мужество, феодальная верность, щедрость, поскольку все они выразались в поступках и речах, были «доступны для обозрения» читателя, не скрывались в глубине личности, были выражены явно - словом, делом, жестами, положением, могли быть переданы летописцем без особого проникновения в тонкости психологии.

В образах князей этого времени отразился идеал мужественной красоты. Этот идеал приобретал особую торжественность и парадность под пером летописца, будучи поставлен им на службу интересам феодалов.

Литературные портреты князей выступают перед нами как бы высеченными из камня, подобно каменным барельефам владимиро-суздальских соборов: с той же мерою обобщения и с тем же минимумом жизненно наблюдаемых деталей. Литературные

способы характеристики князей согласуются со способами описания их действий, поступков, подвигов. И в этих описаниях писатели XII-XIII вв. также полны заботы о соблюдении этикета, о максимальном обобщении эпизодов, о зрительном, внешнем их эффекте в первую очередь.

Говоря о князе, о своем князе, летописец постоянно изображает его в парадных и официальных положениях: князь во главе своего войска; князь въезжает в свой город, его радостно встречают жители; князь «думает» с боярами; князь принимает и отряжает послов; князь первым кидается в битву и «ломает копьё»; тело князя с плачем хоронят жители, называя его защитником «сирых», «кормителем» и «нищелюбцем». Перед нами несколько церемониальных положений, каждое из которых прямо годилось бы для печати князя как его эмблема. В каждом из этих положений князь предстаёт перед читателем прежде всего как князь, в ореоле княжеской власти и княжеской славы. Именно такие положения встречаются на иконах, на стенах храмов или на монетах (монета Владимира с изображением его сидящим на престоле в иератической позе и выразительной подписью: «Володимир на столе, а се его серебро»).

Князь предстает перед читателем или зрителем во всем блеске его княжеского достоинства. Летописец ловит его слова, фиксирует их, передаёт их в наиболее обобщённой форме - почти как сентенции, подчёркивает их мудрость и дальновидность, рисует князя только в значительные и торжественные моменты его жизни.

Вот Михалко и Всеволод въезжают во Владимир со славою и честью великою. «Узревше князя своя», выходят им навстречу владимирцы и духовенство с крестами. В иных случаях народ, встречая возвращающихся с победой князей, поёт им славу.

Вот изображение победившего врагов Мстислава Мстиславича Галицкого. Он въезжает в Галич, встречается там с Даниилом Романовичем. «Вси бо угре и ляхове убьени быша, а инии яти быша, а инии бегающе по земле истопоша, друзии же смерды избьени быша, и никому же утекши от них; тако бо милость от бога Руской земле». Победенный враг - Судислав - обнимает колени Мстислава: «Обуимая нозе его, обещаю работе быти ему».

Мстислав же прощает врага «и честью великою почтив его, и Звенигород дасть ему».

Ещё более эффектно и импозантно картины парада княжеского войска с князем во главе. Парад войск Даниила Романовича описан под 1251 г. Воины Даниила представлены во всем их блеске: «Щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцю восходящу, копиемь же их дръжащим в руках яко тръсти мнози, стрелцемь же обапол идущим, и держащим в руках рожан» ци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным. Данилови же на коне сидящу и вое рядящу». В следующем году Даниил Романович показывает войско своё немцам. В описании этого смотра ещё большая роль принадлежит самому Даниилу. «Данила же приде к нему (к венгерскому королю. - Д. Л.), исполни вся люди свое. Немьци же дивящесе оружью татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыцех, и бе полков его светлость велика, от оружья блистающася. Сам же еха подле короля, по обычаю руску: бе бо конь под нимь дивлению подобен, и седло от злата жьжена, и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростьми, якоже дивитися, кожую же оловира грецького и круживы златыми. Фигура князя привлекает внимание летописца и в битве, когда князь обнажает меч, когда он ранен, когда оружие его в крови или пострадало от ударов врага: «И сулицы его кроваве сущи и оскепищу изсечену от ударенья мечеваго», - говорит летописец о Данииле в битве с венграми.

Большинство положений князя, в которых описывает его летописец, связаны с княжеским этикетом, они в какой-то мере церемониальны. Церемониальны не только встречи князя и его посажение на столе, но и такие, как езда «у стремени», что символизировало собой вассальную службу князя, его стояние «на костях» после битвы, «обличающее» победу, и т. д. Важно отметить, что во всех этих церемониальных положениях большое значение придавалось общественному признанию князя. Въезды князя в город после победы, для посажения на столе, встречаются сочувственно народом. Князь въезжает в город «с великою славою и честью», а иногда летописец упоминает, что князю пелась слава, что народ встречал его, как пчёлы встречают матку.

«Геральдические» положения найдены летописцем не только для своих, но и для врагов - например для Севенча Боняковича, стремившегося ударить своим мечом в Золотые ворота Киева, как ударил в них когда-то его отец - хан Боняк, или для Владимирки Галицкого, обманувшего русских послов, лежа в постели, и посмеявшегося над другим послом, стоя на переходах из своего дворца в божницу. Слова того и другого выражают в лаконичной и почти «геральдической» форме смысл их действий: «Хочу сечи в Золотая ворота, - говорит Севенч Бонякович,- якоже и отец мой»; «поеха мужь русский, обуимава вся волости», - говорит Владимирко Галицкий. Свежесть и сила этих эпизодов не в том, что в них отражен какой-то новый подход к событиям, а в том только, что самые события для изображения взяты в них не совсем заурядные.

Враг изображается обычно в момент своего выступления в поход «в силе тяжце» или в момент своего поражения, когда он бежит с позором, «дав плечи», или обнимает ноги победителя, «обещаяся работе быти ему». Боярин Доброслав выезжает «с великою гордынею», «во одной сорочце, гордящу, ни на землю смотрящу».

В этих изображениях внутренняя жизнь князя подчинена его внешнему изображению. Князь мудр, храбр, справедлив - в той мере, в какой это полагается ему там, где это нужно по «этикету». Всё совершается им в своем месте и в своё время. Князь поступает так, как нужно по воззрениям своего времени. Его личным привязанностям, вкусам, привычкам летописец уделяет место только тогда, когда это отражается на его судьбе. Болезнь князя описывается тогда, когда он болен смертельно. Въезд князя в город описывается тогда, когда он приезжает с победой из похода или для того, чтобы сесть на столе. Совет князя с боярами описывается тогда, когда принимается какое-либо мудрое решение. Князь не принадлежит самому себе. Он изображается только как представитель своего сословия, во-первых, и как исторический деятель, во-вторых.

* * *

Подобное изображение людей было, конечно, близко к их прославлению. Там, где древнерусский автор сознательно

стремился дать читателю представление о том человеке, о котором он писал, обычно ясно ощущается и стремление прославить его, или, напротив, унижить. О задаче искусства как о задаче прославления прямо писал в своем «Слове на седьмую неделю по Пасце» Кирилл Туровский: «Историцы и ветиа, рекше летописци и песнотворци, прикланяють своа слухы в бывшая между царей рати и ополчения, да украсять словесы слышащая и възвеличать крепко храбравшая и мужествовавшая по своем цари, и не давших в брани плещи врагомь, и тех славяще похвалами венчаеть».

Общественное признание, «слава» князя, его «честь» - спутники феодальных добродетелей князя в писательском представлении того времени. Авторы XII-XIII вв. не знают коллизий между тем, что представляет собой князь, и тем, как воспринимают его окружающие: его вассалы и народ. Как мы уже сказали, добродетели князя все обращены во вне, доступны для оценки; авторы XII-XIII вв. не изображают скрытой, внутренней духовной жизни, которая могла бы быть неправильно понята окружающими. Вот почему добрая слава неизменно сопутствует доброму князю и служит как бы удостоверением его феодальных добродетелей. Вот почему в похвале князю, живому или мертвому, так часто говорится о его славе, о любви к нему народа.

Когда умер Владимир Мономах, «весь народ и вси людие по немь плакаюся, якоже дети по отцю или по матери». По Изяславе Мстиславиче «плакалась» «вся Руская земля и вси Чернии Клобуци». По Мстиславе Ростиславиче плакали все новгородцы - «все множество новгородское, и силнии, и худии, и нищии, и убозеи, и черноризьске» и т. д. Плач по умершем - это и прославление князя, его заслуг, его доброты, его храбрости, обещание не забыть его доблести и его «приголубления». «Уже не можем, господине,- плачут новгородци по Мстиславе Ростиславиче,- поехать с тобою на иную землю, поганых поработити во область Новгородскую: ты бо много молвяшь, господине наш, хотя на все стороне поганья; добро бы ныне, господине, с тобою умрети створшему толикую свободу новгородьцем от поганых, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал

и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом». Все эти плачи и прославления, конечно, далеки от передачи действительных: они в высокой степени литературны и традиционны.

Есть и другая сторона в этом общественном признании князя. Князь и вассалы, князь и народ составляют единое целое, связанное феодальными отношениями. Народ составляет неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя. Народ как бы только обрамляет группу князей. Он выражает радость по поводу их посажения на стол, печаль по поводу их смерти, поет славу князьям при их возвращении из победоносных походов; он всегда выступает в унисон, без единого индивидуального голоса, массой, в которой неразличимы отдельные личности, хотя бы безымянные, вроде тех безликих групп, которые условно изображаются на иконах и фресках аккуратно разрисованными рядами голов, за ровным первым рядом которых только едва выступают верхушки голов второго ряда, за ним третьего, четвертого и т. д. - без единого лица, без единой индивидуальной черты. Их единственное отмечаемое достоинство - верность князю, верность феодалу.

Это вполне согласуется с основами феодальной идеологии. Князья постоянно требуют от населения верности себе. В свою очередь и население неоднократно заверяет в летописи князя о своей верности. Верность, преданность и любовь к князю народа окружают его, как ореолом. Могущество феодала тем больше, чем более преданы ему народ и вассалы. Чтобы возвеличить князя, надо подчеркнуть преданность ему его людей, готовность их в любое время выступить со своим князем по его призыву.

Описания преданности горожан своему князю обычны в летописи: народ, горожане, вассалы постоянно изъявляют готовность сложить за своего князя головы, заверяют его в своей верности и любви к нему. Изяслав Мстиславич входит в Киев, «хваля и славя бога... и выидоша противу ему множество народа и игумени с черноризци и Попове всего города Кыева в ризах». Горожане радуются княжескому «седению» в их городе. Они

действуют по формуле: «Мы людие твое, а ты еси нашъ князь». Подобно тому, как полки «жадахуть боя» за своего князя, и горожане заявляют князьям: «Аче ны ся и, (с) детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя» или: «Кде узрим стяг ваю, ту мы готовы ваю есмы». Горожане обещают князю оставаться верными в самых сильных выражениях: «... оли ся с ним смертью розлучити», - говорят смоляне о сыне Ростислава Мстиславича. Галицкий летописец дал в своих записях красочное описание встречи горожанами своего князя Даниила Романовича: «Они же вокликнувше реша: «яко се есть держатель нашъ, богом даный» - и пустишася яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажюци воды ко источнику».

Самому суровому осуждению подвергаются летописцем те горожане, которые проявляют к князьям «злое неверствие», и, напротив, получают одобрение те, которые твердо держатся своего князя, своей княжеской ветви - «племени Володимера» или «племени» Мстислава и не могут «руки подьяти» на его представителей. Во всех случаях изъявления преданности горожане выступают как единое целое - безликой и сплоченной массой. Душевные движения всех новгородцев как единого целого широко представлены, например, в Новгородской первой летописи. Новгородцы то радуются своему князю, то печалются его неудачам, то выражают ему преданность. Их отношения с князьями идилличны. Новгородцы заявляют Мстиславу Мстиславичу: «Камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържем». Они идут с ним на юг, но под Смоленском отказываются идти дальше, и тогда Мстислав, «человав всех, поклонився поиди». Впрочем, на следующий год сам Мстислав отказывается от новгородцев - «суть ми орудия в Руси, а вы вольни в князех», - и новгородцы не в обиде. Патетически заявленная верность князя народу и народа князю могла при известных условиях нарушаться со взаимного согласия. Во всяком случае нарушения верности не становились реже от того, что верность эта прокламировалась при всяком удобном случае с аффектацией и официальной торжественностью.

Верность народа, дружины князю подкрепляется феодальной верностью ему его вассалов. Верность - основная положительная черта и народа, и вассалов князя в изображении летописца. Главная обязанность вассалов - «ездить подле стремени князя», т. е. верно выполнять князю военную службу, участвовать в его походах и войнах. Мужичелуют крест своим князьям «добра хотети и чести стеречи». Вассалы князя выражают готовность немедленно прийти к нему на помощь. Венгры говорят Изяславу Мстиславичу, что они «готовы», а «комони» «под ними». Черные клобуки заверяют Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича: «Хочем же за отца вашего за Вячьслава и за тя, и за брата твоего Ростислава, и за всю братью, и головы свое сложити, да любо честь вашу налезем, паки ли хочем с вами ту измерети». То же говорят и берендеи Юрию Долгорукому: «Мы умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы своя съкладаем за твою честь». Обещание умереть за своего сюзерена Владимира Васильковича дает и Литва: «Володимере, добрый княже, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы». Литовцы же говорят ему, приходя к Берестью: «Ты нас возвёл, да поведи ны куда; а се мы готовы, на то есмы пришли».

Атмосфера неуклонного выполнения вассальной службы князю служит его возвеличиванию. В вассальную службу включается даже боевой конь князя. Преданность коня служит как бы назидательным примером для вассалов князя и заставляет воздать ему почести. Конь Андрея Боголюбского, пожертвовав собой, спас ему жизнь и был им похоронен с почестями: «Конь же его (Андрея Боголюбского. - Д. Л.), язвен велми, унёс господина своего, умре; князь же Андрей, жалуя комоньства его, повеле и погresti над Стырем».

Вассальная верность далеко не бескорыстна. Она оплачивается князем его «лаской», «хлебом», «медвяной чашей» и дорогим «портищем», но от этого отнюдь не становится в глазах писателя XII-XIII вв. менее похвальной. Напротив, авторы часто говорят с похвалой о верности, как бы оплачивающей доброту князя.

Верность князю так выразил в своем «Молении» Даниил Заточник: «Яз не могу, как на свет посмотри и на луну солнечну, то аз, госпоже осподарыне, на государя подумати за его доброту и ласку, и за портище драгоценное, и за его хлеб и сол, и за чашу медвяную». О том же портище вспомнил и Кузьмище Киянин, когда упрекнул за измену своему князю Андрею ясина Амбала: «Помнишь ли... в которых порьтех пришел бяшеть (к князю. - Д. Л.)? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежить». О хлебе и чаше говорит летописец и в похвале ростовскому князю Васильку Константиновичу: «Кто ему (Васильку. - Д. Л.) служил и хлеб его ел, и чашю пил, и дары имал, тот никако же у иного князя можаше быти за любовь его». Феодалная верность - это как бы плата вассала за его кормление и защиту. За измену своему князю Даниил Заточник предлагает: «За тую лихую меру от булатна меча своею мне головкою отлити та чаша медвеная кровию». Медвяная чаша отольется изменнику чашею крови. Измена князю - самое большое преступление, и в действительности за нее полагалась смертная казнь.

* * *

Отношения вассалитета-сюзеренитета определяются взаимными обязанностями. Строгое выполнение вассалами своих обязанностей укрепляет авторитет сюзерена. Строгое выполнение сюзереном своих обязанностей по отношению к вассалам укрепляет его ещё более. Авторы XI-XIII вв. ставят князя на пьедестал вассальных повинностей и украшают его обязанностями сюзерена.

Если князь не считается со своими вассальными князьями, они отказываются ему служить. Так было с Юрием Долгоруким, которому южные князья прямо бросили упрек: «... но с нами не умеет жити».

Повинности князя по отношению к своим боярам и дружине определены четко. Князь должен быть щедр к ним и во всем советоваться с ними - «о строем земленом» и о воинских делах. Иногда эти обязанности князя разделены: среди его приближённых есть «мужи храборьствующие», к которым он щедр, и «бояре думающие», с которыми он совещается в совете.

Щедрость князя находит своеобразное идейное обоснование в афоризме летописца: «Златом и серебром не добудешь дружины, а дружиною добудешь и серебро и злато». Повесть временных лет неоднократно напоминает об этой дружинной морали.

Так, например, в рассказе Повести временных лет о прибытии в Киев немецкого посольства проведена та мысль, что дружина дороже всякого богатства. «Се ни в что же есть, се бо лежить мертво,- говорят послы о богатствах Святослава. - Сего суть кметье луче. Мужи бо ся доищють и больше сего». В сходных выражениях говорит в Повести временных лет и Владимир Святославич: «Сребромь и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу серебро и злато, яко же дед мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра».

С небольшими вариантами эта мораль постоянно повторяется и в летописях XII-XIII вв. Князь Святослав Ростиславич был «храбор на рати», «имеяше дружину (в чести) и имения не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине». Тот же мотив звучит и в характеристике Давида Ростиславича: «Бе бо крепок на рати, всегда бо тосняшеться на великая дела, злата и сребра не сбирает, но даеть дружине, бе бо любя дружину, а злыя кажня, якоже подобает царемь творити». Щедрость князя восхваляется в летописи неоднократно, как неоднократно осуждается в ней и княжеская жадность. Эта мораль отчетливо выражена в «Молении» Даниила Заточника. Неоднократно взывая к щедрости князя, Даниил прямо повторяет и летописную формулу: «Златом бо мужей добрых не добудешь, а мужми злато и серебро и градов добудет».

Другая обязанность князя по отношению к своей дружине и боярам - во всём советоваться с ними. Как известно, отступление князя Святополка от этого правила вызвало конфликт между ним и старшей дружиной.

Было бы неправильно видеть в обычае князей советоваться с дружиной их консерватизм, остатки военной демократии. Авторы XII-XIII вв., восхваляя князей, неоднократно говорят об этом обычае, выставляя следование ему одной из важнейших добродетелей князя.

Летописец высоко ценит тех князей, которые свою деятельность согласуют с верхами феодального общества - с «лучшей дружиной». Думать думу с дружиной, совещаться с ней - основная княжеская обязанность. Сын Юрия Долгорукого Глеб Юрьевич «думашеть с дружиною своею», - летописец хвалит его за это. Теплую похвалу летописца заслужил и Мстислав Ростиславич, который «прилежно бо тщашеться, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тьснася, размыш-ливая с мужи своими, хотя исполнити отечьствие свое».

Князь, во всём советующийся с дружиной, заслуживает похвалы. Перечисляя выдающиеся добродетели своего князя, летописец наряду с тем, что он «хоробор», «крепок на рати», «немало показал мужьство свое», упоминает и о том, что он был «думен», т. е. совещался с дружиной.

Вассалы князя отказываются служить ему, если он не совещается с ними. Бояре Владимира Мстиславича заявляют ему: «О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали».

Переводя в практический план эту феодальную мораль, Даниил Заточник говорил: «З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть». Князь обязан быть дружен со своей дружиной. Совместно с нею он «дерзает» на поганых и побеждает их. Он сохраняет ей верность, предпочитая дружину не только золоту и серебру, но и княжению. «Леплее ми того смерть, - говорит сын Владимира Мономаха Андрей Владимирович Добрый, - а с своею дружиною на своей воочине, и на дедине нежели Курьское княженье». За свою дружину, за ее честь и «жизнь» князь готов пожертвовать своею головою: «Любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь», - говорит Изяслав Мстиславич своей дружине.

Хваля князя за то, что он «немало мужьства показа» и «много пота утер» за Русскую землю, летописец не забывает прибавить: «с дружиною своею» и «с мужьми своими».

* * *

Идеал князя основывается на определенных представлениях о чести и о «сороме». Он потому так прочен в литературных

произведениях XI- XIII вв., что опирается на представления, широко распространенные в верхах феодального общества.

Главные добродетели князя - быть «величавым на ратный чин», быть готовым жертвовать своей жизнью за свою честь, за честь Русской земли, мстить за свой «сором» или «сором» Руси. Формула «да любо налезу себе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю», с небольшими вариантами неоднократно повторяется в речах князей на всем протяжении XII-XIII вв.

Даниил Романович Галицкий так определил основную заповедь княжеско-дружинной воинской морали: «Подобаает воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пастися от ратных».

Бесстрашие в бою - одна из важнейших черт в идеальном портрете князя. Летопись неоднократно говорит о том или ином князе, что он был «хоробр и крепок на рать», «спешаше бо и тосняшесе на войну», от юности навьк никого не «уполошится», что сердце его было «крепко на брань», что он был «мужь добр и дерзок и крепок на рати», «умом велик и дерзостью» и т. д. Презрение к смерти хорошо выражено в ободряющих словах, которые сказал Даниил Романович своим союзникам полякам: «Почто ужасывается? не весте ли, яко война без падших мертвых не бывает? не весте ли, яко на мужи на ратные наши есте, а аде на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша, укрепите сердца ваша и подвигнете оружье свое на ратнее».

Эта мораль воинов была знакома не только княжеско-дружинной среде. Формулу «любо голову свою сложю, любо сором свой мщю» развивает в своем слове «О терпении и милостыне» и Феодосий Печерский. Христианскую мораль он пытается подкрепить примером морали воинской. Он говорит о воинах, что они «главы своя ни в что же помнят, дабы им не посрамленным быти».

Как и в иных случаях, летописцу важно при этом подчеркнуть действия, а не психологическое состояние героя своего повествования. Хваля его за мужество и храбрость, писатель XII-XIII вв. имеет в виду в первую очередь результаты этой храбрости:

его победы, страх, нагнанный им на врагов Русской земли, приобретённую им славу «грозного» и непобедимого князя. Некрологическая характеристика Владимира Мономаха подчеркивает, что это был князь, «украшенный добрыми нравы, прослуемый в победах, его имене трепетаху вся страны и по всем землям проиде слух его».

О страхе, который нагнал князь на врагов, летописец говорит, характеризуя сына Мономаха, Мстислава, Романа Галицкого, Даниила Романовича; об этом же говорится в житийной характеристике Александра Невского, в «Слове о погибели Русской земли» и во многих других произведениях.

Храбрость князей авторы XII-XIII вв. стремятся подчеркнуть не только в похвальных характеристиках им, но и в описании их действий.

Одна из самых важных добродетелей князя - быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке. Этот обычай, следовать которому обязан молодой князь и по которому судят о своем князе его воины и народ, так объяснен в Ипатьевской летописи. «Мужи браннии» говорят Даниилу Романовичу Галицкому: «Ты еси король, голова всим полком; аще нас послеси наперед кого, не послушно еси! веси бо ты войничьский чин, на ратех обычай ти еси, и всякий ся тебе усрамить и убоиться; изыди сам наперед». Даниил же, изрядив полки, и кому полком ходити, сам изииде наперед, и... сам же еха в мале отрок оружных». Так наперед выезжал сам Даниил и раньше - в битве на Калке; он бьется крепко, «бе бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на немь порока». Он не чувствует ран, нанесенных ему в битве: «Младства ради и буести не чюяше ран, бывших на телеси его: бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен». Еще раньше, когда Даниил был совсем молод, он уже участвовал в битве, укрепляя своих воинов, помогая воинам, которые, «мужескы ездяща», бились с противником. В битве с ятвягами Даниил гонится за ними, наносит раны, вышибает копьё из рук врага. Он помогает брату Васильку («обратися брату на помощь»). Дружина бьется не крепко, когда нет с ней князя, и это хорошо осознают сами князья: «Черниговцем же, бьющимся из города, князи же здумавше вси:

«Не крепко бьются дружина, ни половци, оже с ними не ездим сами».

Поединкам князя с врагом уделяется особое место в его характеристике. Слава князя не в малой степени зависит от поведения князя в битве. Отправляясь против врага в рукопашную схватку, Андрей Боголюбский говорит: «Ат яз почну день свой». Он придаёт своему поступку демонстративный характер. Он первым обнажает меч и первым ломает копьё, выезжая впереди дружины. Андрей Боголюбский «въехав преже всех в противныя, и дружина его по нем, и изломи копьё свое в супротивье своем». Прочие князья стремятся подражать своему сюзерену. Так, в 1152 г. «тогда же поревновавше ему (Андрею Боголюбскому. - Д. Л.) инии князи, ездisha последи под город». Князя-победителя славят «мужи отни»-старые воины его отца. В 1149 г. «мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всех бывших ту». Но иной раз бояре говорят своему князю: «Ты еси у нас князь один, оже тебе ся что створить, то что нам деяти?» - и не выпускают князя на стычки с врагом.

Единоборство князя постоянно упоминается в летописи: в рассказе об Изяславе Мстиславиче - «и тако перед всими полкы въеха Изяслав один в полкы ратных, и копьё свое изломи»; в повествовании о Мстиславе Андреевиче Суздальском, который под Новгородом «въеха в ворота, и побод мужей несколько, возворотися опять к своим»; в описании походов Изяслава Глебовича (внука Юрия Долгорукого), который в битве с волжскими болгарами, «въгнав за плот к воротам городным, изломи копьё».

Летописец пишет об этих поединках князя и славит за них князя именно потому, что за них же славили князя и его воины, горожане, народ, потому, что именно эти подвиги князя составляли существенную часть его воинской славы.

Мужество на войне согласуется с мужеством на охоте. Война и охота - два княжеских дела, в их несколько архаическом уже для эпохи феодализма сочетании. «Путями» и «ловами», т. е. походами и охотами, гордится Владимир Мономах, перечисляя свои подвиги тут и там: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути дея и ловы»; «а се тружахься ловы дея... конь диких

своима руками связал есмь в пущах 10 и 20, живых конь, а кроме того иже по Рови ездя, имал есмь своима рукама те же кони дикие; тура мя 2 метала на розех и с конем; олень мя один бол, а 2 лоси - один ногами топтал, а другой рогома бол; вепрь ми на бедре мечь оттял; медведь ми у колена подьклада укусил; лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже, и бог неврежена мя съблюде; и с коня много падах; голову си розбих дважды и рuce и нозе свои вередих. В уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своя». Не щадить своей головы, оказывается, следует не только на войне, в битве с противником, соблюдая свою честь и честь родины, но и на охоте. Такова мораль феодалов.

За беззаветную храбрость на охоте хвалит летописец и волынского князя Владимира Васильковича. Так же, как и Владимир Мономах, он не щадил на охоте собственной головы и делал всё сам, своими руками. «Бяшетъ бо и сам ловецъ добр, хоробр,- пишет о нем волынский летописец,- николи же ко вепреви и ни к Медведеве не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь; тем же и прослыл бяшетъ во всей земле, понеже дал бяшетъ ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всем, за его добро и правду».

Мужество на охоте, как и мужество на войне, окружало феодала ореолом славы. Летописец говорит о брестском воеводе Тите, что он «езде словый мужьством на ратех и на ловех». «Добро» и «правда» феодала - в его подвигах и в славе, которая эти подвиги сопровождает.

* * *

Воинские доблести князя интересуют летописца не только сами по себе. Он думает о княжестве, о Русской земле. Своей доблестью князь подаёт пример своим воинам. Князь олицетворяет могущество и достоинство своей страны.

Вот почему среди добродетелей князя перечисляются добрые качества не только воина, но и государственного человека. В этом отношении исключительный интерес представляет в Повести временных лет характеристика Ярослава Мудрого (под 1037 г.). Здесь в первую очередь восхваляется его строительная деятельность и его заботы о книжном просвещении.

И в характеристике Ярослава Осмомысла Галицкого подчеркивается то, что он «мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях». На последнем месте в этой характеристике упоминается то, что он был «славен полкы», причем отмечается, что он не сам ходил в походы, а только посылал войско: «Где бо бяшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полкы своими, но посылашетъ я с воеводами».

Идеал князя XI-XIII вв. был неотделим от идей патриотизма. Идеальный образ князя, - такой, какой он рисовался летописцу, - был воплощением любви к родине: к отчине, к Русской земле. Князь служит Русской земле, готов сложить за неё голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить в поход против её недругов, забыть свои обиды для того, чтобы «мстить обиды» Русской земли.

Князья обещают «терпеть за Рускую землю», «за крестьяны и за Рускую землю головы свое сложити», «Руской земли блюсти», «стеречь Рускую землю», «трудиться за свою отчину». Не раз обращаются они друг к другу с призывом помириться, «хрестьян деля и всее Руской земли», не проливать крови христианской «Рускые деля земля и хрестьян деля».

Летописец говорит о князе, что он был «добрый страдалецъ за Рускую землю». Блюсти интересы Русской земли и «хрестьян» - не только долг князя. Летописец подчёркивает, что долг этот совпадал с личными чувствами князя. Князь мог «опечалиться Рускою землею», он хочет ей добра всем сердцем и мечтает умереть на своей Родине. Так Ростислав Иванович (сын Ивана Берладника) говорит: «А яз не хочю блудити в чюже земле, но хочю голову свою положити во отчине своей». Он и в самом деле выполняет свое желание - умирает на родной земле, и летописец подчеркивает это обстоятельство как положительно его характеризующее.

Желание умереть на родине так понятно летописцу, что он приписывает его и чужеземцу-половецкому хану Отроку. Отрок говорит: «Да луче есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славному быти».

Патриотизм был не только долгом, но и убеждением тех русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами. Конечно, летописцы XI-XIII вв. иногда

отражали в своем идеале княжеского поведения представления не только феодальных верхов, но и свои собственные, а собственные их представления не всегда совпадали с представлениями феодалов. Вот почему княжеский патриотизм, ограниченный во многом феодальными представлениями, в изображении летописцев иногда наделяется чертами, свойственными народному патриотизму.

Какова была действенная роль характеристик князей в описании и истолковании исторических событий в летописи? Летописцы древней Руси придавали исключительное значение в историческом процессе поступкам князей, их распоряжениям, их политике. События вершатся, с точки зрения летописцев, волей князей, но это не означает признания роли их личных индивидуальных характеров в историческом процессе. Только в конце XVI - начале XVII в внимание авторов исторических повестей, русских статей в Хронографе и публицистических произведений, как мы уже видели, оказалось приковано к реальным личным характерам исторических лиц, якобы обуславливавшим собой движение исторического процесса. В летописях XI-XIII вв. дело обстоит значительно проще: здесь почти нет столкновений характеров и нет связи развития исторических событий с характерами их участников, но есть столкновения интересов, притязаний, генеалогические споры. При этом по большей части каждый князь совершает свое жизненное дело как представитель определенной ветви княжеского рода. Этот взгляд также шел от жизни. Жители городов и княжеств приглашали, встречали или прогоняли князей как носителей определённых династических интересов и династической традиционной политики, определяемой местом данного князя в генеалогическом дереве княжеского рода. Так, например, новгородцы говорят Всеволоду Юрьевичу Суздальскому: «Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени [вашего, но хотим племени] Володимера». Киевляне говорят Изяславу Мстиславичу: «Княже! ты ся на нас не гневай, не можем на Володимире племя руки възняти». Собираясь убить Игоря Ольговича, киевляне говорили: «Мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо». Посылая за

новыми князьями к Михаилу и Всеволоду Суздальским, суздальцы, ростовцы и переяславцы говорят им: «Ваю отец добр был, коли у нас был; а поедьта к нам княжить, а иных не хотим». Сын, следовательно, принимался по отцу. Так было и в других случаях: внук приглашался по деду и прадеду, по принадлежности его к определенному роду, т. е., по понятиям того времени, к определенной политической линии.

В свою очередь и князь говорит своим горожанам: «Вы есте людие деда моего и отца моего, а бог вы помози». Родовая политика, честь, традиции рода ясно осознавались и самими князьями. Андрей Владимирович Добрый, сын Владимира Мономаха, говорил по поводу своей готовности пострадать за свою отчину: «Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же». Эта родовая политика часто называется в летописи «путем», «честью» и «утверждением» предков. Князья нередко предпринимают те или иные действия, чтобы «поискати отец своих и дед своих пути и своей чести». Изяслав Мстиславич посылал своих послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу Давыдовичам с многозначительными словами: «Се есмы путь замысли велик, а то есть утвержение дед наших и отец наших».

Князья «ревнуют» своим предкам, стремятся «поревновать» своим отцам и дедам. Самое понятие «ревности» предкам переносится из светской: области и в церковную. «Ревновать» отцу своему можно не только в воинской славе, но и в церковной. Вдова Глеба Всеславича «велику имеяше любов с князем своим, к святей богородици и к отцю Федосью, ревнующи отцю своему Ярополку».

В некрологических характеристиках князей постоянно упоминается эта родовая политика, родовой «путь» и «пот», их «ревность» предкам. Так, например, о сыне Владимира Мономаха, Мстиславе Великом, автор некролога говорит, что он «наследил отца своего пот, Володимера Мономаха великаго». Князья и сами постоянно осознают себя «Володимеровым племенем» или «Ольговичами», «единого деда внуками», «внуками Ярославлими» или «Всеславлими».

Индивидуальность князя, в летописном изображении, вырисовывалась из сравнения его с князьями его рода, которым он

«ревновал» в своих действиях и княжении. В некрологической характеристике брата Игоря Святославича Новгород-Северского говорится, что он «во Олговичех всих удалее рожаемь, и воспитаемь, и возрастом, и всею добротою и мужьственною доблестью, и любовь имеяше ко всим».

Отсюда возникала возможность характеристики не только одного князя, но целой ветви княжеского дома - характеристики положительной или осудительной, в зависимости от той политической ориентации, которой придерживался летописец. Ольговичи «скори бяхуть на пролитье крови», - говорит летописец по случаю неудачной попытки примирения между Юрием Долгоруким и южными князьями. Эта характеристика как бы смыкается по приемам своего составления с народными характеристиками целых групп населения - новгородцев, владимирцев, курян, рязанцев и т. д., о которых мы скажем несколько ниже. Однако в письменной литературе ее основы другие: они в том, что, характеризуя героя своего повествования, летописец имеет в виду не его психологию, а его политику, характеризует деятельность того или иного князя, его политическую линию, его поступки, а не их психологическую подоплёку.

* * *

Характер человеческий выступает в творениях древнерусского книжника в двух аспектах: либо как сам книжник хотел его представить - в его авторской «системе», либо как мы сами можем его реконструировать по сообщаемым этим книжником фактам - прямо и косвенно. Возможности последнего аспекта неограниченны. Реконструкция эта может быть осуществлена и на основании литературных данных, и на основании документов. Не исключена возможность привлечения данных из области археологии, истории живописи или даже истории языка. Такова, например, попытка Б. А. Романова в его книге «Люди и нравы древней Руси» (Л., 1947) восстановить характеры некоторых людей XI-XIII вв. - Даниила Заточника, Владимира Мономаха, матери Феодосия Печерского и многих других, охарактеризовать круг интересов целых социальных групп древней Руси.

Литературоведа будет интересоваться по преимуществу первый аспект, историка - второй. Литературоведа будет интересоваться по преимуществу литература и авторская точка зрения, историка - реальная действительность и скрывающаяся за литературным произведением подлинная человеческая личность. Однако, поскольку литература не оторвана от действительности, а напротив, тесно с ней связана, зависит от нее, - грани между первым и вторым аспектами не так уж велики. Было бы неправильно игнорировать в литературоведении этот второй, «исторический», аспект. Между литературным стереотипом в изображении человека и стихийно проникающими в письменное произведение фактами реальной жизни, рисующими совсем иные, жизненно реальные характеры людей, лежало множество градаций. Летописец или автор исторической повести нередко более или менее сознательно отклонялся от идеалов феодального класса, от трафаретных приемов характеристики людей - то отдавая дань своим личным вкусам, то испытывая на себе воздействие народного творчества, то поддаваясь тем изменениям в оценке деятельности князей, которые возникали в связи с изменениями в идейных представлениях под влиянием местных особенностей социального строя. Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие к новым методам изображения действительности.

Чем прочнее стоял писатель XI-XIII вв. на идеальных позициях феодального класса, тем прочнее входил в его произведение стереотип в изображении человека, тем консервативнее был он в своих идейных и художественных позициях. Но стоило писателю отступить от этих позиций, дав волю своим личным впечатлениям, неизменно отражающим какие-то особенности в его социальной позиции, проявить личное чувство к тому или иному изображаемому им лицу - и элементы (пусть незначительные) нового, менее традиционного и более своеобразного отношения к действительности проникали в его произведение.

ПРАВИТЕЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЮРИК

(862-879)

ОЛЕГ

(879-912)

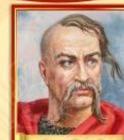
ИГОРЬ

(912-945)

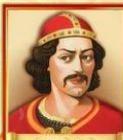
ОЛЬГА

(945-969)

СВЯТОСЛАВ

(945-972)

ЯРОПОК

(972-978)

ВЛАДИМИР БЕЛЫЙ

(978-1015)

СВЯТОСЛАВ I ОКОННИЧИ

(1015-1016, 1018-1019)

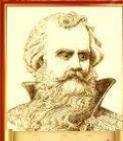
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

(1016-1018, 1019-1054)

ИЗЯСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ

(1054-1068, 1069-1073, 1077-1078)

РОСЛАВ ПОЛОЦКИЙ

(1068-1069)

СВЯТОСЛАВ II ЯРОСЛАВИЧ

(1073-1076)

РОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ

(1076-1077, 1078-1093)

СВЯТОСЛАВ II ИЗЯСЛОВИЧ

(1093-1113)

ВЛАДИМИР МОНОХ

(1113-1125)

МСТИСЛАВ

(1125-1132)

В. А. Адрианова-Перетц «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия»⁴

Своеобразие поэтического стиля «Слова о полку Игореве», вызывающего на память искусство народных поэтов, было подмечено уже при первом знакомстве с Мусин-Пушкинским сборником. Но в соответствии с теми представлениями об устной поэзии, какие господствовали в учёно-литературной среде конца XVIII — начала XIX в., правильное ощущение устно-поэтической стихии в «Слове» было передано неприемлемым для нас сейчас сопоставлением русской поэмы с поэмами Оссиана (легендарный гэльский (кельтский) воин и бард III в. н. э.), которые расценивались в ту пору как подлинные памятники народного творчества. Именно потому Карамзин в сообщении 1797 г. не нашел иного способа выразить свое восхищение вновь найденным памятником, как поставить его рядом «с лучшими отрывками Оссиана», а вслед за ним и авторы предисловия к первому изданию «Слова о полку Игореве» подчеркнули, с той же целью выделить достоинства древнерусской поэмы, «дух Оссианов», добавив: «следовательно и наши древние герои имели своих Бардов, воспевавших им хвалу». Эта ложная аналогия держалась в литературе о «Слове» более четверти века. Только в 30-е годы XIX в. А. С. Пушкин и М. А. Максимович, одновременно работавшие над переводом «Слова», направили исследователей по верному пути сопоставлений древнерусской поэмы с подлинной русской, украинской и славянской народной поэзией. Народно-поэтическая стихия в «Слове о полку Игореве» была настолько ощутима для Пушкина, что он в своем плане статьи по истории русской литературы поместил между летописями и «Словом» «сказки, песни, пословицы» (1834 г.). Для своей работы над переводом и объяснением «Слова о полку Игореве» Пушкин привлекал не

⁴ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Адрианова-Перетц В. П. Древняя русская литература и фольклор. Л. : Наука, 1974. С. 99-120.

только летописи, но и сборники народных песен (украинских и сербских), откуда он брал материал для характеристики художественной образности «Слова». Потому-то М. А. Максимович, высказавший в печати мнение о близости «Слова» к народной песне, так живо заинтересовался отзывом Пушкина на свою концепцию: «Сравнивая песни с Песнюю о полку Игореве я нахожу в них поэтическое однородство, так что оную Песнь ... называю началом той южно-русской эпопеи, которая звучала и звучит еще в думах бандуристов и многих песнях украинских... Мне бы весьма хотелось знать суждение ваше (Вяземского, — В. А.-П.) о таком мнении и что скажет об нем Пушкин». По условиям своего времени Пушкин не мог знать очень многого, представляющего древнерусскую литературу, поэтому в плане своей обзорной статьи «Слово о полку Игореве» он расценивал как исключительное явление: «Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и Слово о полку Игореве возвышается уединённым памятником в пустыне нашей словесности» (1834). Через семь лет В. Г. Белинский поставил «Слово о полку Игореве» рядом со «сказочными поэмами Кириши Данилова» и «простонародными песнями», расценивая его как «древнейший памятник русской поэзии в эпическом роде», в котором «ещё заметно влияние поэзии языческого быта», «изложение» которого «более историческо-поэтическое, чем сказочное». Ценность «Слова» для Белинского — именно в этой органической связи его с народной поэзией: «Слово — прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения»; «со стороны выражения, это — дикий полевой цветок, благоухающий, свежий и яркий». С тех пор, как Пушкиным и Белинским даны были такие определения исторического и художественного значения «Слова», изучение древнерусской культуры существенно изменило наши представления о состоянии литературы в XI—XII вв. Мы уже не повторим вслед за Пушкиным, что «Слово о полку Игореве возвышается уединённым памятником в пустыне нашей словесности» (1834) и не ограничимся определением «Слова» как «дикого полевого цветка», данным

Белинским (1841). Однако органическая связь «Слова» с поэзией народа, которую так чутко уловили и Пушкин с его друзьями, и Белинский, утверждается и новейшими исследованиями. За истекшие после статьи Белинского более чем сто лет собран огромный материал из разнообразных памятников русской, украинской, белорусской и славянской народных поэзий, характеризующий поэтику «Слова» в её отношении к изобразительным средствам народного творчества. И всё же проблема «Слово — устная народная поэзия» не может считаться выясненной во всем ее объеме. Мы не можем уже в настоящее время удовлетвориться накоплением примеров соответствия отдельных художественных «приемов» «Слова» с устной поэтикой, выяснением ритмики «Слова» на фоне ритмической песенной и сказовой системы устного эпоса. Наша задача состоит в том, чтобы и некоторые стороны самого художественного метода отражения исторической действительности, свойственные автору «Слова», представить в их отношении к своеобразному мировоззрению устной поэзии, в частности, народного героического и сказочного эпоса. Связь «Слова» с лучшей частью народной поэзии не ограничивалась прямым перенесением в литературное произведение некоторых её изобразительных средств. В самом мировоззрении автора «Слова» были такие черты, которые сближали его с творцами устного исторического эпоса прежде всего в оценке изображаемых событий, в задачах ее художественного отражения. Отсюда, как увидим, и частичное совпадение некоторых проявлений художественного метода в «Слове» с теми или иными устными жанрами. Прямым результатом этой общности задач и метода явилось и усвоение писателем устно-поэтической фразеологии. «Фольклорность» «Слова», понимаемая в таком широком плане, опирается прежде всего на его подлинно народную идейную сущность.

Изображая поражение Игоря Новгород-Северского как неизбежный результат княжеских междоусобий, взывая к князьям прекратить ссоры и встать «за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославлича», автор «Слова»

настойчиво напоминает о пагубных последствиях, прежде всего для трудового народа, раздоров, открывавших «Полю ворота»: «ретко ратаеве кикахуть, нь часто врани гряхуть, трупиа себе дяляче», при «крамольном» Олеге «Гориславличе», «в княжих крамолах веци человекомь скратишась»; плачут «жены рускыя», стонут Киев и Чернигов, «тоска разлися по Руской земли», «уныша градом забралы, а веселие пониче», «у Риме кричат под саблями половецкыми», «погании... емляху дань по беле от двора». Стонет Русская земля, вспоминая своих «старых» сильных князей, дружно оборонявших её от врагов. И Ярославна молит беспощадную природу не только «лелеять» ее «ладу» — князя Игоря, но и сохранить его воинов.

Так народ неотступно стоит перед глазами автора, как будто, на первый взгляд, погружённого в сложную политическую борьбу феодалов. В этой заботе об интересах и сельского «ратая», и городского ремесленника, и «храбрых русичей», воинов — подлинная народность «Слова о полку Игореве», роднящая этот высоко художественный литературный памятник с устной поэзией трудового народа. Идеиное родство с ней «Слова» обуславливает и близость художественного метода отражения действительности у блестяще образованного писателя и народных поэтов. На протяжении всего «Слова» единственной причиной гибели войска Игоря и того, что «по Руской земли прострошася половци акы пардуже гнездо», — остаются «княже непособие» и княжеские «которы», а единственной силой, которая может и должна встать на защиту Русской земли, в представлении автора, являются «храбрые русичи», возглавляемые сильными, мужественными и единодушно действующими князьями. В этой общей концепции «Слова» нет и следа философии истории, которую внушало феодализованное христианство. Зато эта концепция созвучна историческому мышлению устного эпоса. Потому-то «Слово», как и народный героический эпос, лишено религиозного осмысления событий, воззваний к помощи потусторонних сил, религиозной чувствительности, — всего того, что отчетливо проступает в летописных повестях о походе Игоря Святославича, но что совершенно чуждо устному эпосу. Чтобы нагляднее представить

отличие реалистического исторического мышления автора «Слова» от официальной философии истории, напомним, как последовательно возвращаются к религиозной форме осмысления событий обе летописные повести о походе Игоря. Рассказывая о событиях, предшествовавших походу молодых князей, Киевская летопись (под 1185 г.) приписывает божественной помощи победу Святослава Всеволодовича над половцами: «Съдея господь спасение свое, дасть победу князема Рускыма» (ср. в Лаврентьевской: «бог вложи в сердце князем русским») этот поход). В эпически идеализированном, но лишенном всяких ссылок на вмешательство «господне», виде рисует эту победу «Слово»: Святослав «притопта хльми и яругы; взмути реки и озера; иссуши потоки и болота...». В тоне религиозной дидактики описывается в летописях и весь поход Игоря Святославича. В рассказе Киевской летописи сначала идут короткие реплики, напоминающие о том, что есть сила, стоящая над человеком, противиться которой он не может: в речи перед походом — «како ны бог дасть»; полки выступают «положаче на бозе упование свое»; после первого удачного приступа Игорь держит речь к дружине: «се бог силою своею возложил на врагы наша победу, а на нас честь и слава»; призывая к продолжению битвы, Игорь снова напоминает: «а самем как ны бог дасть». В решающей битве «божиим попущением уязвиша Игоря в руку». Поражение русских — проявление гнева божия: «наведе на ны господь гнев свой, в радости место наведе на ны плачь и во веселья место желю на реце Каялы». И, в соответствии с таким объяснением, построена покаянная речь Игоря, изображающая причины «гнева божия»; жестокость самого Игоря в кровопролитных междоусобных войнах навлекла на него, по мнению автора, позор поражения: «се возда ми господь по беззаконию моему и по злобе моей на мя... истинен господь и прави суди его зело». В том же плане религиозной дидактики построена речь Святослава Киевского — его отзыв на известие о поражении, соответствующий «злату слову» в «Слове о полку Игореве»: «Воля господня да будет о всем». Даже «божиим судом» при осаде Римова «летеста две городници с людьми». И снова, после сообщения о взятии Римова, читаем наставление: «И се бог казня

ны грех ради наших, наведе на ны поганья, не акы милуя их, но нас казня и обращая ны к покаяню, да быхом ся востягнули от злых своих дел; и сим казнить ны находениемъ поганых, да некли смирившеся воспомянемъ ся от злаго пути». Вся философия истории феодализованного христианства, таким образом, налицо. И хотя, конечно, можно и должно «грехи» и «злой путь» толковать как особым языком выраженное напоминание о необходимости прекратить междоусобия, однако разница в самом способе отражения действительности летописцем и автором «Слова» остается во всей силе. В редакции Лаврентьевской летописи русские, после первого удачного приступа, возгордились и похвалились, что они дойдут туда, «где же не ходили ни деди наши, а возмем до конца свою славу и честь; а не ведуще божья строенья». Когда половцы напали на них большими силами, «ужасошася и величанья своего отпадоша, не ведуще глаголемаго пророком: несть человеку мудрости, ни есть мужества, ни есть думы противу господеви». И вот «побежени быша наши гневом божьим»; случилось это «за наше согрешенье... Исаия бо пророк глаголетъ: господи, в печали помянухом тя и прочая». Объяснение всех злоключений и самого Игоря и его дружин Лаврентьевская летопись дает также полностью в духе религиозной философии истории: «Се же здеся грех ради наших, зане умножишася греси наши и неправды. Бог бо казнить рабы своя напастми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казнями. Христьянину бо многими напастми внити в царство небесное. Согрешихом казними есмы, яко створихом, тако и прияхом. Но кажет ны добре господь нашъ, но да никто же можетъ рещи, яко ненавидит нас бог, не буди такого, тако любить бог яко же възлюбил е и вознесл е и страсть прият нас ради, да ны избавить от неприязни». Итак, авторы летописных повестей прибегли к религиозной дидактике, чтобы оттенить свое отношение к изображаемым историческим событиям и лицам, чтобы дать им оценку. Иным путем пошел автор «Слова»: религиозная окраска отсутствует в его художественном методе и языке. Призыв к единению Русской земли — основная идея «Слова» — подкрепляется не религиозными доводами, а поэтически

гиперболизированными образами смелых, сильных и могущественных князей и воинов, от которых Русская земля, разоряемая половцами, ждёт защиты. Эти образы, как доказано историческим анализом «Слова», с поразительной точностью воспроизводят реальные политические взаимоотношения того времени, передают наиболее характерное в облике каждого из феодалов, и в этом их принципиальное отличие от обобщенных типов устного эпоса — исторического и сказочного; и в то же время они гиперболизированы именно со стороны тех качеств — воинской доблести и политической власти, — которые заставляют и Святослава Киевского и самого автора «Слова» искать у них помощи в обороне Русской земли: «Загородите Полю ворота своими острыми стрелами за землю Рускую, за раны Игоревы», «вступита ... в злата стремяще за обиду сего времени, за землю Рускую ...». Вот Ярослав Всеволодович Черниговский, воины которого «бес щитов, с засапожники кликом плъкы побеждают»; вот Всеволод Юрьевич Владимирский, который может «Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти» (так поэтически выражен реальный исторический факт — Всеволод в 1182 г. совершил победоносный поход на волжских болгар, значит и на Дону он может погнать половцев); воины Рюрика и Давыда Ростиславичей «рыкают аки тури», они «злачеными шеломы по крови плаваша» (вероятно, имеется в виду жестокая битва с половцами при реке Орели в 1183 г.). Исторически точен и в то же время весь построен на поэтической гиперболе портрет Ярослава Осмомысла Галицкого: он «подпёр горы Угорскыи своими железными полкы», «меча бремены чрез облакы»; «грозы твоя по землям текут... стреляеши с отня злата стола салтъани за землями...». «Железными паробками» Романа Мстиславича Владимирского и Мстислава Ярославича Волынского «тресну земля».

Не случайно из двух предводителей вышедшего против половцев войска автор героизирует Всеволода Святославича и его дружину — курян. Киевская летопись поясняет нам, почему именно этот князь заслужил от автора пышную похвалу своему мужеству, — здесь дана ему характеристика как доблестному воину: «во

Ольговичех» он был «всих удалее рожаемь и воспитаньем и возрастомь и всею добротой и мужьственною доблестью и любовью имяше ко всем» (Ипатьевская летопись). Этот «яр тур» Всеволод, куда ни поскачет, «своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганья головы половецкыя», а его куряне «сведоми къмети», «под трубами повити, под шеломы възлелеяни, конець копия въскръмлени,» «скачют акы серьи вльци в поле»; это идеальные воины, с самого рождения воспитанные в воинских обычаях, и воинская удача их описывается в преувеличенных очертаниях: половецкими богатствами, отнятыми у бегущего врага, они «начаша мосты мостити по болотам и грязивым местом». Взывая за помощью к русским князьям, автор «Слова», намеренно идеализируя их, умалчивает о своекорыстной политике, побуждавшей и их иногда выступать вопреки народным интересам. Эти князья в «Слове» — представители «Руской земли», за ними стоят «храбрые русичи», «храбрая дружина», «храбрые полки», «сведоми къмети», которые ищут «себе чти, а князю славе», которых немало «полегоша за землю Рускую». Именно потому автор так гиперболически изображает воинские доблести и самих этих князей, и их дружин: они для него символ всего русского войска, обороняющего Русскую землю, загораживающего «своими острыми стрелами» «Полю ворота». Сопровождающие их имена, эпитеты подчеркивают воинские доблести князей-воинов. Поэтому и связь с устным эпосом в отборе этих эпитетов особенно ясна: «храбрый» Мстислав, Святославичи, Ольговичи; «красный» Роман; «храбр и млад» князь; «буй» Роман, Рюрик, Игорь; «буй тур, яр тур» Всеволод; «сильный и богатый и многовой» Ярослав; «удалые» сыны Глебовы; «свет светлый» Игорь; Мстиславичи «не худа гнезда шестокрилци». В ряду этих эпитетов, кроме обычных и в летописи: «храбрый», «млад», «сильный», «удалый», мы находим индивидуальные, частью метафорические эпитеты, принадлежащие творческой фантазии автора «Слова». Но все они подчёркивают одно и то же: храбрость, славу и воинскую силу героев. «Слово», в отличие от летописи, не вводит ни одного определения морально-христианских свойств князей. Эта гиперболизация действительности, когда речь идёт о защитниках

Русской земли, сближает героев «Слова» с идеализированными богатырями народного эпоса и, как в фольклоре, она не противоречит историчности всей картины в целом. Гиперболизируя воинскую доблесть и политическую власть своих героев, «Слово о полку Игореве», подобно народному эпосу, не выходит за границы правдоподобия, не делает людей сверхъестественными существами, не наделяет их ни необычным ростом, ни небывалой физической силой; их идеализированная доблесть, как и у героев народного эпоса, проявляется лишь в моменты схватки с врагом. Только на поле битвы они «кликом плъкы побеждают», «по крови» плавают и всё же сражаются, могут Волгу «веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти» и т. п. Идеализация определенных сторон действительности в «Слове» — поэтический способ передачи отношения к ней автора: в центре внимания его люди, которые, как в устном героическом эпосе, своими силами будут бороться с врагом, не взывая к помощи потустороннего мира. Идеализация тех же героев в летописных повестях о походе Игоря направлена к тому, чтобы выдвинуть на первый план их качества примерных христиан, чтобы сосредоточить внимание читателя на идеях «божьего промысла», «страха божьего», покорности и смирения перед свыше посланной судьбой. В то время как автор «Слова» зовёт князей и их дружины к борьбе, — летописцы напоминают о смирении и покаянии, как о средствах отвратить от себя «гнев божий», т. е. в данном случае разорительные набеги половцев. Отсюда и разные художественные методы: автор «Слова» эпически рисует будущих защитников Русской земли богатырями, беззаветно храбрыми и непобедимыми; летописцы наделяют князей религиозной чувствительностью, их речи наполняют покаянными размышлениями и, естественно, прибегают к церковной фразеологии, к подтверждающим цитатам из церковной литературы. Следует отметить, что в «Слове» поэтическая идеализация органически сливается с реалистической основой рассказа; в летописных же повестях изложение исторических событий и религиозно-дидактические эпизоды идут параллельно: в деловитое описание фактов вкраплены авторские рассуждения и толкования, резко выделяющиеся на его фоне. Поэтическая

идеализация не применяется автором «Слова» в тех случаях, когда он рассказывает о князьях, своими «крамолами» навлекавших половцев «с победами на землю Рускую». Он не героизирует Олега Святославича-Гориславича, шлёт упреки Ярославичам и внукам Всеслава Полоцкого — их «которою бо беше насилие от земли половецкый»; он метко и исторически точно характеризует княжеские раздоры из-за феодальных владений («се мое, а то мое же», «начаша князи про малое «се великое» мълвити...»). Итак поэтическая гипербола, оправданная всей целеустремленностью «Слова», применяется в характеристиках определённой группы героев так же последовательно, как в устном богатырском эпосе и отчасти в волшебных сказках. Но причиной такого совпадения «Слова» с народным эпосом в самом методе отражения действительности является не «влияние» фольклора, не подчинение ему писателя, а то, что этот писатель поставил перед собой задачу, аналогичную цели героических устных песен. Задача «Слова» — побудить князей свои воинские таланты и опытные дружины поставить на службу родине, поэтому он и идеализирует их именно как предводителей «храбрых русичей». Если города и села, как это показало вскоре время татаро-монгольских нашествий, умело защищались от врага и в тех случаях, когда князья покидали население, — то походы вглубь степей, навстречу половцам, а позднее татаро-монголам, должны были возглавляться опытными в военном искусстве предводителями, т. е., по условиям того времени, князьями или боярами-воеводами. Но надо было заставить этих предводителей сплотить свои силы, объединиться, забыть о «которах». Этим и объясняется приподнятый тон авторских обращений к самым сильным в ту пору феодалам. Некоторая риторичность «Слова» в этих характеристиках не имеет ничего общего с церковным «торжественным» красноречием Киевской Руси, блестяще развивавшим условность иного идеалистического типа, основанного на христианском представлении о силах, управляющих жизнью народа-государства.

Народность древнерусского исторического повествования, роднящая его с фольклором, рано обнаруживается в характерном изображении русской природы. В религиозно-дидактической

литературе средневековья картины природы имели обычно служебное назначение, давая символы и метафоры для наглядного изображения религиозных представлений, художественные средства для литературных «похвал» божеству — создателю природы, по учению христианства; пейзаж в историческом повествовании уже XII в. либо рисует богатство и красоту Русской земли, либо оттеняет настроения человека, которому природа сочувствует в горе, предупреждает его об опасности, радуется его удаче. Литературный пейзаж в таких случаях приобретает ту лирическую окраску, которая характерна и для пейзажа устной поэзии. Отсюда совпадение между литературой и фольклором и в отдельных художественных средствах, применяемых в картинах природы. «Слово о полку Игореве» представляет наиболее яркое выражение именно этого лирического отношения к природе, которая живет здесь одной жизнью с героями. Действие «Слова о полку Игореве» с начала — выступления князей в поход — до конца, рисуящего возвращение Игоря из плена, изображается на фоне природы, причем с особым вниманием, с особой конкретностью автор описал ту степь, в которую русские войска вступили, перейдя «шоломя», скрывшее от них «Рускую землю». Академик А. С. Орлов мастерски собрал в одну картину разбросанные по тексту «Слова» «реалии» этой степи (стр. 13—14). Степной пейзаж всё время стоит перед глазами читателей; они следят за движением русского войска по «чистому полю», а половцев «неготовыми дорогами»; видят вместе с автором, как вслед за войсками хищные звери приближаются к полю битвы в ожидании добычи; вглядываются в туман, скрывший «русичей» на будущем поле битвы; слушают «говор галичь», возвещающий наступление утра; гордятся добычей, разбросанной по «болотам и грязивым местом» после первой схватки с врагом. Пейзаж сопровождает и рассказ о трагической развязке похода, приобретая время от времени символический оттенок: наступает рассвет с кровавыми зорями, черными тучами, которые раскрываются затем как вражеские полчища, идущие действительно с юга — «с моря»; над полями поднимается пыль от многочисленных войск с конями, верблюдами, повозками. И вот картина меняется: «черна земля»

покрыта («посеяна») костью, полита кровью, и от этой реальной картины — прямой переход к символическому изображению народного горя: посев «тугою взыдоша по Руской земли». Именно в этой степи читатель видит и траву, которая «ничить жалощами», и в степных балках, по берегам речек, деревья, которые «с тугою к земли преклонились». Реальной природе автор придал эти лирические краски. Особенно широко разворачивается картина природы, когда «Слово» изображает бегство Игоря из плена, причем эта природа активно помогает беглецу. Как видим, основная сюжетная линия «Слова» вся проходит на фоне картин природы. Но и так называемые «отступления» автора от этой линии — воспоминания о прошлом, речи Святослава, обращения к князьям — также не лишены элементов пейзажа. В воспоминаниях о крамольнике Олеге Гориславиче перед нами опустелая русская пашня, по которой «ретько ратаеве кикахуть», на ней лежат «трупие», над которыми «часто врани гряхуть»; в похвале Святославу «грозному великому киевскому» — половецкая степь с холмами и яругами, реками и озерами, потоками и болотами; в речи бояр и затмение, истолкованное символично, и берег «синего моря»; в рассказе о смерти Изяслава — «серебряные струи» Сулы и «болотом» текущая Двина, окровавленная трава, на которой птицы крыльями прикрывают убитых, а звери (лисицы) им «кровь полизаша». Полусказочная форма исторически верного рассказа о Всеславе Полоцком показывает его то в «сине мъгле», то на «кровоавом берегу» Немиги, посеянном «костью русских сынов», то в ночи «волком» рыщущим. И в этом особом внимании автора к природе, окружающей его героев, — глубокое отличие «Слова» от фольклора, в эпических жанрах несравненно меньше места уделяющего картинам природы, а в лирических использующего их только для изображения настроений человека. Характерное для автора «Слова» восприятие той реальной природы, среди которой разворачиваются события, выражающееся в постоянном стремлении подчеркнуть ее связь с этими событиями, проявляется и тогда, когда обращение к стихиям и небесным светилам облечено в форму заклинания. Плач Ярославны, в котором уже давно исследователями отмечено соединение двух традиций — народного

причитания, с одной стороны, и заклинательных формул, с другой, — обнаруживает, что автор продолжает сохранять как основной фон все ту же картину степи, где происходило сражение Игоря с половцами. Над этой степью веет «ветер, ветрило», который здесь «мычет хиновская стрелка» на русских воинов и который по степному «ковылию» «развевает веселие» Ярославны; над степью палит солнце и мучит воинов жаждой «в поле безводне» — на том участке степи, отрезанной от реки, куда отеснили половцы русские войска, действительно изнемогавшие от жажды. Эта подлинная жажда ослабила силы «русичей», что поэтически выразил автор метафорическим оборотом: «жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче»; в Каяле реке Ярославна хочет «омочить» свой «бебрян рукав»... Так обобщенным устным формулам заклинательных обращений автор придает реалистичность, а в самом плаче как бы продолжает рассказ о несчастной битве, когда на русское войско сыпались «хиновская стрелка», воины падали на ковыльную степь, а живые изнемогали от жажды, отесненные врагами от воды. Плач Ярославны — пример творческого использования художественных средств народной поэзии в литературе. Отношение человека к природе в «Слове» таково же, как и в устной поэзии: она не стоит над ним как грозная, неодолимая сила, она помогает ему, подчиняясь его замыслам. Сама природа в «Слове» рисуется со всей осязаемостью её реальности, мир животный — со всеми его повадками и особенностями. Точное соответствие жизненной правде сохраняется и в тех случаях, когда природа и животный мир рисуются не сами по себе, а служат для создания художественного образа поведения человека. Затмение солнца в начале повествования — это своеобразное лирическое вступление, которое готовит читателя к трагическому исходу смелой затеи молодых князей. Вся природа насторожилась, когда войска двинулись в путь: ночь стонет грозой, будит птиц, волки собрались в оврагах, орлы клекчут, предвидя добычу, лисицы лают. Короткий отдых русского войска перед битвой показан намеком; затихла природа, «заря-свет запала, мьгла поля покрыла, щекот славий успе»; но вот «говор галичь убудися» — наступает утро дня битвы. Русское войска разбито — «ничить трава жалощами, а древо с

тугою к земли преклонилось». К грустно-лирической природе автор вернется еще раз, когда он вспомнит утонувшего в Днепре князя «уношу Ростислава» и плач его матери: «уныша цветы жалобою, и древо с тугою к земли преклонилось». Игорь в плену — померк солнца свет, «а древо не бологом листвие срони».

Картина природы резко меняется, когда Игорь бежит из плена. Здесь художественное мастерство автора, опирающееся на совершенное знание степной природы и ее животного мира, достигает особой высоты. Природа становится на защиту князя от погони: Донец славит Игоря, возвращающегося на родину — «не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Руской земли веселиа». Князь Игорь в ответе картинно изображает, как Донец — хозяин окружающей его природы — помогал ему во время бегства: «не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнях, стлавшу ему зелену траву на своих сребренных брезех, одевавшу его теплыми мъглами под сению зелену древу, стрежаше его гоголем на воде, чайцами на струях, чрънядьми на ветрех». Вся природа принимает участие в защите Игоря от преследователей — Гзака и Кончака: «Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, дятлове тектом путь к реце кажут, соловии веселыми песньми свет поведают». Знаток природы, автор «Слова» представил здесь степных и речных птиц со всеми их своеобразными навыками, притом так, что эти навыки служат беглецу. Все птицы примолкли, только дятлы, которых в степи можно найти лишь в балках — долинах речек, стуком клювов о дерево показывают князю «путь к воде, к зарослям, в которых можно укрыться». Гоголь — «одна из наиболее осторожных птиц: держась на открытой воде, он ещё издали замечает человека и улетает,... точно так же чутки чайки, повидимому речные чайки, встречающие весною назойливыми криками всякого, кто приближается к воде. Весьма чутки и «чёрняди на ветрех» — сборное родовое название нескольких видов нырковых уток». Пока все эти птицы молча плавают по воде, как бы говорит автор, Игорь может спокойно продолжать путь. Так глубоко реалистическая картина природы в «Слове» в то же время представляет эту природу живущей одной жизнью с человеком.

Такова и в русской сказке природа, защищающая гонимого героя от врагов.

Иное мировоззрение и вытекающий отсюда иной художественный метод стоит за летописным описанием бегства Игоря: князь, «встав ужасен и трепетен и поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: «господи сердцевидче, аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго». И взяв на ся крест и икону и подоима стену и лезе вон...» «Се же избавление створи господь» (Киевская летопись).

Бегство Игоря из плена в редакции Лаврентьевской летописи представлено как predetermined богом: «не оставит бо господь праведного в руку грешничию. Очи бо господни на боящаяся его, а уши его в молитву их. Гониша бо по нем и не обретоша его, яко и Саул гони Давида, но бог избавил и?. Тако и сего бог избави от руку поганых».

Гениальное мастерство автора «Слова» выразилось в том, что ничего сказочно-фантастического, нарушающего реалистичность повествования, в этих картинах природы нет, и в то же время самый подбор их элементов таков, что в целом они подчёркивают единство настроения в природе и в жизни человека, что характерно особенно для народной лирики. Однако ни о каком прямом «влиянии» определённых лирических устных произведений на писателя в данном случае не может быть и речи. Художественное сознание писателя и народных поэтов сошло на общей задаче отражения событий жизни героев в их органической связи с природой. Вот почему при всей внутренней «фольклорности» этих картин природы в «Слове» они отличаются от схематизированных пейзажных элементов народно-песенного параллелизма своей реалистичностью, индивидуальностью, полным соответствием именно конкретной обстановке, в какой развёртываются события: природа донецких степей с их балками, меловыми («серебряными») берегами Донца, населяющими именно этот район птицами и животными — все это географически точно и в то же время мастерски слито с лирической тональностью всего повествования.

Мир конкретной природы, той самой, в окружении которой развёртываются события, описанные в «Слове о полку Игореве»,

дал автору и материал для создания его символически-метафорического языка. Лишь немногие образы, прямо не касающиеся исторической темы автора, не имеют той индивидуальной окраски, какую приобретали символы-метафоры, когда речь шла непосредственно о событиях и лицах повествования.

Так, например, обобщенный характер носит образ фантазии Бояна: «Растекается мыслию по древу, серым вълкомъ по земли, шизым орлом под облакы», Боян — «соловий старого времени», он поёт, «скача по мыслену древу, летая умом под облакы».

Поэтика воинских картин в «Слове» определяется в значительной её части стремлением передать напряженность битвы, так трагически закончившейся для русских полков, и в сознании автора возникают те же грозные явления природы, которые помогают и народному поэту нарисовать «сечу злу». Враги — «черные тучи» «с моря идут», т. е. с юга, откуда действительно двигались половецкие войска; так и «ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрые плъкы Игоревы», оружие — «синии молнии», звон оружия — «гром», стрелы сыплются — «дождь», от движения войска «земля тутнет», «реки мутно текут».

В тех же гиперболизированных размерах рисуется и исход победоносных походов Святослава киевского против половцев: он «притопта хльми и яругы, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота» в Половецкой земле. Он «яко вихр выторже» «поганого Кобяка из луку моря».

В этом стремлении сблизить воинские картины с грозными явлениями природы автор «Слова» идёт тем же путем, что и устная поэзия, в которой эту тенденцию можно обнаружить уже в старших записях начала XVII в.:

А не сильная туча затучилася,
а не силнии громы грянули,
куда едет собака крымской царь.

Иной вид пейзажа даёт современное «Слову о полку Игоре» творчество Кирилла Туровского. Радость весенней природы изображается автором для того, чтобы подчеркнуть торжество

христианского праздника: «Ныне солнце красуясь к высоте
всходить, и радуясь землю огревает: взиде бо праведное солнце
от гроба Христос и вся верующая к нему спасаеть» и т. д. (Рукописи
гр. А. С. Уварова, том второй, СПб., 1858, стр. 20 и сл.). Рассказ о
смерти Христа сопровождается соответствующей мрачной
картиной природы: «ужаснуса небо и земля трепещеть... солнце
померче и камение распадеся» (там же, стр. 26).

Однако разница в применении этого метафорического приема
в позднейшей устной традиции и в «Слове» весьма ощутительна.
Метафора тучи — вражеские войска в «Слове» входит органически
в реальную картину природы, переход от которой к
метафорическому языку почти не заметен: наступает утро дня
битвы — утренний пейзаж естественно продолжает рассказ о том,
что «дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо», а половцы
направляются под прикрытием ночи к «Дону великому»: «Другого
дни велми рано кровавые зори свет поведают, чръныя тучи с моря
идут, хотят прикрыти 4 солнца, а в них трепещут синии молнии.
Быти грому великому. Итти дождю стрелами с Дона великого». «4
солнца» и «дождь стрелами» — вот что переводит в
метафорический план этот пейзаж, начатый автором как описание
тревожного восхода солнца в утро битвы. Такой изысканности,
такого мастерства в применении подобных метафор — в воинских
картинах устного эпоса мы не найдем. Наоборот, там обычно
напоминание о грозной природе даётся в форме отрицательного
сравнения, чтобы сразу отделить сопоставление, и сама метафора в
общем ходе рассказа не сливается с предшествующим изложением:

Что не облаки подымалися,
не грозны тучи сходилися,
собиралися тьмы неверных враг.

Развивая эту метафору — грозная природа — война, автор
«Слова» даёт её в самых разнообразных сочетаниях: «се ветри
Стрибожи внуци, веют с моря стрелами» — снова трудно отделить
эту метафорическую картину от реалистического продолжения:
«пороси поля прикрывають, стязи глаголют. Половци идуть от Дона
и от моря...». Переход от метафоры «ветри веют стрелами» к вполне
точному описанию окутанного пылью поля, по которому движутся

войска, свободен и естествен: ведь и «земля тутнет и реки мутно текут» — вероятно не только метафорически, в представлении автора, желающего усилить впечатление от огромной рати половецкой, но и в действительности. Гибель князей в несчастной битве представлена автором в речи бояр киевскому князю Святославу целиком в метафорах этого типа: «Темно бо бе в ть день: два солнца померкоста, оба багряная стльпа погасоста, и с нима молодая месяца, Олег и Святослав, тьмою ся поволокоста и в море ся погрузиста... На реце на Каяле тьма свет покрыла...». Так действительное затмение солнца накануне похода, представленное в «Слове» как лирическое вступление, вырастает в развёрнутую гиперболическую метафору, поэтически выражающую страшное впечатление от гибели и пленения князей. Грань между описанием тьмы в день затмения солнца и символическим образом тьмы, покрывшей свет, т. е. русское войско, всю Русскую землю после гибели князей-светил небесных на Каяле, — автором «Слова» почти стёрта.

Как видно из приведенных примеров, метафорическое применение в воинских картинах явлений природы представляет в «Слове» прямое продолжение его реалистических пейзажей. Эти метафоры-символы выполняют ту же функцию, что и пейзаж, подчёркивая органическую связь между жизнью человека и окружающей его природы.

Другой ряд метафор «Слова», также взятых из реальных картин природы, но иного — земледельческого характера, и также имеющих ясную лирическую окраску, представляют образы сеянья-жатвы. Этими образами автор рисует не только собственно воинские картины своего прямого сюжета — похода Игоря, но и княжеские «которы», «крамолы», в конечном итоге на жизни трудового народа отзывавшиеся так же пагубно, как и войны со степными врагами. «Олег мечем крамолу коваше и стрелы по земле сеяше...», при нём «сеяшется и растяшетъ усобицами»; от этой метафорической картины сеяния «крамол» и «усобиц» мысль автора естественно переходит к настоящему «ратаю», которому в этой сумятице княжеских раздоров было не до посева: «Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нь часто врани граяхуть,

трупиа себе деляче». И, вспоминая кровавую битву на Немиге в 1067 г. Всеслава Полоцкого с Ярославичами, автор снова рисует её в тех же образах земледельческих работ: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепы харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми русских сынов».

Стилистическое совпадение с описанием поля битвы с половцами — «чърна земля под копыты костьми была посеяна, а кровью поляна» — подчеркивает, что для «русских сынов» одинаков был итог и междоусобных войн и битв со степными врагами: «тугою въздоша по Руской земли» «кости», посеянные в неудачном походе Игоря Святославича.

Основная идея автора «Слова»: противопоставление мирного труда — войне, созидания — разрушению.

Совершенно очевидно, что если даже к отдельным образам метафор-символов из этой области природы и можно подобрать более или менее внешне сходные эпизоды из памятников устной поэзии, то всё же они не могут объяснить самого способа применения их автором «Слова». В «Слове» это не отдельные «изобразительные средства», а цепь органически связанных с реалистическими описаниями природы символических картин, которые все вместе передают восприятие событий жизни человека в неразрывном единстве с природой. Появление метафор-символов этого типа в художественном языке автора «Слова» обусловлено его методом отражения действительности.

Выше показано, что не только явления природы, но и мир животный, с его своеобразным бытом, поставлен автором в связь с жизнью человека. В этом направлении работает его поэтическая мысль и тогда, когда он картины этого быта использует в метафорически-символическом применении. Насколько можно судить по знакомой нам позднейшей форме народной поэзии, такое применение образов животного мира свойственно и устному творчеству.

Образ сокола-князя, воина, в представлении автора «Слова» возможный и в языке Бояна, проходит через весь текст «Слова» (ср. в Галицкой летописи под 1232 г. «соколом стрельцем»), свободно

включаясь в изложение в разнообразных сочетаниях, которые, однако, все идут от картин соколиной охоты. Расширяя символическое применение этого образа, автор «Слова» придаёт ему новый смысл, но по-прежнему держится в рамках тех же представлений об охоте.

Примерный запев Бояна, по мысли автора «Слова», мог содержать противопоставление соколов (русских воинов) — галкам (врагам): «Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стады бежать к Дону великому». В форме отрицательного сравнения здесь языку Бояна приписывается символика, знакомая нам по позднейшим памятникам народной поэзии; в старших записях XVII—XVIII вв. былины и исторических песен сокол — князь, богатырь:

Высоко сокол поднялся и о сыру матеру землю ушибся — это князь Михаил Скопин-Шуйский в песне, записанной в начале XVII в. В сборнике Кирши Данилова Дюк Степанович, Збут королевич, Илья Муромец — соколы: как есен сокол вон вылетывал, два ясна сокола слетались.

В позднейшей устной традиции враги — обычно вороны, но сам принцип противопоставления соколу-герою — его врага, тоже птицы, применённый в запеве Бояна, соблюдается до сих пор.

Символическим употреблением образа сокола, притом, как и у Бояна, в отрицательном сравнении, начинается в «Слове» воспоминание об этом «соловьё старого времени». Игра на гусях, которой Боян сопровождал свои «славы» старым князьям, представлена в «Слове» в виде охоты соколов на лебедей: «Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедей; которыи дотечаше, та преди песнь пояше...»; «Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше, нь своя вещиа прьсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху».

Очевидно, что к картине охоты с ловчими птицами ближе «Слово», где охотится сокол, как и в тех народных песнях, где охота сокола за лебедью — символ жениха-невесты, т. е. имеет совершенно иной смысл, чем в «Слове».

Итак, начав с применения образа сокола метафорического, однако не традиционного, а необычно связанного с игрой на гусях,

автор «Слова» несколько ниже приводит общепринятое употребление этого образа в примерном запеве Бояна, где, однако, связь этого образа с картиной охоты не раскрыта. Но в своём поэтическом языке, когда автор возвращается к образу сокола, эта связь напоминает. После первого удачного набега на передовые отряды половцев «дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо! не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чрьный ворон, поганый половчин». Здесь «сокол, кречет» — очевидно русские князья, которые, как и противопоставленный им «черный ворон, поганый половчин», — не должны бы победить «Ольгово хороброе гнездо» — других соколов — потомков старого князя Олега. Сокол, кречет — охотничьи птицы, равнозначные в символически-метафорическом применении (так и в поздней устной традиции).

Вспоминая о дерзкой попытке молодых князей проникнуть в глубь половецких степей, автор восклицает: «О далече зайде сокол, птицъ бья, к морю». Сокол — Игорь, и поход его приравнен к соколиной охоте, когда сокол, преследуя птицу, залетает на юг, к месту зимнего их пребывания, как Игорь держал путь к Азовскому морю.

Толкуя сон Святослава, бояре рассказывают ему о печальной участи молодых князей, пользуясь теми же образами соколиной охоты: «се бо два сокола слетеста с отня стола злата... уже соколома крыльца припешали поганых саблями, а самую опуташа в путины железны» — князья взяты в плен, как соколы с подрезанными крыльями, связанные путами.

Святослав готов заступиться за свое «гнездо»: «Коли сокол в мытех бываеть, высоко птицъ възбивает, не даст гнезда своего в обиду». И, не толкуя этого, очевидно, вполне понятного читателю образа, автор добавляет устами Святослава, почему он не может «възбить птицъ»: «нъ се зло: княже ми неспособность».

Опять сокол — охотничья птица вспоминается автору, когда он поэтически изображает «буестъ» князей Романа и Мстислава: они так «высоко» заносятся в своей «буести», как сокол, когда он, «хотя птицю в буйстве одолети», «на ветрех ширяся» — парит, собираясь пасть на намеченную жертву.

Эпитет князей Ингваря, Всеволода и Мстиславичей — «не худа гнезда шестокрилци» — довольно убедительно выводится из образа сокола, у которого во время парения особенно отчётливо видно «деление оперения крыла на три части», будто «весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда «шестокрилци».

Игорь бежит из плена «соколом под мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду и ужине», а его преследователи рассуждают о том, как отомстить соколу-Игорю через соколича-Владимира, оставшегося в плену: «Аже сокол к гнезду летит [Игорь возвращается на родину], соколича ростреляево своими злачеными стрелами», — предлагает Гзак, на что Кончак отвечает: «Аже сокол к гнезду летит, а ве соколца опутаево красною девицею», т. е. женим на Кончаковне. Гзак и в успех этого дела не верит, но продолжает разговор в том же метафорическом тоне: «Аже его опутаево красною девицею, ни нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле половецком» — т. е. те же соколы — русские князья.

Только в этом последнем диалоге обычный для автора «Слова» символ князь — сокол, соколич, приобретает тот дополнительный оттенок, который характерен для народно-поэтической символики, где сокол-жених при лебеди-невесте, однако в «Слове» эта вторая часть символической картины отсутствует, и рядом с соколичем-женихом появляется реальная «красная девица» — Кончаковна. Такое слияние метафорического и реалистического характерно для автора «Слова». Основная мысль — сокола «опутывают» невестой, как образ женитьбы, — известна в позднем варианте подблюдной песни (при гадании о женихе):

Ах ты выкини, мати, опутинку,
Ещё чем мне опутать ясна сокола.

Итак, с начала и до конца события в «Слове» развертываются на широком фоне природы, конкретной природы Донецких степей, с их растительным и животным миром. Именно эта природа во всей ее реальности и ставится автором в органическую связь с настроениями и поведением героев, когда он — «по фольклорному» показывает ее сочувствующей, помогающей, когда он из мира этой

реальной природы берет образы для символического и метафорического выражения своего отношения и к действующим лицам, и к событиям. Реалистическое и метафорическое в картинах природы органически слито, и все вместе составляет неразрывное единство с собственно сюжетной линией повествования. Оттого природа в «Слове» глубоко лирична, пейзаж в его реальном и метафорическом осмыслении представляет не самоцель в художественном языке автора, а средство поэтического выражения авторской оценки, авторского отношения к теме. В этом своеобразии автора «Слова» как художника, поставившего себе ту же задачу, какую ставит фольклор, рисуя жизнь человека и природы как единое целое.

Трудно решить, насколько в этом выражении автором «Слова» единства между жизнью человека и окружающей его природы отразились пережитки веры в действительную способность природы активно вмешиваться в жизнь человека. Если даже он и разделял эту веру, то все же нельзя не признать, что на основе ее он создал целую художественную систему, пронизав все свое изложение элементами одушевленного пейзажа. И в этом его отличие от ограниченно применяющего пейзажные образы народного поэта. Внутреннее родство «Слова» с фольклором и в том, что автор отказался от философии истории господствовавшего мировоззрения. Историческую тему он развивает так, как делал это, вероятно, и Боян, т. е. вне оценки ее с точки зрения феодализованного христианства. И сделал он это не потому, что был вполне «язычником»: он хорошо, конечно, помнил языческих «богов» своих предков; Всеслава Полоцкого он представил наделённым особыми способностями кудесника — князь «вещий» не отказался, видимо, от веры в заклинания, на принципе которых построил поэтический плач Ярославны, — и всё же в конце концов он направил князя Игоря благодарить за благополучный побег к «богородице Пирогощей». Но задачей автора было не морализировать, а разбудить героические настроения у возможных защитников Русской земли. Он апеллирует не к «страху божьему» у своих героев, а к их воинским доблестям, с одной стороны, и к сочувствию трудовому народу, — с другой. Он предупреждает

занятых «каторами» и «усобицами» князей не о том, что на них обрушится «гнев божий» и кара после смерти, а о том, что сейчас «стонет Русская земля». Он зовет не к покаянию и смирению, а к активной борьбе. Отсюда эпическая идеализация «храбрых русичей», сближающая их с богатырями устного героического эпоса, гиперболическое изображение воинских картин и лирическая окраска русской природы, принимающей участие в судьбе Русской земли вместе с людьми; как в народной лирике и в эпосе, она охраняет героя, борется с его врагами и живет общими с ним настроениями.

Опираясь на народные основы литературного языка, — заключались ли они в самой выразительности живой русской речи или в отработанных уже поэтических средствах фольклора, — автор «Слова» обогащал их и доводил до более высокой степени художественности. Народности идейной сущности «Слова», глубине его общественно-политической мысли соответствует творческое повышение изобразительности лучшего из сокровищницы народной речи. Язык «Слова о полку Игореве» — это уже не просто живой или устно-поэтический язык его времени: из того и другого отобраны такие элементы, которые таили в себе богатые возможности развития; в сочетании с высокой культурой литературного языка эти основы народной речи поэтическим дарованием автора подняты на такую высоту, на какую еще раз в начале XIX в. поднял литературный язык обогатив его источником народной речи, Пушкин.

Д. С. Лихачёв «Поэтика древнерусской литературы»⁵.

Глава «Нестилизационные подражания».

1. В практике литературоведческих исследований термины «стилизация» и «подражания» очень часто употребляются альтернативно — они не различаются. Между тем обозначаемые ими явления различны, и это особенно ясно при историческом к ним подходе.

В самом деле, явления подражательности так же стары, как и литература, стилизации же появляются сравнительно поздно — с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующим им ростом ощущения чужого стиля. Для русской литературы время появления стилизаций — начало XIX в. Как и всегда в случаях появления нового, это новое увлекает, и временно стилизации входят в литературную моду. То, что во времена Пушкина называлось «подражанием», по существу было подражанием стилизационным. Для Пушкина стилизации были своего рода школой, в которой оттачивался его собственный индивидуальный стиль. Он как бы экспериментировал, типизируя стиль и содержание того автора, которому подражал

Подражания, о которых пойдет речь в дальнейшем, носят совсем другой, механический характер. Они заимствуют отдельные готовые элементы формы своего оригинала, но они не дополняют и не развивают оригинал творчески. Эти подражания не являются стилизациями. Такие нестилизационные подражания существуют по преимуществу в эпохи, когда понятие литературной собственности отсутствует или носит неразвитый характер. Отдельные элементы старой формы используются в новом произведении как своего рода украшения. Из этих украшений

⁵ Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л. : Худож. лит., 1971. 413 с.

составляется мозаичная новая композиция. При этом элементы старой формы, приспособляясь к новому содержанию, часто деформируются, упрощаются, сокращаются. Заимствуются не все, а только некоторые элементы оригинала, и эти некоторые элементы по несколько раз повторяются в новом произведении: подражатель настойчиво применяет именно то, что ему понравилось в оригинале.

2. Нестилизационные подражания были широко развиты в древнерусской литературе конца XIV—XV в., а в значительной мере и в дальнейшем. Объяснялось это несколькими причинами. Одна из важнейших состояла в том, что с конца XIV — начала XV в. началось медленное восстановление русской литературы после полутора столетий иноземного ига, затормозившего ее развитие. Монголо-татарское иго еще продолжало существовать, но уже было значительно ослаблено после куликовской победы 1380 г. И вот русские обращаются к культурным традициям домонгольской Руси, ищут в них опоры для своего культурного возрождения, ищут в старине вдохновения и образов для заимствований. Это обращение ко временам независимости можно явственно различить в области зодчества, живописи, исторической мысли, политических идей, в эпосе, но особенно интенсивно оно представлено в литературе. В литературе возникают многочисленные нестилизационные подражания отдельным произведениям XI—XIII вв., — подражания, которые инкрустируют в свой текст, отдельные стилистические формулы, отдельные образы, даже целые отрывки из лучших произведений эпохи расцвета древнерусской литературы.

Авторы конца XIV—XV в. поступают так, как поступали хищники времён упадка культуры, разбиравшие остатки античных строений — колонны, капители, куски обработанного мрамора — и включавшие их в состав своих собственных построек, не считаясь с пропорциями и общим планом, заимствуя материал для украшений.

3. Продемонстрирую основные приемы нестилизационных подражаний конца XIV—XV в. на примере «Задонщины».

«Задонщина» — небольшое произведение, созданное на грани XIV и XV вв. и прославляющее куликовскую победу «за Доном» (отсюда название этого произведения а одном из списков— «Задонщина»). «Задонщина»— также нестилизационное подражание произведению эпохи независимости Руси — «Слову о полку Игореве».

В отличие от «Слова о полку Игореве», «Задонщина» стилистически неоднородна. Три стилистических слоя легко могут быть обнаружены во всех списках «Задонщины»: 1) стилистический слой, близкий к «Слову о полку Игореве» и буквально повторяющий отдельные элементы «Слова»; 2) стилистический слой «делопроизводственного» характера, совершенно чуждый «Слову», и 3) слой фольклорный. Два первых слоя очень характерны для всех списков «Задонщины» и находятся между собой в резком диссонансе. Фольклорный слой близок к первому, и он очень невелик: это буквально несколько выражений.

Иногда смешение двух стилей — высокого поэтического и делового прозаического — производит в «Задонщине» прямо-таки комическое впечатление. Так, делопроизводственность проникает даже в плач московских жен. Если в «Слове» жёны русских воинов упомянуты в общей массе как поэтический образ, который должен характеризовать тяжесть утрат («Жены руския въсплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати»), то привыкший к деловой точности и к чиновничеству московской бюрократии автор «Задонщины» уточняет — кто именно из жен плакал и о ком именно; это почти официальная реплика о плаче жен — жен официальной московской бюрократии: «Въспели бяше птицы жалостные песни, вси въсплакалис(я) к ней болярыни избьенных, воеводины жены: Микулина жена Васидевичя Дмитриеварано плакашась у Москвы у берега на забралах, а ркучи: «Доне, Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменные, течеси в землю Половецкую. Прилилеи моего государя к мне Микулу Васильевича», Тимофеева жена Волуевича Федосья так о плакас(я), а ркучи: «Уже весел (ь) е пониче) в славне гради Москве, уж<е> не вижу своего государя Тимофея Волуевич(а) в

животе». Да Ондреева жена Марья, да Михайлова Оксенья рано плакашася: «Се уже нам обема солнце померкне на славне гради Москве». Это не поэтический плач, а официальное сообщение о плаче.

Поэтический стиль резко диссонирует с делопроизводственной точностью.

Типичный московский бюрократизм XIV—XV вв. сказывается не только в стиле, но и в содержании. Например, забота о «местах», о служебном положении. Дмитрий Донской перед выступлением в поход говорит своим боярам: «Туто добудете себе места и своим женам» (У, ср.: И-1, И-2, С)⁶. Есть и стремление соблюсти официальный этикет. В уста Дмитрию Донскому перед выступлением в поход вкладывается полагающаяся в этих случаях по московскому этикету молитва.

Если мы теперь обратимся к «Слову», то заметим, что оно стилистически однородно, никаких диссонансов такого масштаба в «Слове» нет. Хотя отдельные образы в «Слове» могут быть отмечены как более фольклорные, другие — как более книжные (например, в начале «Слова»), однако все это в пределах, не нарушающих художественной структуры.

Поэтика нестилизационных подражаний явно сказывается в «Задонщине» и не только в данном случае, то есть в вопросе о смешении двух стилей. Подражатель обычно замечает не все элементы стиля оригинала, которому он подражает, а только наиболее бросившиеся ему в глаза, и эти привлекшие его внимание элементы повторяет. Поэтому в подражании мы можем встретить по несколько раз одни и те же стилистические приемы.

Изучая эти стилистические повторения в «Задонщине», мы должны обратить внимание на два обстоятельства: 1) повторения касаются только тех стилистических элементов, которые так или

⁶ Списки «Задонщины» обозначаются : К-Б — список Кирилле-Белозерский (№ 9/1086 Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде); И-1 — список Гос. Исторического музея № 2060; И-2 — список Гос. Исторического музея № 3045; У — список Ундольского (№ 632 Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина); С — список Синодальный (собрание Синодальной библиотеки № 790 Гос. Исторического музея).

иначе связаны со «Словом», что само по себе свидетельствует о том, что это повторения, типичные для подражаний (подражатель, воспроизводя форму оригинала, обращает внимание на наиболее яркие особенности его стиля и вводит их в свое произведение механически, не замечая их повторений); 2) повторения эти не несут художественной функции, напротив, они разрушают художественность произведения, противоречат его замыслу. Отметить это последнее обстоятельство очень важно, так как отдельные редкие повторения есть и в «Слове о полку Игореве», но в этом последнем все они несут художественную функцию и могут быть определены терминами поэтики (единоначатия, рефрены и пр.).

Стилистически «Задонщина» беднее, чем «Слово». Все поэтические обороты «Задонщины» имеют соответствие в «Слове», и несколько — в фольклоре. Между тем в «Слове» есть очень много стилистических оборотов, однородных со всем строем стиля «Слова», но не находящих прямых соответствий в «Задонщине».

Кроме общей стилистической бедности «Задонщины» сравнительно со «Словом о полку Игореве», может быть отмечена и большая бедность отдельных образов «Задонщины» по сравнению с аналогичными, связанными с ними образами «Слова». Например, в «Слове»: «Чръна земля под копыты костьми была посеяна, а кровию поляна: тугою въздоша по Руской земли». В «Задонщине» этот образ остался без «всходов»: «Черна земля под копыть; костьми татарскими поля насеяша, кровью земля пролита»; «Тогда поля костьми насеяны, кровью полиано» (К-Б). Не доведен до конца в «Задонщине» и сложный образ пира-битвы, где храбрые русичи — хозяева, а враги — сваты. Не доведен до конца в «Задонщине» образ битвы-жатвы на Немиге. Сокращены в «Задонщине» образы плача Ярославны; осталось только обращение к реке (в «Слове» — к Днепру, в «Задонщине» — к Дону и Москве), исчезли из плача обращения к ветру, к солнцу. Нет полета Ярославны зегзицею по Дунаю.

Обеднение образа очень часто в «Задонщине» происходит потому, что образ изъят из контекста, выхвачена только одна какая-то его часть. В «Слове» сказано о Всеволоде Буй Туре: «Яр Туре

Всеволоде! стоиши на борони, прыщеси на вой стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными! Камо, Тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, там лежат поганья головы половецкыя», И это только часть картины, рисующей Всеволода — его сильный и мужественный образ, выдержанный в героических, гиперболизированных тонах. В «Задонщине» от всего этого осталась только бессмысленная фраза: «Встал уж<е> тур оборен» (И-1) или «Уже бо ста тур на оборонь» (У) и отдельные, перенесенные на Владимира Андреевича фразы: «Воскликнул княз Володимер Андреевич, а скокаша на коне по рати поганых татар, своим конем борздым поеждаючи, золотым поспехом посвечаючи. Grimят мечи булатныя об шеломы татарския» (С). Несомненно, имело место обеднение и «растворение» образа Всеволода в «Задонщине».

«Задонщина» содержит соответствия «Слову» не только в отдельных формулах, выражениях и образах, но в последовательности изложения событий.

И в «Слове», и в «Задонщине» после вступления, в котором упоминается Боян, переходят к описанию сборов войска и похода. Характеристика Игоря Святославича и Всеволода Буй Тура соответствует характеристике Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. В «Слове» сражений два: первое — победоносное, второе — оканчивающееся поражением. В «Задонщине» сражение одно, но в нем два момента: первый неудачен для русских, второй несет победу. Сон Святослава и его «золотое слово» соответствуют в «Задонщине» увещательному слову Дмитрия Ивановича и описанию предзнаменований. Плач Ярославны соответствует в «Задонщине» нескольким плачам боярынь по убитым. Бегство Игоря из плена до известной степени соответствует бегству Мамаея, диалог Гзака и Кончака, их досада — досаде татар в «Задонщине» и словам фрягов о Мамае.

Если мы разберём композицию обоих произведений, то заметим, что композиция «Задонщины» значительно менее сложна, чем композиция «Слова». Композиция «Задонщины» не перебита историческими воспоминаниями и лирическими размышлениями, она гораздо проще. Однако художественное значение общих

элементов в композиции обоих произведений различно. В «Слове» каждый элемент композиции тверже и определеннее выполняет свою художественную функцию.

Рассмотрим прежде всего вступление. Вступление в «Слове» — это обычное для приподнятых ораторских, житийных и повествовательных произведений размышление о выборе стилистической манеры, в которой должно вестись все последующее повествование, определение своего отношения к литературной манере предшественника. Такие вступления мы встретим в проповедях Кирилла Туровского, в «Хронике Константина Манассии» (дважды) и в других оригинальных и переводных произведениях Древней Руси. В связи с этим размышлением следует рассматривать в «Слове» и весь пассаж о Бояне. Автор «Слова» рассуждает — следовать ли ему или не следовать за стилистической манерой старого певца Бояна. Здесь все [еди]но и художественно целесообразно. В «Задонщине» тоже появляется Боян, но появление его не мотивировано. В Кирилло-Белозерском списке, где текст о Бояне сохранился в наибольшей полноте, говорится только следующее: «Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову с <ы>на Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы киевскыя. Первее всех вшед восхвалимь вещагого Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещиц Боян воскладая свои златыя персты на живыя струнь пояше славу русскимь кн<я>земь, первому кн<я>зю Рюрику, Игорю Рюрикович<ю> и С<вя>тославу Ярославичю Ярославу Володимеровичю, восхваляя их песни и гуслеными буйными словесы на руссаго г<о>с<поди>на кн<я>зя Дмитриа Иванович<а> и брата его кн<я>зя Володимера Одреевич<а>, зане же их было мужество и желание за землю Русьскую и за веру хр<и>стианьскую».

В «Слове» имеется, как известно, один плач Ярославны, и кратко говорится о плаче русских жен. Композиционная роль этих плачей в «Слове» совершенно четкая. Большой плач Ярославны предшествует бегству Игоря. Природа как бы откликается на плач Ярославны и помогает бежать Игорю. Сам бог указывает Игорю путь на Русскую землю смерчами, идущими от моря. Плач же

русских жен вставлен в общую картину страданий Русской земли в целом. Ни тот ни другой плачи не повторяют друг друга. Иное в «Задонщине»: там плачет Микулина жена Марья, затем непосредственно после нее Федосья — жена Ивана или Тимофея Волуевича, за нею — Андреева жена Марья и Михайлова жена Оксенья, после — жены коломенские. Плачи всех этих жен коротки, в целом они повторяют друг друга и сохраняют из плача Ярославны «Слова» только обращения к рекам (в «Задонщине» — к Дону и к реке Москве). Строго связанные в «Слове» с обращением к Днепру, обращения Ярославны к солнцу и к ветру в «Задонщине» не отразились. Впечатление от плачей ослаблено этой «многоплоскостью», краткостью их упоминаний и прозаичностью повторений одного и того же. В «Задонщине» плачи как [бы] соединены с перечислением вдов убитых. Это как бы пополнение к списку павших. «Делопроизводственная» манера автора «Задонщины» сказывается и здесь.

Всё обращение Игоря Святославича к воинам, к князьям обращение Всеволода Буй Тура, обращение Святослава в «золотом слове» имеют внутреннюю мотивировку. Эти обращения вызваны конкретными обстоятельствами. Игорь обращается к своей дружине и к князьям во время солнечного затмения, чтобы поднять их упавший дух. Всеволод Буй Тур обращается к Игорю, который его дожидался чтобы сообщить ему о своей готовности и о готовности своих воинов. Святослав рассказывает свой сон боярам, чтобы те его разгадали. «Золотое слово» Святослава и обращение к русским князьям имеют целью побудить князей выйти на защиту Русской земли. Обращение к каждому князю в этом «золотом слове» вполне конкретно, указывает почему должен встать князь за родину, напоминает ему о его силе, храбрости, чести и долге. Иной характер носят речи князей в «Задонщине». Князья русские, уже съехавшись к Дмитрию Ивановичу «на пособь», заверяют его, что выедут с ним против татар (списки К-Б, И-1, У). Затем Дмитрий Иванович обращается к уже собравшимся русским князьям с призывом защищать Русскую землю (списки К-Б, И-1). Затем обращаются Владимир Андреевич и Дмитрий Донской, подбадривая друг друга выступить против татар, хотя никаких ни

внешних, ни психологических препятствий к этому выступлению, казалось бы, уже нет (списки И-1, С, У).

Ещё одна особенность прямой речи в «Задонщине»: стиль и характер устного слова в ней утрачены. Обращения содержат элементы книжности, невозможные в устных выступлениях. В этом их разительное отличие от прямой речи в «Слове», сохраняющей в строгом соответствии с литературной традицией XI—XIII вв. либо характер воинских речей, либо характер ораторских обращений (в «золотом слове» Святослава), но никогда не включающей книжных элементов.

Разительная особенность «Задонщины» — хронологическая непоследовательность. Эта непоследовательность не входит в художественный замысел автора; в крупном плане события развиваются последовательно: сперва сборы войска, затем первая половина сражения — неудачная, после вторая — удачная, победа, затем бегство Мамайя.

Однако в частных случаях эпизоды никак не следуют друг ;за другом: они выхвачены, перемешаны, автор переходит от более поздних эпизодов боя к более ранним, возвращается к тем же эпизодам, не выдерживая переходов к следующему. В отдельных случаях изображение событий топчется на месте. Логика повествования нарушается.

Перед нами как бы некоторые пробы, подгонки описания битвы на Дону к стилистическим средствам «Слова» без соблюдения строгого порядка. Так, например, в списке Ундольского князя Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич сперва (еще до своего соединения у Коломны) «уоставляют» «храбрыя воеводы в Руской земле», затем поминают прадеда своего Владимира Киевского, затем говорится о разных событиях в Русской земле, после — о новгородцах, собирающихся у Святой Софии, затем — о сборах русских князей, говорящих почему-то о том, что татары стоят у Дуная и одновременно — на реке Мечи, «между Чюровым и Михайловым». Затем следует обращение Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу и литовским князьям. После передаются слова Андрея Ольгердовича и довольно пространная речь к нему Дмитрия Ивановича, в которой он предупреждает о готовящемся

сражении на речке Непрядве, «между Доном и Непром». Снова говорится о том, что татары идут между Доном и Днестром и что серые волки татары «хотят на Мечи поступити в Рускую землю». После лирических излияний следует сообщение о том, что Дмитрий Иванович выступил в поход и одновременно выступает Владимир Андреевич. Приводится новый диалог Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, в котором они описывают свои войска. Затем говорится о битве, и при этом битва изображается как победа, и сообщается о ее всесветной славе. Упоминается, что бились войска с утра и до полудня в субботу на Рождество богородицы. Вслед за этим описанием победы неожиданно говорится о поражении и о потерях русских и в первой половине битвы. После этого сообщается об опустошении Рязанской земли, которое произошло значительно раньше, о плаче княгинь, боярынь и воеводских жен по избитым, приводится и плач коломенских жен. Затем новый неожиданный переход — мысль автора возвращается к теме победы: говорится, что «того же дни в субботу» посекали христиане поганые полки на поле Куликовом, приводятся ободряющие речи Владимира Андреевича и Дмитрия Ивановича. Русские войска наступают, татары бегут, [и] «уже бо ста тур на оборонь» (последняя фраза, варьирующаяся в разных списках, непонятна).

В «Задонщине» жена Микулы Васильевича так же, как Ярославна, просит Днепр, просит Дон прилежаться к ней ее мужа, хотя муж ее не пленен, как Игорь, а убит, и по Дону нет пути для возвращения в Москву (списки И-1, И-2, У, С). Ясно, что плач Ярославны в «Слове» первичен, а плач вдовы Микулы Васильевича в «Задонщине» — это неудачная его переделка.

В «Слове» понятны все упоминания рек: Дона, за который согласно летописи ходили на половцев русские войска Игоря, Днестра — центральной водной артерии тогдашней Киевской земли, Дуная, где еще находились в XII в. русские поселения. Но в «Задонщине» настойчивые упоминания Днестра, находившегося в сотнях верст от владений московского князя, и Дуная (в списке У) совершенно непонятны. Они могут быть объяснены только как следы «Слова».

В «Задонщине» говорится, что московский князь может «веслы Непру запрудити». Это могущество московского князя на Днестре непонятно. Но оно становится понятным, если вспомнить, что в «Слове» Всеволод Суздальский может «Волгу веслы раскропити», где он действительно одержал победу над волжскими булгарами в 1183 г.

В XIV в. центр Золотой Орды находился на Волге, и именно оттуда шли на Русь татары, но в «Задонщине» татары Мамаю идут не от Волги, а от Черного моря, из пространства между Доном и Днестром. Это движение татар в «Задонщине» от берегов Черного моря, из района между устьями Дона и Днестра, может быть понято только в связи со «Словом» — именно оттуда, от обычного района своих зимних кочевий в XII в. двигались навстречу войску Игоря половцы (ср. в «Слове»: «...чръныя тучя с моря идут»; «се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами» и пр.).

Стоит упомянуть и о таком географическом несоответствии в «Задонщине». В «Слове», в обращении Ярославны к Днестру, говорится, что он «пробил» каменные горы сквозь землю Половецкую, и Днестр действительно пробьет каменные пороги в том как раз месте, где степные народы чаще всего нападали на русские ладьи. Это было самое опасное место земли Половецкой. В «Задонщине» в плаче русских жен, говорится несколько иначе: «Доне Доне, быстрая река, прирыла еси горы каменная, течещ землю По<ло>вецкую» (ср. И-1 и др.). Но Дон на своем пути не встречает порогов, а любой крутизны правый берег ещё не позволяет сказать, что река «прирыла (прорыла) каменная горы». Каменными были только пороги на Днестре. Следовательно, и здесь в «Задонщине» явная несообразность, объясняемая механичностью заимствования из «Слова».

В «Задонщине» постоянно говорится о «половцах», о «половецком поле» и «половецкой земле». Конечно, в конце XIV — начале XV в. татары отождествлялись с половцами, но тем не менее нельзя не признать, что название народа половцев их собственным именем — половцы — более естественно, чем настойчивое название половцами другого народа — татар, как это имеет место в

«Задонщине». Половцы были врагами Русского государства в XII в., во времена «Слова о полку Игореве», но не в конце XIV в.

Дважды повторённый в «Слове» лирический рефрен: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси» (то есть «О русская земля! Уже ты скрылась за холмом!») уместнее [в] «Слове», чем разрывающая текст «Задонщины» не совсем ясная по смыслу фраза: «Земля еси Русская, как еси Пыла доселева за ц<a>ремя за Соломоном, так буди н<ы>неча за кн<я>земь великим Дмитриемъ Ивановиємъ». Даже если принять объяснение А. Мазона, что под Соломоном здесь следует разуметь библейского царя Соломона, якобы бывшего владельца Русской земли по «Повести о граде Иерусалиме», текст «Задонщины» и самая логика появления этого места в «Задонщине» без «Слова о полку Игореве» остаются непонятными. В самом деле, в «Слове» говорится об углублении русского войска в степь, затем о грозных приметах несчастья; воспоминание о родине, скрывшейся за пограничным холмом, как бы продолжает эту тревогу, пронизывающую весь рассказ «Слова» в данном месте. Тревога нарастает, приближаются враги, и снова скорбный рефрен раздаётся в «Слове». В «Задонщине» фраза о Соломоне как бы предсказывает счастливый поворот в судьбе Русской земли: Дмитрий Иванович заступит собой в будущем царя Соломона, но ведь по «Повести о граде Иерусалиме» имя Соломона отброшено в далекое, библейское прошлое.

«Заступить» собой иудейского царя Соломона в Русской земле Дмитрий никак не мог.

Замена «шеломени» на «Соломона» может быть объяснена в «Слове о полку Игореве» псковской шепелявостью, сказывающейся и в других местах «Слова», но никакой шепелявостью нельзя объяснить обратного — мены «с» на «ш», Соломона на «шеломя», если бы «Слово» следовало за «Задонщиной», а не наоборот.

Как известно, в «Слове» широко отражено древнерусское двоеверие. Это двоеверие сказывается, в частности, в одушевлении природы. С этой стороны понятна и понижающая от жалости трава и склоняющиеся в печали деревья («ничуть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилося»), но в «Задонщине» все следы язычества и двоеверия вытравлены, и поэтому диссонансом

кажется заявление автора о том, что «трава кровю пролита. а дресеса к земли тугою преклонишас<я>» (список r1-!. ср.: у, С).

Странным остатком двоеверия в «Задонщине» является и «диво», то кличущее под саблями татарскими, то, напротив, как бы находящееся на стороне татар. Это русское слово «диво» — ясный остаток тюркского божества «див», Упоминаемого в «Слове».

Можно указать также на такие места в «Задонщине» которые кажутся на первый взгляд вполне «естественными», но которые тем не менее никак не могли породить соответствующего им близкого текста «Слова». Напротив, они, несомненно, явились результатом подражания «Слову».

Так, например, в «Слове» солнечное затмение встречает выступление Игоря в поход; оно служит дурным предзнаменованием: «Тогда вьступи Игорь князь в злать стремя и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше». В «Задонщине» выступление князя Дмитрия Ивановича в поход описано в сходных выражениях, указывающих на то, что оба описания находятся в текстологической связи, но предзнаменование там счастливое — ведь Куликовская битва была победой: «Тогда же кн<язь> великын Дмитрей Иванович ступи во свое златое стремя, всед на свои борзый конь, принимая копие в правую руку. С<о>лнце ему на востоце сентября 8 в среду на р<о>ж<е>ство пр<е>с<вя>тые б<о>городи<ца> ясно светить...» (список К-Б, ср. И-1, У, С). Какой же текст первоначальнее: тот ли, в котором говорится о солнечном затмении, или тот, в котором солнце ясно светит? Ясно, что тот, в котором говорится о солнечном затмении, ибо это редкое событие было в действительности. Автор «Слова», живи он в XVIII в., не мог бы, конечно, «устроить» так, что точно установленное для 1 мая 1185 г. астрономами затмение солнца совпало бы с соответствующим местом «Задонщины», где солнце в это время «ясно светит», для того чтобы иметь возможность «перевернуть» текст «Задонщины», обратив счастливое предзнаменование куликовской победы в грозную примету поражения Игоря.

Итак, «Задонщина» — типичное для конца XIV — начала XV в. нестилизационное подражание памятнику эпохи независимости

Руси — эпохи, к которой обращалась вся русская культура после куликовской победы.

Как мы видели, вопрос о типе подражания, представленного «Задонщиной», имеет прямое отношение к вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве». Сторонники позднего происхождения «Слова о полку Игореве» утверждает что не «Задонщина» подражала «Слову», а «Слово» было создано в конце XVIII в. как подражание «Задонщине». Забудем на некоторое время о всех несообразностях, которые получались в «Задонщине» в результате механического подражания «Слову», и вдумаемся только в самый тип подражания, которое должно было бы в таком случае представлять собой «Слово о полку Игореве».

Обратим прежде всего внимание на следующее. Если мы вычеркнем из «Задонщины» все заимствования из «Слова», то в ней не останется ни одного элемента стиля, близкого к «Слову»: стилистическая близость «Задонщины» к «Слову» целиком ограничивается механическими заимствованиями. Если же мы вычеркнем из «Слова» все механически близкие элементы к «Задонщине», то оставшаяся большая часть «Слова» будет стилистически совпадать с вычеркнутой частью «Слова». Она будет как бы ее творческим продолжением. Значит, если бы «Слово» подражало «Задонщине», то оно было бы одновременно и механическим (нестилизационным) подражанием и творческим (стилизационным) подражанием. Такой тип подражаний, вообще говоря, не известен. Он не известен ни концу XVIII в. в России, ни какому бы то ни было другому веку. Это очень важный аргумент, доказывающий первичность «Слова» по отношению к «Задонщине».

Но дело не только в этом. Автор «Слова» должен был бы убрать в своем произведении все механические повторения отдельных формул, столь характерные для «Задонщины». Он должен был бы бедные образы «Задонщины» развить в богатые образы, а наряду с этим создать и новые богатые образы, отсутствующие в «Задонщине». Он должен был бы, с одной стороны, кропотливо выбрать все однородные стилистические элементы из «Задонщины», не пропустить ни одного из них,

тщательно их сберечь, развивая, а с другой стороны, создать такие же образы совершенно заново, без всяких внешних оснований со стороны текста «Задонщины». Значит, он должен был бы одновременно и следовать тексту «Задонщины», и не следовать ему... Он должен был бы, кроме того, пропустить все «прозаизмы» «Задонщины», не воспользоваться ни одним элементом летописного стиля, столь широко отраженного в «Задонщине». И этот сложный вид подражания должен был быть издан в эпоху, когда подражания древнерусским произведениям вообще отсутствовали!

В самом деле, «Слово о полку Игореве» было открыто в обстановке, когда во множестве собирались и открывались и другие исторические документы, издавались памятники русской истории, но все эти памятники ценились прежде всего как исторические источники, а не как литературные памятники. С точки зрения вкусов классицизма они не представляли собой эстетической ценности, и предромантические настроения, начавшие овладевать обществом не успели еще много здесь изменить. Исторические темы вошли в литературу, но они подносились читателю в антиисторическом духе патетической декламации. Эти декламации на исторические темы никогда не стилизовались под старинную или народную речь. Хорошую характеристику разработке в литературе конца XVIII в. исторической темы дает В. В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII века писали на самом деле авантюрные и философические романы, иногда с явным публицистическим уклоном в сторону современности, в сторону тенденциозного отражения мыслей и настроений текущего политического момента (ср. «Нума», «Кадм и Гармония», «Полидор» Хераскова). «Привлекательности баснословия» и «вымыслы» торжествовали над историческим правдоподобием. Херасков, П. Захарьин (автор «Приключений Клеандра, храброго царевича Лакедемонского»), Пракудин (автор «Валерии»), Ф. Эмин и др., при всём различии их стилей, были одинаково далеки от стремления с помощью словесно-художественных средств — хотя бы и современной литературной речи — создать исторический, этнографический или местный колорит изображаемых событий. Попытки освещения

восточнославянской богатырской старины у М. Чулкова в его «Русских сказках» (1780) и «Славенских сказках» («Пересмешник» — 1766 г.), а также у М. Попова в «Славенских древностях» (1770), в «Вечерних часах, или Древних сказках славян древлянских» В. Левшина (1787) и некоторых других сочинениях второй половины XVIII в. были также полны традиционных ситуаций и стилистических форм героических поэм и рыцарских романов эпохи классицизма». Только в начале XIX в. появляются исторические произведения, черпавшие сюжеты из летописей,— сюжеты, но ещё не стиль!

Не могло быть в конце XVIII в. и подражаний народной поэзии. В конце XVIII и в начале XIX в. фольклор воспринимался как нечто принадлежащее к низшему роду искусства. Фольклорные мотивы могли быть введены в сатиру, комедию, в дружеские и шуточные песни. Народные поговорки и пословицы использовал «Письмовник» Курганова. Фольклорный язык отождествлялся с простонародным. Однако «Слово» по своей теме принадлежало к «высокой» литературе. Оно принадлежало к высоким жанрам в той иерархии литературных жанров, которые зафиксировал Ломоносов. В «Слове» изображены «геройство и высокие мысли». Оно могло восприниматься только как героическая поэма, как «песнь», и именно так было воспринято современниками (см. заглавие, данное «Слову» его первыми издателями: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича»). Следовательно, обращение к народной поэзии в «Слове» было необычным и непонятым. Народность «Слова», его связь с народной поэзией до Пушкина и Максимовича совершенно не воспринималась и не могла быть поэтому и введена в него воображаемым автором XVIII в.

Как понимался фольклор в конце XVIII в., отчетливо видно по обращению к фольклору в произведениях Чулкова, Попова, Левшина. Фольклор воспринимался прежде всего как просторечие, как снижение стиля, то есть прямо противоположно его художественной функции в «Слове». Фольклор использовался поэтому в сатирических журналах. Прежде всего в литературу входили пословицы, новеллистические сказки, анекдоты, песни. Во

всех сборниках фольклорного материала конца XVIII в. фольклор был перемешан с произведениями нефольклорного происхождения. Вот что пишет, например, М. К. Азадовский о сборниках Левшина: «Материал левшинских сборников показывает, что автор их очень хорошо был знаком с устной поэзией; он, несомненно, знал подлинные народные былины, знал и сказки, но пользовался он этим совершенно своеобразно. Конечно, нет и речи о точной передаче народчых памятников; Левшин свободно обращается с ними, соединяет разные сюжеты, соединяет сказку с былинной, подчиняя всё в целом стилю западного рыцарского авантюрного романа. В его сказках встречаются и Василий Богуславич, и Добрыня Никитич, и Алеша Попович, и Чурила, и другие богатыри, однако, кроме имён, в них нет ничего от русского эпоса». Иными словами, это отношение прямо противоположно отношению к фольклору «Слова о полку Игореве», где нет фольклорных имён, но есть тонкое понимание стиля фольклора как возвышенного, где есть фольклорные образы, эпитеты, метафоры, отрицательный параллелизм, фольклорное отношение к природе — одним словом, всё то, что было открыто в фольклоре через несколько десятилетий.

Характерно, что даже ранний Пушкин в своих первых произведениях недалеко ушел от этого левшинского понимания фольклора. Именно к Левшину обратился Пушкин, когда задумал свою первую поэму «Руслан и Людмила».

Настороженное отношение к фольклору было особенно характерно для просветителей XVIII в., для писателей, находившихся на прогрессивных позициях. М. К. Азадовский пишет: «Произведения народного творчества в их (просветителей.— Д. Л.) представлении неразрывно связаны с народным суеверием, народными предрассудками, борьба с последними включала поэтому в свою орбиту народное творчество целиком. Борьба за прогресс и культуру кажется несовместимой с пристрастием к тому, что так или иначе органически связано с некультурными массами. Народные песни, сказки, обряды в глазах просветителей являлись проявлениями народного бескультурья и невежества, а потому вызывали отрицательное или, во всяком случае, холодное отношение. Такое понимание характерно не

только для русского просветительства; оно характерно для всего рационалистического просветительства в целом. У нас такие воззрения в той или иной степени разделяли Татищев, Болтин, Державин, Фонвизин, отчасти Ломоносов, Батюшков и многие другие вплоть до позднейших западников и радикалов» .

Вот почему народно-песенные основы «Слова» были совершенно не поняты ни его первыми издателями, ни первыми исследователями. Первыми, кто увидел, открыл и оценил народнопоэтические элементы «Слова», были А. С. Пушкин в 30-е годы XIX в. и М. А. Максимович. Но и Пушкин, и Максимович обратили внимание далеко не на все народнопоэтические элементы «Слова».

Первые издатели обнаружили в «Слове» то, чего в нём не было,— оссианизм, указав на такие элементы этого оссианизма, которые впоследствии все «обнаружились» в открытой в 1852 г. «Задонщине» (элегический тон, слезы одного из героев-князей, вещая птица — «див», картины природы и пр.). Правда, может возникнуть следующее возражение (и оно действительно было сделано в рецензии К. В. Пигарева на первое издание этой книги): нет ли противоречия в том, что «для русской литературы время появления стилизаций — начало XIX в.», а пародии появляются уже в XVII в.? Ведь пародия, утверждает К. В. Пигарев, неминуемо предполагает стилизацию. Однако в XVII в. пародируется не индивидуальный стиль, а стилистические приметы жанра: церковная служба, роспись о приданом, документы судебного дела и пр.

Индивидуальный стиль ещё не пародируется. В XVII в. нет пародий ни на Симеона Полоцкого, ни на Аввакума .

Итак, «Задонщина» представляет собой вполне типичное для конца XIV — начала XV в. подражание произведению эпохи независимости Руси. Она относится к периоду, когда русская литература начинала медленно возрождаться после застоя, вызванного полуторавековым чужеземным игом. Произведения этого времени обращаются как к своим образцам к лучшим памятникам эпохи расцвета и независимости Руси. Но это обращение своеобразно: из старых произведений извлекаются

образы, обороты речи, формулы, которые затем инкрустируются в сочинения, посвящённые современности.

«Задонщина» имеет все черты нестилизационного подражания, тип которых широко представлен в древнерусской литературе.

Остановившись на метафорах-символах, стилистической симметрии, сравнениях, нестилизационных подражаниях, мы отнюдь не считаем, что этим исчерпываются художественные средства древнерусской литературы. Мы взяли лишь наиболее типичные, чтобы показать различие стилистических средств средневековья и стилистических средств нового времени.

**Н. И. Прокофьев. Записки русских путешественников XVI-
XVII вв.⁷**

Литература путешествий возникла на Руси как жанр на заре русской письменности. Паломнические «хождения» были единственной формой путевых записок в течение почти трёх веков, с начала XII по XIV в. включительно. В последней четверти XV в. появились светские хождения, отчётливо заявившие о себе в «Хождении за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, которое стало вершиной в развитии этого вида жанра. К XVI в. сформировались другие жанровые разновидности: «статейные списки» и «росписи» послов, «отписки» землепроходцев.

Все указанные жанровые разновидности занимали немалое место в историко-литературном процессе русского средневековья. Каждая разновидность путевых записок имела свои особенности по объекту изображения, структуре и типу повествователя. Назначение паломнических хождений — рассказать о христианских святынях и достопримечательностях, светских — о торговых или иных поездках в иноземные страны, статейных списков — об обстановке и ходе дипломатических переговоров, отписок землепроходцев — о новых землях и неведомых народах и народностях Сибири и Дальнего Востока. К этому следует добавить, что на протяжении всей истории путевых записок в Древней Руси бытовала особая жанровая разновидность «скаска», которая представляла собой запись устных рассказов о разных путешествиях: паломнических, торговых, дипломатических и землепроходческих. Несмотря на различия литературных форм, однотипные стилистическая система и структурные части были свойственны всем жанровым разновидностям. Общей задачей всех путевых записок было ясно и точно рассказывать о том, что видел

⁷ Прокофьев Н. И. Литература путешествий XVI-XVII веков // Записки русских путешественников XVI-XVII вв. М., 1988. С. 5-20.

и слышал путешественник, а это в свою очередь требовало широкого использования народной лексики и фразеологии. Общей структурной частью являлись сообщения о маршруте и времени путешествия, соблюдение традиционных приемов описания увиденных мест и городов.

Путевые записки послов назывались «росписями» и «статейными списками», а некоторые из них не имели жанрового обозначения. Как жанровая разновидность, статейные списки успешно распространялись почти два столетия до Петровской эпохи. Назывались они «статейными списками» потому, что должны были дать ответ, по каким статьям (вопросам) велись переговоры и как исполнялся этикет посольского приема. Однако практически статейные списки не ограничивались этими целями. Обилие впечатлений от самого путешествия заставляло расширять рамки этого вида записок, которые Д. С. Лихачёв назвал «Повестями русских послов».

Структура повестей русских послов традиционна. Они начинаются с вступления, в котором сообщается время и место, куда направляется посольство и по чьему повелению. Далее описывается путь, иногда указывается только маршрут поездки. В основной структурной части подробно рассказывается о церемониале приема, о ходе переговоров, точно передаются речи участников переговоров и в заключение указывается, каким путем возвращалось посольство обратно и время возвращения. В эту схему в посольских повестях нередко вставляются краткие очерки о природе, о быте и нравах народа, об экономике, о памятниках архитектуры и искусства. Традиционная структура не мешала каждой посольской повести быть оригинальной, своеобразной не только по содержанию, но и по форме. Это зависело от условий путешествия, от особенностей страны, ее порядков, природы и быта и от личности повествователя.

Записки землепроходцев появились в XVII в. Известно, что интерес к северо-восточным народам зародился на Руси ещё в древний период её истории. Югра, или Угра, как народ и как земля, не раз упоминается в древнейших новгородских летописях. Во многих записках говорится о походах на Югру, о дани, налагаемой

русскими князьями. Содержатся и некоторые сведения географического характера. Более пространно рассказывается о северо-восточных соседях Руси в житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым. Эти сведения повторены с некоторыми дополнениями в Никоновской летописи XVI в. под 1396 г. в статье «О епископе Стефане Пермском», известном проповеднике и составителе азбуки коми-пермяцкого языка. Но северо-восточные земли за пределами Югорской земли долгое время оставались загадкой. Еще в сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», возникшем, видимо, в XV в. и дошедшем в пяти рукописных

списках XVII—XVIII вв., передаются сказочные сведения о жителях Севера и Востока. В частности, в сказании сообщается: «В стране верху Оби реки великая... есть земля Баадь (Байдь) именуется. Леса на ней нет, а людие... живут в земле, а едят мясо соболие. А носят платие все соболия и рукавицы и ноговицы, а иного платия у них нет... А ядь их головы оленье... А стрелба у них такова: трубка железна в руке, а в другой руке стрелка железна, да стрелку ту вкладывают в трубку ту, да бьют молотком в стрелку». Далее сообщается о каком-то загадочном городе на берегу чудесного озера и о его жителях, покидающих город при появлении посторонних людей, но оставляющих пришельцам еду и товары. В этом сказании достаточно небылиц, подобных переводному сказанию XV в. «Об Индии богатой». Реальные сведения о народах Сибири появились в XVI в., а вслед за тем и точные описания путешествий вглубь Сибири и Дальнего Востока, составленные землепроходцами.

Основным действующим персонажем путевых записок является сам путешественник, точнее говоря, повествователь, от имени которого ведётся рассказ и оцениваются события и лица. Повествователь путевых записок — всегда представитель эпохи. Историческая жизнь строго распределила по времени типы повествователей: в его личности как бы концентрировались основные веяния, стремления и чаяния времени. В XI—XIV вв. единственным типом путешественника-повествователя был

паломник. Это не означало, что в ту эпоху не было торговых и дипломатических связей со странами Востока и Запада. Известно, что купцы и послы совершали путешествия и в древнейшие времена, однако они не нашли отражения в путевых записках. Паломнические путевые записки создавались на протяжении всей истории русского средневековья, и в них традиционно сохранялся устойчивый тип повествователя, благочестивого человека, благоговейно осматривающего христианские достопримечательности. К такому типу относятся и купцы Василий Поздняков и знаменитый Трифон Коробейников. Сложившийся стереотип повествователя в этом жанре обезличивал путешественника, лишая личность ее оригинальности. Исключение составляет родоначальник жанра игумен Даниил, придавший повествователю свойства благочестивого человека, но в то же время проявившийся в тексте личностью своеобразной и яркой. В XV в. сложился новый тип повествователя — предприимчивый купец, который властно заявил о себе и в исторической жизни, и в путевых записках (Афанасий Никитин). Показательно, что именно купцам в середине XV—XVI вв. поручаются многие дипломатические поездки.

Примечательна и загадочна личность Мисюря Мунехина, или Михаила Григорьева, как он называется в некоторых редакциях скаски о его путешествии в Царьград и Египет. При этом «Михаил Григорьев» — это его имя и отчество, а «Мисюрь Мунехин» — прозвище, равнозначное современным фамилиям. Само прозвище «Мисюрь» значит «египтянин» (древнее название Египта — Мисюрь). Прозвище он получил после поездки в Египет. Мисюрь Мунехин был весьма заметным деятелем конца XV — начала XVI в. В 1493 г. он в составе русского посольства совершил путешествие в Царьград (ныне Стамбул) и Египет, где находился 40 дней, побывал он в Риме и Венеции, в Солуне (Фессалоники), Нике и на Синае, проехал по городам северного побережья Черного моря к востоку от Царьграда. Позднее Мисюрь Мунехин назначался «стоять» при турецком после Алакозе. Он был близок к старцу псковского Елизарова монастыря Филофею, известному мыслителю и публицисту. Сохранились два послания Филофея

Мисюрю от 1517 г. по поводу астрологических предсказаний Николая Немчина и латинской ереси и от 1521 г. по поводу мора в Пскове и злоупотреблений властей. Последние годы своей жизни, с 1510 по 1528 г., Мунехин был дьяком великого князя при псковских наместниках, ведал великокняжеской казной Василия III Ивановича.

Дошедшая до нас скаска посвящена описаниям Царьграда и Египта. Сам отбор материала не случаен. Наш путешественник, как уже сказано, бывал и в других городах и землях. Он посетил Рим и Венецию в пору расцвета культуры Возрождения в этих городах. Возможно, что он добирался туда через другие города Западной Европы. Однако рассказы о них не вошли в скаску. Московское государство конца XV — начала XVI в. рассматривало себя законным преемником Византии, что обусловило возникновение теории «Москва — третий Рим». Это не могло не сказаться в отборе материала для записей о путешествии.

Начинается описание Царьграда с указания семи названий столицы православного христианства в последовательной преемственности: Византия — Царьград — Константинополь — Царствующий град — Седмихолмный град — Новый Рим — Станбол. Столица православия — Новый Рим стал именоваться турецким, мусульманским именем после завоевания турками в 1453 г. Сами названия полны символического смысла. Далее идёт указание на символические числа, относящиеся к городу. Оказывается, треугольное расположение Царьграда означает образ Святой Троицы, расположение на семи горах — дни недели, 12 башен — месяцы в году, число ворот 24 — часы в сутках, 365 стрельниц — дни в году.

За перечислением цареградских церквей скрыта мысль о падении Нового Рима. В городе осталось всего «церквей христианских... с пением (то есть со службой) 72, а побусурманено их 380, а пустых 162». Даже чины Цареградского царства перевел турецкий царь: «...как было у христианских царей да имена им по-своему дал». От православного царства христианского в Новом Риме не осталось ничего даже в названиях.

Описание Египта в скаске не содержит каких бы то ни было легенд. Автор повторил некоторые сведения своих предшественников, сжав их рассказ до перечисления количества мечетей, кермасараев, улиц и дворов в городе. Но Мисюрь Мунехин впервые в русской литературе рассказал о дворе султана, сравнив его с Московским Кремлём.

Заканчивается скаска о путешествии Мисюря Мунехина рассуждением о величии Руси, о ее великой роли в международной жизни; после перечисления городов и земель, которые посетил наш путешественник, автор говорит: «...и ехал по тем градом ничем не вредим божию милостию и славного и грозного государя и великого князя всея Руси. Имя его и слава и гроза в тамошних странах и во всех градах, что солнце на аере сияет, подобно солнцу слава государева во иноверных странах и языцех и происходит в род и род и до века».

Остается неясным вопрос, создавал ли записки о своём путешествии Мисюрь Мунехин сам или он ограничился устным рассказом, дошедшим до нас в записи знаменитого старца Филофея, который был его единомышленником и другом. Не исключено также, как полагает А. А. Шахматов, что старец Филофей пользовался записками самого путешественника.

В XVI в. появляется собственно дипломат: образованный и бывалый дьяк Посольского приказа или видный государственный деятель. Наконец, в XVII в., в «переходную эпоху» от средневековья к новому времени, в «бунташное время», как называли этот век сами современники, в истории путевых записок занял большое место землепроходец, выходец из вольного казачества, служилых людей и приказных чинов.

Посол и землепроходец — личности яркие, волевые, с довольно широким кругозором. В них дают о себе знать веяния нового времени. Внешний облик, разумеется, не мог найти своего отражения — это было чуждо самому жанру, но интересы повествователя, его переживания, его реакция на окружающий мир представлены более разнообразно. Повествователь становится личностью, а не абстракцией.

В XVII в. и паломники не укладываются в традиционный тип благочестивого и смиренного человека. Облик Василия Гагары как повествователя наглядно говорит об этом. Его признания о своей жизни до сорокалетнего возраста далеки от благочестия и смирения. Гагара своеобразная и яркая личность, в ней воплотились и былинные свойства новгородского озорника Васьки Буслаева, не верившего «ни в чох, ни в жох, ни в птичий грай», и своевольные настроения «бунташного времени». Он принадлежит к купцам начитанным. Ему ведомы хождения Трифона Коробейникова, на которые он дважды ссылается, «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле», проложная легенда о епископе и златокузнеце (которой в свое время воспользовался Н. С. Лесков для рассказа «Гора»).

Нет покорности и смирения перед духовенством Иерусалима и у Арсения Суханова, приехавшего на христианский Восток для критического сопоставления служебных и церковных порядков, сложившихся на Руси и Востоке. Он не паломник, а посол по особым поручениям, прибыл не поклоняться, а исследовать. Он не только учится, но и учит и даже обличает вифлеемских служителей культа за их нерадивость и стяжательство. Арсений Суханов был и одаренным дипломатом. Недаром московский патриарх Иосиф дал ему поручение выяснить различие церковнослужебных обрядов русской и восточных церквей, а царь Алексей Михайлович приказал установить контакт с Богданом Хмельницким для предварительного выяснения вопроса о возможности воссоединения Украины с Россией. Наряду с выполнением церковных и государственных поручений он по своей воле собирает рукописи и какие-то изделия, о чём скромно сообщает: «Собрав рухлядишко свое в коробью, и книги и всякую мелочь». Известно, что собранная «мелочь» составила несколько сот славянских и греческих рукописей, среди которых находились и античные. Целый обоз доставил в Москву Арсений Суханов; ехал трудным сухопутным путем через территорию Османской империи, горы Кавказа и южные степи, добираясь до границ Московского государства.

Повествователи посольских записок о странах Европы — сильные и интересные личности. Это предвестники Петровской

эпохи. Они далеки от тех оценок, которые позднее им давали некоторые русские литературоведы и историки.

Известный филолог Н. С. Тихонравов, очевидно, ошибался, когда писал: «Бессознательное удивление было единственным уделом этих людей, если они попадали в западные государства». В таком же духе писал и В. О. Ключевский: «Неподготовленные и равнодушные, с широко раскрытыми глазами и ртами, смотрели они на нравы, порядки и обстановку европейского общежития, не различая див культуры от фокусов и пустяков, не отлагая в своём уме от непривычных впечатлений никаких помыслов». Такие суждения далеки от объективной оценки повествователей путевых записок.

Пётр Потёмкин ещё во второй половине XVII в. со знанием дела судил о культуре, порядках и состоянии образования в Европе. Посетив в 1667 г. Францию, он записал: «Люди во Французском государстве человечны, и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщательны. Из ыных государств во Французскую землю, в город Парис (Париж) и ыные города, приезжают для науки философской и для учения ратного строя королевичи и великородные и всяких чинов люди, потому что город Парис великой и многолюдной и большой, и школ в нем безмерно много, студентов в Парисе бывает тысячь по тридцати и больше».

Следует заметить, что такая высокая оценка состояния образования во Франции не означает слепого благоговения перед европейской жизнью. Тот же Пётр Потёмкин возмущенно пишет о произволе чиновников во Франции. Он выразительно описал столкновение со сборщиком пошлины на испано-французской границе: «А как видя и твое безстыдство и нрав зверской, как псу гладному или волку несыту, имущу горжан восхищать от пастырей овцы, так тебе бросаю золото как прах». При этих словах Потёмкин бросил на землю двести золотых монет, но расписку взял, чтобы получить у короля Людовика XIV компенсацию за эти расходы, дважды напоминал королю и добился своего.

Дух и стиль начала петровских реформ наложили свой отпечаток на повествователя «Записок неизвестной особы». Он человек нового времени, он уже подготовлен к обновлению жизни

России. Это прежде всего сказывается в новой системе взглядов, лишенных средневековых традиций. Повествователь приехал в Европу ознакомиться с достижениями её науки и культуры, он с интересом всматривается во всё, с достоинством и знанием дела судит о европейской цивилизации. Его внимание приковано и к религиозным вопросам. Однако показательно, что интерес к религии овеян не только веротерпимостью, что было характерным для паломнических хождений, но и религиозным свободомыслием. Описание различных церквей и монастырей представлено без попытки отдать преимущество какому-либо вероисповеданию. Он равнодушно повествует о службах и обрядах квакеров, католиков, капуцинов, иезуитов, евреев и православных. Его восторгает лишь прикладное искусство церквей и соборов. Но когда он рассказывает о диспуте в связи с присвоением ученого звания, то с гордостью патриота своей страны отмечает, что успеха добился человек «нашей веры»: «В Венеции в греческой церкви был. Одного свидетельствовали нашей веры, достоин ли философского места: сидел владыка, прокураторы 30 человек, сидели духовного чину римлян ученых, и у всех печатные листы, о чем свидетельствуется ученик, и многие ученые люди со оным учеником диспутовались, всем ответ давал».

Повествователь увлечен наукой и культурой, он посещает европейские академии, библиотеки. При посещении академии пишет: «Приехал в Падву (Падую), славная академия». «Ездил в Лейден и был в сей день в анатомии. Тут много вещей знатных, зело предивных много вещей, и обо всех взята книжка на латинском языке». Ватиканскую библиотеку, которую удалось посетить, он назвал «превеликой». В Роттердаме его привлек памятник гуманисту эпохи Возрождения, врагу религиозного фанатизма Эразму Роттердамскому, о котором он пишет: «Видели славного человека ученого персону из меди. Вылита в подобие человека и книга медная в руках... имя Еразмус».

Но не только наука, культура и искусство Европы привлекали внимание повествователя. Он поведал о жизни и нравах народных: о праздничных маскарадах, традициях травли быков собаками в Италии, о «кулачных боях» и других народных зрелищах.

О многих сторонах европейской жизни, столь непривычных для русского человека, повествование ведётся как-то беспристрастно, без эмоций и удивления. Будь то рассказ об ужине в одном из домов Амстердама, «где стояли нагие девки, кушанья на стол и пить подносили все нагия... только на голове убрано, а на теле нет никакой нитки», или о поединке, когда «бьются нагишом, кто первый зашибет до крови или с моста сбросит, тот прав», и многих других европейских нравах. Но когда речь заходит о науках, библиотеках, искусстве, итальянской музыке и пении, чувствуется, что восторг охватывает повествователя, и появляются безыскусные эмоциональные оценки: «славная академия»; «великие науки»; «библиотека превеликая»; «был в библиотеке, превеликое собрание разных книг, хорошее тщение и попечение»; «библиотека пять сажень вдоль, все столы сплошь наполнены книгами разными; шкапы без дверей, ярлыки висят над всяким шкапом, подписаны, какие в коем книги; по середке стол, три глобуса, инструменты, лежат изрядно». С еще большим восторгом ведется рассказ об искусстве: «такая работа, что невозможно верить».

Следует заметить, что итальянские певцы и музыканты произвели особенно сильное впечатление на русского путешественника. В Венеции он слышал двух певец: «Одной имя Сусана, а другой Осеика — пели похвалу Богородице так изрядно, что вся Венеция удивилась, и мы не слыхали во всей Италии такого пения». Далее сообщается: «Тут же был в монастыре, слышал музыки. Такой музыки николи не слыхал во всей Европе. Пели девки на хорах и на всех инструментах играли в церкви каталицкой». В записках называются имена лучших певцов и певец Италии XVII в. («во всей Италии славные певцы»): неаполитанец Мачуль, Маргарита, Картуса, Пикуданино, Сицилия, Катина. Таким «славным певцам» на карнавалах «дают найму по 1000 червонных и больше». В конце XVII в. в России ещё не было привычных для позднего времени певческих терминов, поэтому автор певец называет «девками», певцов «кастратами». Последнее слово в контексте не имеет иронической окраски, а означает, что речь идёт о великих певцах.

Только в двух записях сообщается о политической жизни. Причём запись об отношениях Италии с Османской империей освещается косвенно, через описание памятника в Ливорно в честь военной победы над Турцией: «Город велик, на берегу стоит моря. У корабельной пристани сделан столб каменной, на столбе князь Флоренской, под столбом четыре человека турок вылиты из меди: руки назад завязаны, прикованы к столбу на цепях. У князя под ногами чалма турецкая, лук, палаш. А полону турецкого в городе 300 человек, ходят днём по воле, ночью в тюрьме держат».

Повествователи землепроходческих записок стремились поведать о том, как проходили походы в необжитые земли к неведомым народам Сибири и Дальнего Востока, какие природные условия и богатства обнаруженных земель, что представляют собою народности и племена, населяющие эти земли, какие водные и сухопутные пути ведут к открытым землям и как относятся местные жители к присоединению их к России. Инициаторами походов нередко были сами торговцы и промышленники, интересы которых совпадали с интересами государства. Во второй половине XVII в. эти походы стали своего рода бумом. Купцы, промышленники пушного и морского зверя, служилые люди устремились в неведомые просторы, преодолевая огромные трудности, испытывая голод и холод, подвергаясь смертельной опасности. Многие погибали безвестно, но это не останавливало порыва к загадочно богатым землям.

Повествователи землепроходческих записок принадлежат, как правило, к лучшим представителям этого движения. Среди них прежде всего Петр Бекетов, Семён Дежнёв и Владимир Атласов, записки которых вошли в сборник. Этот тип путешественников по праву назван землепроходцами. Он начал складываться в русской литературе в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. Бекетов исследовал водные пути Забайкалья, Дежнёв — сухопутный и водный путь на северное побережье Чукотки через Анадырь. Среди землепроходцев особое место занимает Ерофей Хабаров. Со страниц записок он выглядит менее всего исследователем, открывателем новых земель и путей к ним, а расчётливым

хозяином, усилия которого направлены на освоение открытых земель и завоевание этого права военной силой.

Отношение Петра Бекетова к местным жителям было иное, чем у Хабарова. Он наказывает своим разведчикам, чтобы они разъясняли местному населению, что идёт «со служилыми людьми на Иргень Озеро и на Великую реку Шилку с добром, а не с войною и боем». Таких же взглядов придерживался и Семён Дежнёв. Он лишен стяжательства и карьеризма. Он непримиримо относился к тем участникам похода, которые бессмысленно грабили и творили насилие над местным населением, и вступил в конфликт с Михаилом Стадухиным, сторонником военной силы. Семён Дежнёв — человек добрый и вспыльчивый. В конце его второй отписки рассказывается о суде над членом отряда Михаила Стадухина проходивцем Евсейкой, который «стал на суду говорить невежливо, о носок оперся, и я (Семён Дежнёв.— Н. П.) за то невежество хотел его, Евсейка, ударить батагом».

Владимир Атласов ориентирован на мирное присоединение народов Камчатки к России, сам он их «призывал ласкою и приветом». В его «скасках» последовательно проводится мысль, что присоединение к России народов Камчатки и вообще Сибири и Дальнего Востока выгодно и для них самих, поскольку ограждает от опустошительных набегов родовых племен друг на друга. Он отмечает: «Меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту». Но приходилось Атласову принимать и военные меры, чтобы прекратить межродовые распри. «И они, камчадалские иноземцы,— говорится во втором списке,— стали ему, Володимиру с товарищи, говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтобы ему, Володимиру, с ними на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить, чтобы они жили в совете». Он бережно отнёсся к «полоняннику», оказавшемуся на западном побережье Камчатки будто бы выходцу из Индии.

Известно, что «полонянник» в 1701 г. был доставлен в Москву, он оказался японцем Денбеем из города Осака, который в дальнейшем, овладев русским языком, рассказал, откуда он родом и как попал на Камчатку (1). В Москве сообщение Владимира

Атласова о «полоняннике» и «скаска» самого японца вызвали большой интерес, и по приказу Петра I была создана первая специальная школа японского языка, а её первым учителем был «полонянин» Владимира Атласова.

Русские путевые записки XVI—XVII вв. обогатили сознание современников. Они внесли новый аспект в понимание европейской цивилизации, расширили представление о странах Ближнего Востока, рассказали миру о новом пути в Монголию и Китай, открыли неведомые не только соотечественникам, но и европейцам новые земли и народности Восточной Сибири и Дальнего Востока. Древнерусская литература обогатилась литературными формами и стилевыми приемами в изображении жизни.

Наиболее древняя жанровая разновидность — паломнические хождения претерпевают изменения в структуре и принципах изображения. В их содержании сливаются мотивы, свойственные паломническим и светским (торговым и дипломатическим) хождениям. Такое изменение в стиле отчётливо прослеживается, например, в хождении Трифона Коробейникова.

Другой отличительной особенностью хождений этого периода является стремление беллетризовать повествование за счет утраты достоверности, свойственной хождениям предыдущих веков. В очерковые зарисовки вводятся в избытке легендарно-увлекательные рассказы. Создаётся такое впечатление, что паломников интересует не столь то, что они видят в пути, а то, о чём рассказывают легенды и чего так избегали в записках их ранние предшественники. И чем легенда увлекательнее, тем с большим рвением авторы её литературно обрабатывают и включают на страницы хождений. При этом пристрастие к легенде сочетается с сознательным вымыслом, маскируемым под достоверное. Трифон Коробейников менее всего воспользовался личными впечатлениями. Он собрал материал из различных письменных и устных источников о местах христианского Востока, блестяще обработал его, приспособив к жанру хождений, и в результате появилось столь любопытное произведение литературы, которое стало на долгое время одним из самых популярных в народе. Это и

вводило позднее в заблуждение исследователей, которые, сопоставляя литературные заимствования памятника с реальными фактами путешествия, приходили к выводу, что автор не был в Палестине, Синае и Египте, и на этом основании отказывались признать его первое путешествие реальностью.

На самом же деле Трифон Коробейников действительно совершил в 1582 — 1584 гг. по повелению Ивана Грозного путешествие в Царьград, Иерусалим и Египет в составе делегации для раздачи денег на помин души убиенного царевича Ивана. Но создал Коробейников свои записки десятилетием позднее. Это подтверждает неизвестный до сего времени документальный запрос царя Алексея Михайловича в Посольский приказ о путешествии Трифона Коробейникова и ответ думного дьяка Михаила Волошенкова царю на этот запрос, где ясно сообщается, что Трифон Коробейников в назначенное время совершил путешествие .

Приемы работы Трифона Коробейникова использовал затем Арсений Суханов в своём очерке о Иерусалиме, он уже счёл своим долгом указать, что его сочинение «собрано от писаний», то есть создано на основе литературных текстов предшественников, и далее указывает эти источники, среди которых значатся классические хождения игумена Даниила и Трифона Коробейникова.

В хождениях второй половины XVI в. находили место и деловые документы, и очерковые зарисовки, основанные на личных впечатлениях. Вот такой конгломерат, состоящий из легендарных рассказов, очерковых зарисовок, деловых документов, заимствованных литературных описаний, придаёт стилевое своеобразие этим паломническим хождениям.

«Записки неизвестной особы» по своей литературной форме и содержанию занимают промежуточное положение между светскими хождениями, статейными списками и путевыми очерками нового времени. Новое и старое в них причудливо сливается. Эта смесь, характерная вообще для литературы конца XVII в., особенно заметна и в отборе предметов для описания, и в языке. Традиционная стилистика хождений в описании церковных храмов и христианских святынь контрастирует с бытовой народной

лексикой. После рассказа о «млеке пресвятыя Богородицы в склянице» идёт описание дома терпимости и площадного балаганного представления. Логика такой смеси проста: повествователь ведёт рассказ на основе временной последовательности осмотра.

Возникновение в XVI в. новой жанровой разновидности статейных списков с их целевым назначением изображать достоверно обстановку приема послов и точно воспроизводить речи участников переговоров повлекло за собой необходимость создания новых стиливых приемов, побудило авторов обращать внимание на жесты, позы, обозначать место, где стояли участники посольского приема, детально рассказывать, как они действовали. В статейном списке Ф. А. Писемского показана своеобразная мизансцена приближения русских послов во дворце к залу приёма, где их ожидала английская королева. Здесь подробно описано, как несколькими рядами придворные, сопровождая послов, приближались к тронному залу, «витався за руки», и как происходил церемониал действий уже в самом зале: «и шедчись с Федором и с Неудачею, витались за руки. И Федор и Неудача подступили к ней близко, и правил Федор королевне поклон, и королевна Федора звала к руке. И Федор у королевны был у руки, являл ей от государя поминки; и королевна государевы поминки принимала сама и отдавала своему казначею... И королевна, приняв грамоту, посмотря её печати, отдала дяку своему... а Федору молыла (молвила.— Н. П.): «Яз де русской грамоте не умею, будет у вас с тое грамоты список переведен на английской язык, и вы дайте мне список». И Федор взял у толмача Елизара с верующие грамоты переводной список, подал королевне».

Вся сцена приема представлена подобно драматургическому сценарию. Так реализм описания самого церемониала, соблюдаемого во время приема послов и ведения дипломатических переговоров, породил стиль сценарности в основной структурной части статейных списков. Следует, однако, заметить, что этот стиль в древнерусской литературе использовался и раньше в «Чиновниках», в сочинениях, посвящённых исполнению обрядов, в частности обряда венчания на царство. Впервые в хождении он

применён ещё в конце XIV в. Игнатием Смольнянином. В XVI—XVII вв. он получил дальнейшее развитие.

Вслед за изображением церемониала приёма в том же списке Ф. Писемского передаются пространные речи, произнесённые на приеме, в записи господствует стиль русского разговорного языка. Показателен монолог самой английской королевы: «И яз о том государю вашему много челом бью, что, любячи меня, хочет меня к себе имети в свойстве. А лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а не может добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато... Таперво дитя-девица недомогает, а так, какова она теперва есть, не мочно парсон её велети написати, хотя мне давай всего света богатество». Запись речи королевы, что невеста больна оспой и «лице её ямовато», что поэтому не может показать невесту, передаёт не дословный перевод, а реальный сколок живой русской разговорной речи, наполненной бытовой лексикой. В статейном списке Федора Писемского содержится рассказ о его секретных переговорах с английской королевой Елизаветой о женитьбе русского царя Ивана Грозного на родственнице королевы Мэри Гастингс (Марии Хантис). Посол просил, чтобы изготовили «парсуну» (портрет) невесты. Вначале послу отказывали в этом, а затем для него были устроены тайные смотрины. Вся сцена смотрин изображена с несомненным литературным мастерством и может быть отнесена к лучшим образцам художественной прозы XVI в. Сквозь деловую запись светится эмоциональное состояние участников тайных смотрин, взволнованность диалога, зримо обрисован облик и самой невесты. Ее литературный портрет предвосхитил известные портреты, появившиеся в литературе XVII в.: «Мария Хантис ростом высока, тонка, волосом руса, нос прям, у руки пальцы тонки и долги».

Приведём ещё один красноречивый пример художественной прозы этого времени из «росписи» Ивана Петлина: «А дворы в Мугальской земле кирпичны, деланы на 4 углы, ограда кругом двора высока; а на дворах палаты кирпичные, а не высоки; а подволоки у палат выписано травами, красками разными; а украшены палаты различными красками: не хочется из палат вон

итти». Или описание культовых буддийских скульптур в храме: «А по сторонам трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не разпознаешь издале, что тело или глина, как быть жив».

Блестяще владел словом купец Федот Котов. Он впервые познакомил русского читателя с жизнью Персидского царства. Это не значит, что на Руси не было прямых связей с этой страной. Известно, что они восходят к древнейшим временам. Но в силу непонятных причин о Персидском царстве не было создано путевых записок, кроме заметок топографического содержания у Афанасия Никитина и его интересного описания праздника в честь основателя шиитской ветви мусульманства халифа Али. Первенство в ознакомлении с торговой, бытовой и деловой жизнью Персии принадлежит Федоту Котову.

Путешественник ярко рассказывает о торговых порядках столичного Испагана, о восточном базаре, где не только совершаются торговые сделки, но и изготавливаются различные товары («делают всякое дело»), чеканят монету («в той же тынчи и деньги делают»). Базар и место увеселения: зазывалы приглашают в кафе, где звучит музыка и посетители забавляются различными играми. Здесь же разбираются судебные дела, выносятся приговоры и совершаются казни. На базаре множество лавок и амбаров с товарами и среди них «русских с 200». В столице Персии оказались и русские мастеровые люди: «А с конца майдану ворота высоки стоят часы, а где часы стоят и то место выписано золотом, а сделано стройно, а у часов мастер русской».

На базар сам шах «выезжает». Во время пребывания Федота Котова в Персии правителем был шах Аббас I (с 1587 до 1629 г.), который в 20-х годах XVII в. удачными походами на Багдад расширил территорию, укрепил власть в государстве, стал опасным соперником для Турции. О шахе сообщается ряд интересных подробностей, в частности о его торжественной встрече после победоносного похода на Багдад, о его отношении к народу, о его политике кнута и пряника. «А шах охоч и днем гулять по майдану (торговой площади.— Н. П.) и рядам, не во многих людех, только перед ним ходят скороходы с батагами». Отношение к шаху Федота

Котова весьма противоречиво. Ему импонируют традиционно строгие повеления шаха, но вместе с этим устрашает его жестокость и покорный фанатизм народа: «А заповедь шаха такова,— пишет путешественник,— кто не идет шаха встречать от семи лет по осмидесяти лет... того казнят — брюхо порют».

Записки землепроходцев оформлялись иначе, чем другие жанровые разновидности литературы путешествий. В них подводился краткий итог похода и открытий на основе собственных наблюдений и расспросов местных жителей. В их основе, как правило, живая «словесная карта» путешествия.

Отписка Петра Бекетова основана не только на собственных открытиях, но и на сведениях, добытых предшественниками. В частности, упоминаются открытия Ивана Максимова, который передал ему «роспись и чертежи» (описание и географические карты): «Иван подал роспись и чертёж Иргеню озеру, и иным озерам, и Кильке реке, и Шилке реке, и иным рекам, которые пали в Витим реку из Иргеня озера и из иных озер. И яз принял у него, Ивана, роспись и чертёж».

Записки Семена Дежнева состоят из двух отписок, посланных одна вслед за другой. Вторая отписка повторяет многие сведения, которые излагались в ранее посланной, но содержит и дополнительные описания открытого мыса на севере Чукотки (названного впоследствии мысом Дежнёва) и лежбищ морского зверя. Вторая отписка, надо полагать, вызвана сомнением, что первая дойдет по назначению. Отписки Семена Дежнёва писались в невероятно трудных походных условиях, когда путешественники испытывали и холод и голод, в условиях столкновений с русскими промышленными и торговыми хищниками, которые обирали и истребляли местных жителей и тем самым озлобляли их против пришельцев, в условиях распрей и войн между самими родовыми племенами и народностями полуострова. У автора записок порой не было бумаги, и он скорбно сообщал: «А государевых всяких дел писать не на чем, бумаги писчей нет». Отправляя отписки с Сидоркой Емельяновым и с Панфилом Лаврентьевым, он даёт наказ: «На Колыме реке... те отписки отдать служилым людям или торговым и промышленным, кто будет». Записки Дежнева

непоследовательно излагают события, литературно не обработаны. Но когда их читаешь, то испытываешь волнение от всего, будь это краткая запись о погибших друзьях, об имуществе, взятом в долг, о голоде, о переговорах с местным населением, о трудностях самого похода.

Путевые записки XVI—XVII веков относятся к произведениям документальной прозы. В Древней Руси документализм и художественный вымысел сливались в одном произведении. Лишь впоследствии документальная письменность и художественная литература постепенно стали размежевываться. Однако долгое время такое разделение было условным. Дело в том, что, по взглядам людей русского средневековья, всякое литературное произведение было лишено вымысла. Оно повествовало только о том, что было, о жизни. Даже библейские легенды признавались не выдумкой, а реальностью в прямом значении этого слова. Но и после осознанного разделения документальной прозы и художественной оба эти вида словесного творчества развивались во взаимодействии, оказывая влияние друг на друга. В отдельные исторические периоды нового времени эта взаимосвязь то усиливалась, то ослабевала, но никогда не прерывалась. Новое укрепление этой взаимосвязи мы видим в конце XVIII — начале XIX в. Примером того являются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и другие, подобные произведения. В эпоху расцвета реализма с его отрицанием фактологического изображения Бальзак обронил известную фразу: «Это глупо как факт». Разумеется, факт может быть «глупым», то есть нехарактерным, исключительным. Документализм может и правдиво изображать жизнь и искажать её, если избираются нехарактерные факты.

Правдивость и точность древнерусской литературы путешествий, в значительной мере обусловленные жанровыми канонами, которых строго придерживались авторы путевых записок, побуждали к тому, чтобы избегать «глупых» фактов. Само назначение и структура жанра заставляли писателей избирать наиболее важное и достойное. Небольшой объем сочинения, его лаконизм не позволяли разминиваться на мелочи. Наконец,

требование жанра писать только о том, что видел и слышал сам путешественник, соблюдалось на протяжении всей истории русского средневековья и во всех жанровых разновидностях. Отъезжающие дипломаты и землепроходцы получали специальный наказ от должностных лиц: «Помня час смертный, писать правду, без прикладу».

Древнерусская литература путешествий фактологична.

Эти произведения выполняли великую миссию. Порождённые материальными и духовными запросами исторической жизни народа, они несли знания современникам и накапливали поучительный опыт для последующих поколений. Бережное обращение с фактом, его точное изображение само по себе значительно и важно. Тогда факт становится ценным источником исторического познания жизни в различных аспектах: по истории международных связей, географических открытий, культуры, этнографии, искусства. Но наряду с этим путевые записки — явление словесного творчества, явление языка разговорного, публицистического и художественного. Не случайно, например, путевые записки купца Трифона Коробейникова без преувеличения можно отнести к самым популярным произведениям древнерусской литературы. Они дошли до нас во многих сотнях списков, хранящихся в разных концах России. Они читались и царем Алексеем Михайловичем, и писателями XVII—XVIII вв., они были популярны среди грамотных крестьян Русского Севера и стали народным чтением.

Статейные списки русских послов и отписки землепроходцев адресованы были узкому кругу заинтересованных читателей и не рассчитаны на долгую жизнь. Однако и к ним появился и познавательный и отчасти литературный интерес в XVIII—XIX вв. Ряд путевых записок опубликован был Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике», а «роспись» Ивана Петлина и статейный список Федора Байкова о путешествии в Монголию и Китай привлекли к себе пристальное внимание не только в России, но и за ее пределами. Рукописный список «росписи» Ивана Петлина оказался в Западной Европе и семь раз издавался в XVII—XVIII вв. среди сочинений о замечательных географических открытиях.

Статейный список Федора Байкова впервые был издан в середине XVII в. в Париже, а затем неоднократно издавался на латинском, французском, немецком и английском языках.

В современную эпоху интерес к документальной литературе возрос. Многовековой опыт прошлых эпох и ушедших поколений и сегодня может быть поучительным, поэтому не следует обходить его молчанием. Но до сего времени эти произведения рассматривались в основном как исторический источник и оставались в тени как явление литературного творчества эпохи.

Конечно, нравственно-эмоциональное впечатление возникает у подготовленного читателя. Ныне чтение путевых записок XVI — XVII вв. потребует у читателя преодоления языкового барьера. Несмотря на известные трудности в чтении, многие страницы путевых записок представят немалый познавательный и художественный интерес. В их кажущейся наивности содержится житейская мудрость, а в лаконизме ценная простота стиля, свойственные древнерусскому искусству.

Приложение №5

Ключи к итоговому тесту

1. 3
2. 4.
3. 5-3-4-1-2
4. 1-Г; 2-В; 3-Д; 4-А; 5-Б
5. 2
6. 5.
7. 5.
8. 3.

электронное учебное издание

БЕССОНОВА ЛАРИСА ПЕТРОВНА

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебно-методическое пособие

изображение на обложке
сгенерировано нейросетью Kandinsky
Модель: Kandinsky 3.1

Подписано к использованию 23.12.2024 г.
Объем 6.84 усл. печ. л.
ООО «ЭЛИТ». 385020, РФ, Республика Адыгея,
г. Майкоп, а/я 09.
E-mail: elit-publishing@ya.ru